

охота

и охотничье хозяйство

10

2004

Сибирская пушнина

В. ПЕТРЕНКО

Сибирский НИИ охотничьего хозяйства и звероводства, г. Красноярск

Сфера оборота промысловой пушнины — одна из важнейших в комплексе сибирского охотничьего хозяйства, в котором трудятся десятки тысяч промысловых охотников, как профессионалов, так и любителей. От величины закупочных цен на шкурки соболя, белки, ондатры, песца белого и нескольких десятков других видов пушно-мехового сырья зависит благополучие промысловиков и их семей.

В условиях рыночной экономики от ценового фактора во многом зависит и освоение ресурсов охотничьих животных. Возрастание цен ведет к усилению охотничьего «пресса», а снижение — к опустению и безлюдью отдаленных охотничьих угодий. Популяции диких животных в такие периоды переходят на естественные механизмы регуляции своей численности, как правило на более низком уровне. Например, структура поголовья соболя в такие периоды характеризуется преобладанием зверьков старших возрастных категорий. Хищник в расцвете сил, как правило, захватывает больший (чем средний) по величине индивидуальный участок, изгоняет молодняк. Такая ситуация обычно складывается во время так называемого дикого рынка, целиком зависящего от моды на меховые товары. Применение каких бы то ни было административных и экономических научно обоснованных рычагов — ограничение сроков охоты, оптимизация величины охотничьего участка, введение платежей за пользование охотничьими ресурсами и т. п. — постепенно превращает охотничий промысел в охотхозяйственное производство. А осуществление маркетинговых мероприятий в сфере меховой моды, пропаганда того, что промысел является по сути дела технологическим приемом по сбору «урожая» популяций диких животных и сферой приложения труда коренных малочисленных народов Севера с самобытной культурой, делает его цивилизованным производством XXI века. Но это — дело, думается, недалекого будущего.

10—12 лет назад, когда в России изменилась общественно-экономическая формация, охотхозяйственное производство в лице государственных и кооперативных промысловых хозяйств рухнуло. Практически снова пришел дикий пушной рынок. Пушные базы легкой промышленности — адепты командно-административной системы, привыкшие работать только с узким

кругом юридических лиц и «принимавшие» пушно-меховое сырье по государственным ценам, находились в растерянности. Захлестнувшая всю экономику России мыслимыми и немыслимыми темпами инфляция ввела их практически в ступор. Закупочные цены пушных баз в десятки и сотни раз отставали от международных цен на соболя и белку. В это время возникли первые симптомы недоосвоения ресурсов, появились свободные охотничьи участки, стали наблюдаться мощные миграции соболя. В этих условиях на смену пушным базам пришли частные структуры. Способствовало становлению частного пушного бизнеса также и отмена спецэкспорттерста (правда, просуществовавшего недолго) и полная монополизация пушного рынка.

Одним из ярких образцов новых структур явилось товарищество с ограниченной ответственностью (акционерное общество закрытого типа) — Научно-исследовательская лаборатория экономики и организации (ТОО «Лаборатория ЭКО»), сейчас преобразованная в соответствии с Гражданским Кодексом Российской Федерации в закрытое акционерное общество Пушно-меховая компания «Сибирь-Пушнина». Товарищество было организовано в 1992 г. бывшими научными сотрудниками отделения ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства в г. Красноярске. Приватизация в 1991 г. трудовым коллективом Красноярского ВНИ-

ИОЗ никак не отразилась на деятельности вновь созданного предприятия. Приютил тогда молодой коллектив из трех человек Институт леса СО РАН, сдав в аренду лишь одну комнату площадью в 20 кв. м.

В связи с резким сокращением вложений в науку и в силу сложившейся общеэкономической ситуации в стране предприятие было вынуждено искать дополнительные источники финансирования. Одним из них рассматривались доходы от перепродажи пушнины. Проведенные в этом направлении исследования и первые сделки показали, что этот рынок в крае функционирует бессистемно, поэтому это направление стало основным, хотя научные исследования не прерывались никогда.

Беря кредиты для закупок, покупая пушнину у российских производителей и продавая ее на международных аукционах, «Лаборатория ЭКО» сразу же прославилась среди охотников Западной и Восточной Сибири. Рублевые закупочные цены ее четко коррелировали с международными ценами в валюте. Способствовали популяризации деятельности «Лаборатории ЭКО» проводившиеся в то время эксперименты в ряде регионов (Республика Бурятия, Красноярский край, Иркутская область) по переводу индивидуальных промысловиков на аренду ими своих охотничьих участков. Появление новых охотхозяйственных и заготовительных предприятий, индивидуальных пред-

На Международном пушном аукционе. Фото А.Лавровой

принимателей, а также повышение уровня самостоятельности старых предприятий, руководство которых быстро адаптировалось и восприняло нововведения, было на руку новичку пушного бизнеса. Научные сотрудники «Лаборатории ЭКО», ведущие в то время организационно-экономические исследования, подготавливали и вносили законопроекты по совершенствованию охотничьего хозяйства в законодательные и исполнительные органы субъектов Российской Федерации (Красноярский край, Республика Хакасия, Эвенкия).

В это же время оказывалась помощь в акционировании промысловых совхозов и коопзверопромхозов (Туруханский район, Эвенкия), создании новых свободных предприятий и общественных объединений. Современное законодательство, главным образом Федеральный закон «О животном мире», давшее право собственности добропорядочному охотпользователю на продукцию охоты, позволило вести закупки пушнины в правовом поле. Сотрудники Лаборатории писали научные, научно-популярные и рекламные статьи. С 1993 г. подключились к разработке гуманитарных капканов. За короткий промежуток времени было получено два российских патента на оригинальные ловушки. Кстати, на первых этапах в финансировании этих разработок приняли участие и ВО «Союзпушнина», и Госагропром России.

Начав в 1992 г. с закупок шкурок белки, «Лаборатория ЭКО» за три сезона довела их объемы до 250 тыс., а соболя — до 30 тыс. шкурок. Благоприятная конъюнктура цен на шкурки белки способствовала быстрому росту товарооборота. Как раз к этому сегменту пушного рынка подключились китайские бизнесмены, повысившие остроту конкуренции на торгах на Санкт-Петербургском аукционе. Количество поставщиков пушнины нового предприятия перевалило за 1000. Постепенно стало очевидным, что дообработка и квалифицированная сортировка пушно-мехового сырья способна принести более значительные доходы, чем его перепродажа. Было установлено, что повышение эффективности пушного бизнеса возможно только с использованием следующих экономических методов.

1. Затраты на заготовку одной шкурки значительно снижаются при увеличении объемов. В партии менее 15 тысяч шкурок соболя невозможно подобрать лоты по требованиям международных правил сортировки, получить максимально возможную цену. Поэтому «Лаборатория ЭКО» стремилась за счет и заемных, и собственных оборотных средств достичь максимальных объемов покупок пушнины. Привлечь средних и крупных заготовителей для продажи объединенных партий пушнины без потери ими права собственности на товар возможно только при минимально возможном договорном проценте от суммы реализации. Немало-

важна в комиссионной продаже прозрачность самих торгов.

2. Совокупность факторов, определяющих цену пушного товара, наиболее объективно оценивается в открытых торгах на аукционах. На сегодняшний день функционируют два главных центра по продаже русских соболей — Санкт-Петербургский и Копенгагенский аукционы, поэтому «Лаборатория ЭКО» стремилась торговать на обеих торговых площадках. Для достижения результатов, получение которых невозможно при аукционной торговле, до 10 % шкурок соболя продается по прямым контрактам.

3. Размер оплаты труда охотника поднимается до предельных отметок в условиях жесткой конкурентной борьбы, а рентабельность бизнеса приближается к нормативной. Выигрывают только те предприятия, которые сумели найти приемлемое соотношение цены и заработной платы, а также имеющие иные источники дохода и оптимальные объемы заготовок.

4. Для нормальной организации пушного бизнеса на районном уровне необходимо создание нескольких торгово-заготовительных предприятий в каждом из них. При этом только торгового оборота и заготовок пушнины для рентабельной деятельности созданных предприятий явно недостаточно. Необходимо вовлечь в заготовительный оборот прочую промысловую продукцию.

5. Невостребованность на пушном международном рынке шкурок ондатры, норки вольной, бобра и некоторых других видов, а также целенаправленная работа в интересах охотника (купить все пушное сырье, которое он добыл и принес для продажи) заставили начать выделку шкурок и пошив меховых товаров.

6. На этапе приемки пушнины немаловажное значение имеют квалифицированные кадры товароведов, наряду с качественной сортировкой сырья ведущих просветительскую и пропагандистскую работу, зачастую с использованием индивидуального подхода к постоянным продавцам.

7. Сделан вывод, что факторийное обслуживание (хороший метод в работе с представителями коренных малочисленных народов Севера) с большим слоем охотников-профессионалов — не самая лучшая форма заготовок пушнины. На первой ступени местного рынка — «охотник — купец» — возможно внедрение открытых торгов.

Благодаря исследовательским работам сотрудников «Лаборатории ЭКО» по оценке воздыжения на зверей и птиц строящихся нефтегазовых комплексов в Эвенкии, впервые оленеводческо-промысловый совхоз «Куюмбинский» получил от нефтяников компенсации. Неоднократно были пресечены нарушения антимонопольного законодательства в Эвенкии. Результат — именно разовые лицензии на добычу соболя сейчас покупают непосредственно охотники-промысловики, а не посред-

ники — развалившиеся промысловые хозяйства. Получив право собственности на добытую продукцию, охотники (как добропорядочные пользователи), естественно, получают максимально возможные доходы от продажи пушнины на доступном им рынке. В декабре 2003 г. информационное агентство «REGNUM-KNews» сообщало: «В последние годы у охотников Эвенкии появился выбор — кому сдать пушнину выгодно, чтобы оправдать свой нелегкий труд. Здоровая конкуренция между коммерсантами и высоким качеством меха привели к повышению в этом году средней закупочной цены шкурки соболя до 1300—1400 рублей (в прошлом году шкурки соболя закупали по 1000 рублей)».

За период с 1995 по 1998 гг. «Лабораторией ЭКО» были приобретены и построены необходимые производственные и торговые площади. В конце этого периода «Лаборатория ЭКО», преобразовавшись в Пушно-меховую компанию «Сибирь-Пушнина», обрела современный вид. Азиатский финансовый кризис 1997—1998 гг. и российский дефолт (1998 г.) лишь немного замедлили ее развитие. Их последствия были преодолены буквально через год. По опыту ООО «Туруханская пушнина», которое было учреждено «Лабораторией ЭКО» еще в 1992 г., были образованы ЗАО «Ярцевская пушнина», ООО «Сквиррел» (г. Киров); в Москве и Санкт-Петербурге — филиалы; в с. Байкит Эвенкийского автономного округа — ЗАО «Пума». Основная задача ООО «Туруханская пушнина», как и предприятий в Ярцево и Туруханске, — закупка промысловой пушнины, развитие снабжения охотников всем необходимым и розничная торговля. Например, только в 1997 г. в весенне-летнюю навигацию перевезено северным партерам около 700 тонн товаров. В основном все товары распределялись между охотниками — сдатчиками пушнины. Благодаря первоначальному толчку в снабженческой деятельности, общество «Туруханская пушнина» сейчас имеет шесть розничных магазинов в поселках северной части одноименного административного района. Оно самостоятельно управляет неуклонно расширяющейся торгово-заготовительной и снабженческой сетью на территории площадью более 10 млн га. Расстояния доставки товаров там измеряются сотнями километров.

В 1999 г. «Сибирь-Пушнина» учреждено ООО «Русский шик». Основной его задачей ставился пошив меховых изделий — шапок и пальто — из собственного сырья. Благодаря практически неограниченным ресурсам, за короткий промежуток времени оно превратилось в крупное меховое ателье, способное в ближайшее время перерасти в меховую фабрику. Непосредственно «Сибирь-Пушнине» подчинено четыре розничных магазина (в т. ч. один в райцентре с. Каратузское). Для управления недвижимостью и поддержания производственных объектов в работо-

способном состоянии учреждено ЗАО «СПН Сибирский дом». Пушно-меховая компания не покидала научного партнера ООО «Сибирский НИИ охотничьего хозяйства и звероводства». Основная задача института — научное и информационное обеспечение главного заказчика, его дочерних предприятий и корпоративных коллег по пушному бизнесу. Для внедрения основ правильного охотничье-промыслового хозяйства «Сибирь-Пушнина» одним из учредителей (наряду со множеством промысловиков Енисейского и Туруханского районов Красноярского края) вошла в некоммерческое партнерство «Сибирская гильдия производителей пушнины». Трехлетняя деятельность партнерства еще раз показала, что нормальное воспроизводство ресурсов соболя возможно лишь при становлении промысловика как хозяина своего промыслового участка и внедрении ресурсосберегающих принципов промыслового охотпользования. Охотник всегда ведет промысел в меру своих сил и технических возможностей. Здесь важно «автоматическое» внедрение ресурсосберегающих рычагов ведения хозяйства. Основным из них выступает величина участка. Участок, во-первых, должен быть такого размера, при котором промысловик технически и физически не смог бы освоить промыслом более 75–80 % прироста соболя, во-вторых, участок должен давать нормальный заработок охотнику. Ведя просветительскую работу среди промысловиков (в т. ч. и через выпускаемую производственную газету), информируя их о достижениях научно-технического прогресса в промысловой отрасли, оказывая правовую поддержку, пушно-меховая компания и партнерство формируют фундамент ведения правильного охотничьего хозяйства в рамках действующего законодательства.

Благодаря многогранной деятельности пушно-меховой компании «Сибирь-Пушнина», начиная с сезона 1999/2000 г. шкурки соболя ей стали поставлять продавцы практически из всех субъектов Российской Федерации, где он является промысловым ресурсом. Количество сдаччиков повысилось до 2000. Удельный вес компании в российских заготовках соболя в последние годы стал достигать 30 и более процентов. Вследствие острой конкурентной борьбы за сдачки среди полутора десятков пушных фирм Красноярского края, включившихся в активный бизнес уже после «Сибирь-Пушнины», средняя цена шкурки соболя повысилась до 1500–1600 рублей. Охотник от этого стал только выигрывать.

Покупая пушнину у российских производителей и продавая ее на международных аукционах, «Лаборатория ЭКО» сразу же прославилась среди охотников Западной и Восточной Сибири.

Михаил Алексеевич Каморников К 80-летию

Жизнь Михаила Алексеевича Каморникова, известного специалиста охотничьего хозяйства России, педагога и охотоведа-практика, началась в 1923 г. в семье крестьянина села Илимска Нижне-Илимского района Иркутской области. Его вклад в дело подготовки специалистов весьма плодотворен. Еще в детстве у него проявился большой интерес к изучению живой природы, особенно к охоте и рыбной ловле, и этой страсти он остается верен до сих пор. После окончания средней школы в 1940 году в г. Бодайбо он два года до призыва в Красную Армию в 1942 г. занимался охотой и рыбной ловлей.

В 1942–1944 гг. он защищал и укреплял рубежи Забайкалья, готовил кадры солдатского состава для фронта. После окончания Сретенского пехотного училища в 1945 г. в звании младшего лейтенанта участвовал в войне с Японией. Михаил Алексеевич награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За Победу над Германией», за участие в боевых действиях против японских милитаристов и многими юбилейными наградами.

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии, он поступил в Иркутский пушно-меховой техникум и после его окончания в 1952 г. работал на пушно-меховой базе г. Иркутска в должностях товароведом, начальником цеха, госинспектором по качеству пушно-мехового сырья Сибири и Дальнего Востока. В 1953 г. М. А. Каморников поступил на заочное отделение охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института. Окончив в 1957 г. институт, он становится преподавателем пушно-мехового техникума г. Иркутска.

С 1961 г. работает на кафедре Охотоведения ИСХИ в должности преподавателя. Бессменно в течение 38 лет он читал лекционный курс и вел лабораторно-практические занятия по одному из основных профилирующих предметов — товароведению пушно-мехового сырья.

Будучи его учеником, я поражаюсь его знаниям, умению преподнести студентам в простой форме практические навыки освоения предмета, его спокойствию, выдержке. Сотрудники факультета и студенты-выпускники по праву считают М. А. Каморникова одним из лучших преподавателей и специалистов в пушном деле. Его студенты — биологи-охотоведы всегда спокойно себя чувствуют на производстве при приемке и сортировке пушно-мехового сырья благодаря хорошей теоретической и практической подготовке.

Под руководством М. А. Каморникова подготовлено более 60 дипломников. За период работы в ИрГСХА (1961–1998 гг.) он воспитал более 3 тыс. высококвалифицированных специалистов охотничьего профиля, многие из них ученые — кандидаты и доктора наук. Он создал богатую коллекцию пушно-мехового сырья для

проведения практических занятий на факультете.

Михаил Алексеевич занимался научными исследованиями по улучшению качества пушной продукции Восточной Сибири и Дальнего Востока. Он собрал и обработал материалы по качеству и количеству основных видов пушно-мехового сырья на Иркутской пушно-меховой базе (с 1946 по 1990 гг.). По результатам этой работы опубликовано несколько десятков статей, в том числе в журнале «Охота и охотничье хозяйство»: «Пушная продукция Восточной Сибири», М., 1976; «Шкуры волков или шкуры собак», М., 2002 и другие.

В 2001 г. Каморников разработал учебное пособие для практических занятий по курсу «Товароведение пушно-мехового сырья», предназначенное для студентов сельскохозяйственных вузов, техникумов, заготовителей пушнины и мехового сырья, рядовых охотников и всех интересующихся вопросами качества пушной продукции. В 2004 г. по рекомендации Министерства сельского хозяйства он подготовил к изданию дополненный вариант учебного пособия. Высокие качества М. А. Каморникова как преподавателя характеризуются высокой исполнительской дисциплиной, доброжелательностью к сотрудникам и студентам, активным участием в общественной жизни ИрГСХА и факультета, а также вкладом в формирование материально-технической базы, учебно-опытного охотничьего хозяйства «Голоустное». За успехи в научно-педагогической работе, большой вклад в развитие охотничьего хозяйства страны ему присвоено звание «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России».

От имени сотрудников факультета охотоведения, преподавателей академии и студентов поздравляем Михаила Алексеевича с 80-летним юбилеем и желаем ему крепкого сибирского здоровья, творческих успехов и удач на охотничьей тропе!

П. НАУМОВ,
Заслуженный работник
охотничьего хозяйства России,
профессор, доктор биологических наук

Будущее русской охоты прекрасно

Интервью с Владимиром Вольфовичем Жириновским
журналистки Кирины Савельевой

Кто не знает Жириновского, Заместителя Председателя Государственной Думы, Председателя Либерально-демократической партии России, доктора философских наук, Действительного члена Академии политических и социальных наук, Заслуженного юриста Российской Федерации? Нет таких. Едва ли найдутся один-два российских политика, сравнимых с ним по популярности. Поэтому, услышав в одной из телепередач из уст самого Владимира Вольфовича, что он охотник, я предложила главному редактору сделать с ним интервью. В пресс-службе депутата меня предупредили, что охотой он увлечен, но не имеет времени. И все-таки я надеялась на интересный разговор, ведь Жириновский не может быть неинтересным, что бы он ни говорил и ни делал. Между прилетом из Санкт-Петербурга и отлетом в Страсбург Владимир Вольфович нашел время побеседовать со

мной на такую неполитическую тему, как охота. Понимая, что у Жириновского не было времени для большого охотничьего разговора, я попросила пресс-секретаря Павла Алексеевича Великанова дополнить его рассказ, хотя бы небольшими, но интересными для нас подробностями.

По материнской линии у Владимира Вольфовича все мужчины — охотники. Мать родом из Мордовии, из города Краснослободска. В родные места Жириновский ездил два года назад, где принимал участие в охоте на оленя.

У Жириновского есть охранник по прозвищу Хантер. Восемь охотничьих собак держит. Всю Архангельскую область облазил, на лося, медведя ходил.

А теперь перед вами, дорогие читатели, Жириновский — охотник.

— По телевизору показывали документальный фильм, посвященный вашей встрече с детством и юностью. Судовольствием посмотрела и узнала много нового о начале вашего жизненного пути. Когда и как охота вошла в вашу жизнь?

— Я типично городской житель, и охота для меня больше экзотика, нежели необходимость или состояние души. В любом мальчишке с детства заложена страсть к охоте, это выглядит в несколько гипертрофированном виде. Все мы, послевоенные дети, были охотниками: голодное время вынуждало нас помогать семье добывать пропитание. Мы ставили силки на птиц, ловили рыбу — иными словами, старались хоть как-то разнообразить скудный стол. Я, кроме того, выращивал кроликов — сам их кормил, забивал, снимал шкурки, обрабатывал мясо. То есть умел обращаться с добычей, по-

этому в те редкие моменты, когда мне удавалось участвовать в настоящей охоте, я мог вполне профессионально освежевать добычу. Так что к охоте наше поколение приобщилось в силу обстоятельств — голод заставлял крутиться быстрее. Уставшим от войны, бескормимцы и серости людям было не до вопросов вегетарианства или защиты животных — если бы кто-нибудь в то время сказал, что охота жестокое занятие, на него по крайней мере посмотрели бы как на дурака.

Сосед вернулся с фронта с пустым рукавом, и он изредка брал меня и своего сына на охоту в степь — одной рукой ему было трудно заряжать ружье, разделять сайгачьи туши. Мы, как могли, заменяли ему вторую руку. В казахской степи я впервые ощутил охотничий азарт, радость добычи. Но в то время заниматься промыслом было небезопасно — режим дозволял работать до изнеможения, голодать, страдать от холода, а вот «развлекаться» на охоте считалось преступлением. Коммунисты во всем так наводили «порядок» — отнимали у граждан любую возможность подкормиться самостоятельно: вводили неподъемные налоги на фруктовые деревья и ягодные кустарники — люди вырубали сады и оставались без яблок, груш, вишни, крыжовника. Нам запрещали все — держать животных, засаживать огороды, охотиться и рыбачить. Все приходилось делать тайком. Только партийные бонзы позволяли себе все, что только взбредет в голову. Не забуду десятки брошенных в степи сайгачьих туш — секретари горкома развлекались стрельбой по этим животным, как волки резали стадо, хотя им и не нужно было столько мяса. Они даже не могли собрать добычу: так, вырезали самые лучшие куски, нажарили шашлыка, остальное бросили и сытые уехали в город — руководить изможденными людьми.

— Вы хороший стрелок, Владимир Вольфович? У вас, в прошлом военного

человека, ведь вы полковник запаса, не одно охотничье ружье, наверное, в доме. С каким вы обычно охотитесь?

— В детстве я занимался стрелковым спортом — ходил в «динамовский» кружок в Алма-Ате. За те два года, что я посещал тир, успел научиться неплохо стрелять. Может быть, стал бы мастером спорта, но тир закрыли после несчастного случая с каким-то отпрыском партийного бонзы (везде они лезли, всюду совали свой нос) — то ли ему пальчик отстрелили, то ли он кому-то пулю всадил в мягкое место. Ну и хорошо, не стал чемпионом мира по стрельбе, стал тем, кто я есть. Очень люблю свою старенькую тулку (купил ее в 73 году) и даже теперь, когда у меня есть вполне приличный арсенал дареного оружия, предпочитаю стрелять из своего первого ружья. Привычка и привязанность.

— А какая охота вам больше нравится — на птицу или зверя и почему?

— Все-таки мне больше нравится охота на птицу. Наверное, потому, что она не требует много времени, не требует длительной подготовки. Всю жизнь я ощущаю дефицит времени: много и жадно учился, постоянно был загружен, кроме основной работы, дополнительными общественными делами, а последние пятнадцать лет и вовсе не найти свободный час — проблема. В прошлом году на Дальнем Востоке вволю пострелял бакланов — прямо с баркаса, влет. Впечатлений — на несколько лет вперед. А что касается крупного зверя — медведя или лося... Не могу себе позволить сутками караулить мишку в засидке или днями ждать сохатого на солончаках. Когда-нибудь, наверное, брошу все и отправлюсь в глухую тайгу, тогда за все прошлые годы поохочусь... А пока мне остается об этом только мечтать.

— У вас есть собака? Охотничья?

— У меня дома были не только собаки. В свое время мне дарили медвежат, лошадей, диких кошек. Держать их дома непросто, а избавиться от них

В. В. Жириновский на Кавказе. 1997 г.

Владимир Вольфович Жириновский. Подмоскowie. 1998 г.

тоже проблема: отдавал в цирки, зоопарки, в детские спортивные учреждения. А собака есть — английский бульдог по кличке Комод. Уж больно он своей мордой напоминает старый добрый комод, который когда-то стоял у меня в комнате в Алма-Ате.

— Собираете ли вы охотничьи трофеи, свои или просто для коллекции или интереса?

— Охотничьи трофеи не собираю, но мне постоянно дарят шкуры зверей, чучела птиц.

— Готовясь к нашей встрече, Владимир Вольфович, я узнала, что вы автор 100 книг, вышедших тиражом 50 миллионов экземпляров! Но самое удивительное, что это не только политические издания, но и литературные. Вы еще и писатель!

— Литературные работы — моя давняя страсть. Лет 35 тому назад я мечтал повторить успех Шолохова — «выстрелить» в юном возрасте мощным романом. Я уже даже прописал фрагменты. В основе сюжета моей «эпопеи» были приключения героев булгаковского «Мастера» в наше время. Мне казалось, что после моего романа мир перевернется. Но в редакциях солидных журналов мне быстро объяснили, что никому я со своими писаниями, честно сказать, не нужен, потому что я «чужой», а тут «своим» пирогов не хватает, а что касается «великих», то их места давно уже заняты.

Период застоя имел один большой плюс. Было спокойно, было много свободного времени. Можно было написать три «Войны и мира». Я кое-что написал. Но время застоя имело один большой минус. Пробыться человеку без связей было совершенно невозможно. И моя писанина загнивала в

столе. Я даже друзьям не показывал. Мне было стыдно. Я не хотел быть непонятым и непризнанным. Мне хотелось позвонить однажды приятелю и как бы между прочим обронить: «Миша, тут моя повесть выходит в «Новом мире», — и чтобы в трубке на минуту наступило молчание. Но увы, никому я был не нужен. Рукописи читали какие-то девочки-консультанты, писали стандартные рецензии, и все. Стенна... Ну да черт с ними. Эта эпоха уже ушла.

— Зато теперь вы можете писать и издавать все, что душе угодно, в любом

жанре. А вообще-то я не случайно заговорила о ваших книгах.

Вы сами пишете, понимаете и любите этот вид творческой деятельности, а значит должны много читать. У вас большая библиотека, и стоят ли охотничьи издания на книжных полках?

— За свою жизнь я собрал большую библиотеку — что-то около 15 тысяч томов. Есть книги об охоте и рыбалке. Хорошие атласы, энциклопедии. Читать люблю.

— Ваш единственный сын — ваша правая рука в ЛДПР. А разделяет ли он ваши душевные увлечения и интересы, например охотничьи?

— Мой сын увлекается автомобилями. С детства пристрастен к миру моторов, бензина и выхлопных газов. Умеет не только водить машину, но и чинить ее своими руками. Но и «охотился», конечно, — из рогатки сшибал воробьев почти не целясь.

— Каким Жириновский, большой государственный человек, политик, видит будущее русской охоты?

— Будущее русской охоты прекрасно — у нас огромные земли с самым разнообразным климатом, богатый животный мир. Только надо все это беречь, не разбрасываться. Всем нам места в России хватит. Будут и великопленные охотничьи угодья.

— В 2005 году наш журнал отметит свой юбилей. Старейшему охотничьему изданию страны исполнится 50 лет. Что бы вы, Владимир Вольфович, пожелали журналу «Охота и охотничье хозяйство»?

— Я желаю вашему журналу всегда находить своего читателя. Уверен, что в ближайшую тысячу лет Россия не станет страной вегетарианства и не превратится в кукольное государство. Охота — у нас в крови. Стало быть, у охотников и рыболовов есть будущее. И, надеюсь, это будущее принесет всем нам удачу в промысле. Ни пуха ни пера!

В Байкальском лимнологическом музее. Поселок Листвянка. 2003 г.

Журавлиная дорожка

Над лесом дорога журавлей. В прозрачном небе долго видно, как чуть колыхнется, уходит вдаль клин улетающих журавлей.

Что там, в лесу, под этим клином?

Яркие краски, бодрящий воздух делают путь в осенний лес желанным и приятным.

Осень разукрасила траву, деревья. На полянах ковры из разноцветных листьев. В половодье красок можно увидеть цветы вереска и яркие ягоды ландыша.

Там, где недавно черная земля напоминала о лесном пожаре, теперь пылает красками молодая поросль.

В лесу негромкие синичьи голоса. Птицы собрались в стайки и вместе с дятлами, пищухами и поползнями кочуют по притихшему лесу.

Молодой лось на старой лесной дороге раздвинул губами разноцветные листья и пьет из лужи дождевую воду.

Над желтыми вершинами деревьев опять плывет мелодия восторга и печали — крик может быть последней стаи журавлей.

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

УССУРИЙСКИЙ

КАБАН

С. КУЧЕРЕНКО, кандидат биологических наук

Из пяти подвидов дикого кабана, населяющих леса России и ближнего зарубежья, самым крупным является уссурийский, обитающий в горно-таежной части Приморья и Приамурья. Редкостно большой секач недавнего прошлого при длине тела 220—230 см весил от 260—280 до 300 кг. Однако и двухцентнеровые самцы в наше повсеместно разгромленное время встречаются одной-двумя особями в сотне сородичей. Сейчас средний вес отличного трофейного вепря составляет 120—140, а чушки 90—110 кг, рядовая же добыча, «закрывающая» лицензию, весит всего 60—70 кг.

Но каких-нибудь полсотни лет назад на Сихотэ-Алине и в горах Малого Хингана водились воистину гигантские вепри. Байкову и Арсеньеву доводилось встречать заворотней с весом за три центнера и длиной тела около 2,5 м. Обычно подобные сведения вызывают недоверие и потому приходится их доказывать. Центральноевропейский подвид общепризнанно считается мельче уссурийского, однако в Германии документально зафиксирован отстрел зверя весом 320 кг (Майнхардт, 1983). Этому тяжеловесу было всего семь лет, в то время как в уссурийской тайге, даже на моей памяти, добывались «старики» 12—14 лет (хотя основная часть кабаньего поголовья гибла до восьмилетнего возраста). В неволе дикие кабаны живут до 15—20 лет.

В Белоруссии рекордный секач весил 234 кг, в Казахстане — 183, на Кавказе

— 178 кг (Бромлей, Кучеренко, 1983). И опять-таки в качестве сравнительного материала приведем интересные сведения из замечательной книги Юрия Янковского «Полвека охоты на тигров» (Харбин, 1944). За два дня охоты он с сыном добыл одиннадцать кабанов, общий вес освежеванных трофеев составил 100 пудов, то есть средний вес добытого кабана без желудочно-кишечного тракта составил 145 кг. И это не вызывает сомнений, когда внимательно взглянешь на фотоснимок из этой книги: ее автор рядом с семью кабаньими тушами выглядит мальчишкой.

От других подвидов уссурийский кабан отличается четко. Его довольно высокое тело резко приподнято спереди, сильнее сжато с боков, и выглядит он крупнее и стройнее, особенно секач. От разрезов рта назад тянется четкий белый «ус», ушные раковины заметно меньше. И еще: «мировые чемпионы» по размерам клыков принадлежат именно уссурийскому кабану.

Вот его «портрет» в полный рост (но сначала отметим, что он похож на домашнюю свинью, как волк на шпица). «Дикарь» коренаст и массивен, особенно спереди. Голова огромная, прямоноса и клиновидная, занимающая около трети общей длины тела. Шеи не видно, ибо она настолько мощная, что сливается с головой, грудью и холкой. Живот спортивно подтянут, ноги для копытного животного коротковаты, но поразительно крепки. Выгля-

дит он слегка горбатым вследствие того, что высота его тела в плечах значительно больше, чем в крестце. Гребень же щетины, тянущийся по спине, на холке развит гораздо мощнее. Самки легче и стройнее самцов, менее горбаты и грудасты, гораздо меньше у них и клыки. У заворотней клыки достигают (общая длина) 25—31 см, из которых 10—12 см приходится на оголенное «лезвие».

Подслеповатые глаза кабана малы, зато достаточно большие мохнатые уши могут быть подолгу настороженными, поворачиваются в разные стороны и вместе, и асинхронно. Достопримечательностью кабаньей морды является «пятак», служащий и своеобразным лемехом, и органом обоняния и осязания. «Пятак» необыкновенно крепок, но притом и удивительно чувствителен.

Взрослые кабаны зимой покрыты блестящим грубым черно-бурым волосом и очень густым теплым пухом слоем в 3—4 см. К концу зимы этот волосяной покров сильно изнашивается, летом же начинает отрастать новый. Заканчивается линька к середине октября. Поросята с весны продольно-полосатые, но к осени у них отрастает черно-бурый волос чуть посветлее родительского.

Чем-то кабан напоминает танк. Уютно жить и пронзать самые густые заросли и крепи, не славящая стремительного бега, помогают клинообразная голова и могучее, крепко сбитое тело, покры-

тое толстой кожей под панцирем прочной щетины.

Он невероятно силен. Неоднократно приходилось наблюдать, как он разрывал бурундучьи норы, выворачивая из-под земли многопудовые камни и вырывая их наверх с необыкновенной легкостью, как без видимых усилий рвал клыками толстые корни деревьев, как рыл землю, промерзшую на 8—10 см. Ему ничего не стоит за одну кормежку перекопать сотку-полторы лесной почвы, разрыть крупногалечную речную косу, перевернуть огромную валежину или камень, наконец, поддеть рылом и отшвырнуть врага немалого веса.

И в то же время он проворен и легок на ногу. Пройти при необходимости почти без отдыха 20—30 км за сутки для него — дело рядовое, хотя обычный его суточный ход составляет 3—4 км, а при обилии корма он довольствуется и двумя-тремя сотнями метров. Он запросто переплывает бурную горную речку, полноводную Уссури и даже Амур. Для него не страшны горные кручи, в том числе и крупнокаменистые. Он свободно чувствует себя в непролазной таежной чащобе и в то же время привычно ходит по марям, болотам и зыбунам. В бегах на большие и малые расстояния он резв и нестомчив. Верхом легконогого обладают трехлетки, которых не догоняют ни волк, ни собака, ни рысь, ни даже тигр. Кабан умеет за себя постоять. Могучей клыкастой головой он способен поразить даже матерого медведя или амбу, его легкой жертвой может стать и беспечный человек.

Осторожность этого зверя сочетается с бесстрашием. При опасности он останавливается и прислушивается, поставив хвост вертикально. Для изучения обстановки способен подтянуться на задние ноги. Обнаруженного врага отпугивает короткими ложными бросками и грубыми взревами «ффуу... ффууу». При необходимости нападает с морозящим ревом, неожиданно и стремительно. Особенно воинственны трех-четырёхлетние секачи с острейшими, достаточно большими клыками. Звери уже сильные, но еще молодо резвые. И все же при опасности кабаны предпочитают незаметно и проворно, не теряя достоинства, скрыться. Нападение у них — лучший вид защиты, но оно «имеет место быть» редко. Однако при внезапном сильном испуге стадо моментально разбегается во все стороны и каждый зверь мчит туда, куда был «ориентирован» в мгновение тревоги. Но через несколько минут оно сбивается воедино и замирает, уточняя причины бегства и принимая решение по дальнейшему поведению.

Кабан необыкновенно чуткист. Особенно остры у него слух и обоняние. Шорох палого листа под ногами человека или зверя он улавливает за километр, а насстраивающиеся запахи фиксирует точнее, чем волк и собака. На-

равне с бурым медведем кабан — бесспорный интеллектual тайги, и вот в чем подтверждение тому: он легко поддается дрессировке, способен научиться искать на таможенных наркотики увереннее самой чутливой собаки. У него великолепная память, он свободно ориентируется не только на собственном или семейном-стадном обиталище, но и на немереных окружающих просторах затаежных гор.

Звери эти в основном стадные. Лишь матерые вепри «обществу» предпочитают уединение, однако уединение условное: чтобы сородичи чувствовали. Собственный участок старательно метится и ревностно охраняется. В теплое время года отдельными небольшими группами держатся яловые самки и холостяки.

В семье всем безраздельно командует мать, в стаде же два вожака: водит сородичей самая опытная чушка, однако она согласно подчиняется секачу, обычно держащемуся в тылах или просто в стороне от стада. На переходе он замыкает стадо, на кормежке и при отдыхе старается быть сторожем. В экстремальных условиях всю власть в стаде берет на себя именно он, хотя лидирующая самка держится рядом, причем далеко не безучастно.

Да, секач-вожак при всем своем невозмутимом чувстве собственного достоинства, силе, отваге, уме в мелочи повседневной жизни своего табуна не вмешивается, однако при смертельной опасности встает на защиту сородичей, как говорится у людей, грудью. Как рассказал мне мой проводник, вепрь однажды решительно встретил наступавшего табун тигра в грозной боевой стойке, с высоко поднятой головой и выбивающими пену клыкающими клыками. И хищник сконфуженно свернул в сторону. В другом случае заворотень бросился на тигрицу, успевшую повалить чушку и вцепиться ей в горло, и в поединке одолел своего заклятого врага.

Однако и в «спокойной» обстановке тяжелой жизни в гибельном глубоком снежье и при крепком насте вожак-секач облегчает участь «подчиненных» тем, что постоянно пробивает в снегах систему коридоров, в которых передвигаются и кормятся сородичи. Иных безнадёжно застрявших в заснеженном буреломе, предельно ослабевших «доходяг» он буквально извлекает из западни. На переходах в особо тяжелых условиях на пределе возможности жизни табун ведет секача, пробивая своей мощью — бывает, и остаточной — путь выжившему из сил «отряду».

Какой же еще зверь столь же самоотвержен? Сразу и не вспомнишь.

Таких живых «бульдозеров» мудрые промысловики берегут не в меньшей мере, чем супоросных чушек, закрывая лицензии молодым. И тут впору спросить читателя: какая же разница между умным охотником и мудрым? Только не говорите, что мудрый умнее

много или грамотный мудрее менее грамотного.

Обмениваются кабаны информацией или просто общаются с помощью как минимум десяти звуковых сигналов, выражающих тревогу, внезапный испуг, предостережение, голод, боль, защиту, поиск, ухаживание. Довольно выразителен и язык жестов, слагающийся из положения головы, ушей, хвоста. А поскольку в стаде всегда соблюдается строгая иерархия, то имеется в нем и «табеля о рангах», определяющая персональное положение каждой особи: кому подчиняться, над кем властвовать. Больше всего прав, конечно же, у чушки-лидера и секача-вожака, но еще больше у них обязанностей по обеспечению благополучия и безопасности подчиненных.

Вообще стадная жизнь кабана сложна и интересна во многих отношениях. Таежные свиньи дружны, живут компаниями и действуют по принципу «делай, как я» и «будем жить дружно». В спокойной обстановке они шумны до беспечности, однако при опасности — и кто бы ни подал сигнал тревоги «грууфф», даже поросенок! — замирают, сплываются и могут бесшумно уйти, а могут и защищаться. Но притом в голодное время павших сородичей поедают, и не составляют редкости убийство критически ослабленных и обреченных особей. А раненых и больных из стада изгоняют и в благоприятной обстановке. И в той же мере мать отказывается от ставшего неполноценным поросенка, даже если он просто вывихнул ногу.

Кабан очень крепок на рану, однако серьезно пораженный зверь уходит из стада и бежит от врага крепями, периодически останавливаясь и прислушиваясь, в усталости затаиваясь, изгнанный к обороне. Может броситься и на упорно преследующего охотника, причем эти неожиданные стремительные броски дико ревущего зверя со вздыбленной шерстью и задранными клыками, извергающим пену, очень опасны. Из-под собак стадо обычно уходит безостановочно 2—3 км, выбирая для бегства чащу и горные склоны покруче. Взрослые громко хрюкают, поросята визжат. Чушки в окружении псов гудят, молодняк при укусах визжит, секачи собаки хватки переносят молча.

Разъяренный и остановленный собаками вепрь страшен. Заняв оборону, прижав свое самое больное «тыловое» место к дереву, корчу или другому надежному прикрытию, он, шумно дыша, мотая головой и выбивая из пасти пену, внимательно следит за врагами, пребывая в немедленной готовности к стремительному прыжку. Поддевая клыкастым рылом достаточно для того, чтобы запоротый нападающий отлетел на несколько метров.

Средневозрастной секач бежит со скоростью около 40 км/час, что соответствует 10—12 м/сек, в рыжке же на коротке он воистину молниеносен,

причем способен в неуловимое мгновение развернуться на 90°. В беге прыгает по 4—4,5 м в длину и без остановки преодолевает препятствия полутораметровой высоты. Не каждый тигр, во всяком случае не всегда, способен поймать этого зверя накоротке, погоня же хищника за ним бессмысленна, ибо кабан гораздо выносливее его.

Нередко приходится слышать, что чушки — де неисправимые грязнули. Да, в летнюю жару они, а секачи и в пору гона, принимают грязевые ванны. Они постоянно чешутся о смолистые деревья, покрывая себя броней «сцементированной» щетины, спасающей животное от многочисленного на Дальнем Востоке гнуса. А вид секача в гон и завораживает, и даже гипнотизирует. Ради того, чтобы казаться страшнее, он так вымазывается в грязевых купалках по самую спину, что свисают с него черные ледяные сосульки.

Но в благостно-спокойной обстановке кабаны чистоплотны. Они много купаются, усердно чешутся о несмолистые деревья, естественные надобности у гайна оправляют в специальных отхожих местах, часто меняют постель. Любят полежать в прозрачных горных ключах. Отгулявшие секачи долго и старательно приводят себя в порядок.

Излюбленными местами обитания кабана являются таежные леса с кедром и маньчжурским орехом и дубняки. В годы, богатые на орехи, чушки держатся в кедровниках и кедрово-широколиственных лесах, при урожае желудей предпочитают дубняки. Через год-два после хорошего плодоношения кедра, дуба, лещины, маньчжурского ореха кабанов становится много. Встречаются табуны до полусотни голов, причем иногда в небольшом распадке можно увидеть несколько стад и гуртов.

Но в годы бескормицы, случающиеся в среднем трижды за десятилетие, кабаны широко разбредаются в поисках пищи. С наступлением заморозков и выпадением снега они держатся на небольших участках и как бы решают мучительно сложную проблему — выжить. В такие зимы свиньи теряют до 34—50 % осеннего веса, молодежь же почти поголовно гибнет, до весны достигает лишь малая часть поголовья, сократившаяся в шесть-восемь раз. И столь массовая смертность уссурийского кабана отмечается (усредненно) раз в пять лет.

Зверь этот удивительно жизнестоек. Благодаря высокой плодовитости его численность восстанавливается через 3—4 года. Иногда в опустевшие уголки приходят чушки из дальних мест и заполняют территорию, где их и не думали встречать. Жизнестойкость уссурийского кабана просто поразительна. Он массами гибнет от голода и глубокого снега, от мора свиной чумы и других болезней, его нещадно давят тигр и медведь, преследуют охотники по праву, а чаще без него, а он все не исчезает и восстает, как феникс из пепла. Однако точнее будет сказать — вос-

ставал, ибо нынче суммарный пресс охотников и хищников в условиях воинству варварского уничтожения коренных лесов с кедром, бурно нарастающий с середины 80-х гг., стал губительным даже для этого плодovitого, в высшей степени экологически пластичного зверя.

Среднепоголетняя численность кабана в Амурско-Уссурийском регионе на моей памяти сократилась многократно. Некогда его плотность достигала 80—100 голов на тысячу «элитных» гектаров, для обширных же просторов уссурийской тайги она составляла одну особь на 1 км². Но все это теперь в прошлом. Кабан был излюбленным объектом охотничьего промысла, а сезонная добыча доходила до 80—90 чушек на ружье. Редко в каком распадке Сихотэ-Алиня и Малого Хингана не

Пятак кабана служит и своеобразным лемехом, и органом обоняния и осязания. Он необыкновенно крепок, но при том же и удивительно чувствителен

Фото И. Мухина

было этих славных зверей. Общее же их поголовье исчислялось, вероятно, сотнями тысяч. И даже после катастрофически голодных и многоснежных зим почти напроцех исчезнувшие популяции восстанавливались за несколько лет. Увы, все это *было*.

На 90 % уничтожены богатейшие уссурийские леса с кедром. В десятый раз возросло количество охотников, большинство из которых стремилось добыть за сезон 2—3 чушек, а на одну законно «взятую» приходилось до 10 браконьерски отстрелянных. В этих условиях не помогали даже запреты охоты на кабана.

В последние же пятнадцать лет значение уссурийского кабана сведено к обеспечению кормовых потребностей тигра, одной особи которого на год требуется от 35—40 до 50 чушек. И именно из-за этого возникла неразрешимая конфликтная ситуация между промысловыми охотниками, вынуж-

денными заезжать в тайгу с тушенкой, и «краснокнижным» зверем, и никогда между ними мира не будет. В одних и тех же уголках охранять столь прожорливого, опасного зверя, как тигр, и вести охотпромысел практически невозможно, ибо промысловик не переносит его по целому ряду объективных причин и при всяком удобном случае ликвидирует. Кстати, в последние нищие годы ликвидирует с большим экономическим эффектом. Нередко добытых хищников просто сжигают.

А вот чего нам недостает для организации охраны тигра по индийскому образцу, трудно уяснить. Скорее всего — средств, отчего «жадный теряет вдвойне». Но куда не деться от дефицита здравого смысла: столичные чиновники от природоохранных ведомств рекомендуют разводить тигров в неволе, затем выпускать их в тайгу (!!), местные же «тигроведы» планируют заняться воспроизводственным разведением главных объектов охоты тигра (в основном кабана) — в условиях вопиющего и всеобщего закононепослушания и превратившихся в стихийные бедствия лесозаготовок, таежных пожаров и неискоренимого браконьерства.

Теперь о питании кабана. Ест он все, и даже ядовитые растения. При случае не прочь поймать и съесть лягушку, мыш, полевку. Разрывая кладовые бурундука, он стремится проглотить и их хозяина. Разоряет птичьи гнезда, ест отнерестившихся лососей. Падающую не брезгует даже сытая чушка. Очень любит мясо и не упустит возможности разорить временный лабаз охотника с оставленной на хранение добычей, а то и «пройтись» по его путикам. Секачи же, случается, убивают встреченных или затаившихся новорожденных телят, а в голодное время целенаправленно охотятся на косуль, барсуков и других животных, устраивая засады на их ходовых местах.

Кабаны не любят жару, поэтому весной и летом они активны с вечера всю ночь до утра, в зимние же холода кормятся часов с десяти, а к вечеру укладываются в относительно теплые гайна. Общая продолжительность кормежки летом составляет чаще всего 14—16 ч., зимою она в два раза короче.

В конце марта — апреле, как только сойдет снег на солнечных склонах, кабаны усиленно ищут перезимовавшие желуди и орехи и жадно набрасываются на всходы трав, побеги кустарников и лесного подростка. И при всякой возможности роются в земле. Этим любимым занятием — рытьем в земле в поисках всевозможных беспозвоночных, сочных корней, корневищ и луковиц дикие свиньи занимаются всю теплую пору года, и найти 4—6 кг сытного корма в сутки им не составляет проблемы. Но осенью кабаны усиленно ищут места с урожаем основных наживочных кормов. При достатке орехов и желудей они быстро жиреют, если же их нет, зимних бедствий не избежать.

Уссурийский кабан живет в особые

условиях. Весною и летом он всегда сыт. Осенью на орехах и желудях можно быстро зажиреть, накопив подкожного и внутреннего жира до 20—25 % сверх летнего веса, которого вполне достаточно для преодоления суровой зимы. Неурожай названных кормов ведет к бедствиям. Почти единственной пищей в это тяжелое время становится зимний хвощ. В этом вечнозеленом травянистом растении довольно много усваиваемых углеводов, однако трава есть трава, да и не много ее, а нередко и заваливают ее снега. На хвощах кабаны быстро худеют. Первыми гибнут поросята. Замерзают целыми выводками. От истощения нередко умирают и взрослые. Уцелевшие живут надеждой дожидаться появления весенних проталин.

Особенно тяжело переносят кабаны многоснежье. Рыхлый лесной снег глубиной до 30 см им особенно не мешает. Сытым кабанам не страшен и полуметровый снег: они легко раздвигают его при ходьбе и без особого труда ищут под ним желуди и орехи. В бескормицу же этот снег уже губителен. При глубине снежного покрова более 60 см бедствуют и жирные звери. В это время и они держатся на малых напчатых площадках и в неимоверных лишениях тоже ждут весеннего потепления. Погибельно страдают кабаны и от весеннего наста, во время которого резко активизируются не только хищники, но и браконьеры.

Гон у кабанов проходит во второй половине ноября и в декабре. У жирных свиней он начинается раньше и проходит более активно. Утратившие осторожность и ставшие агрессивными секачи часто и ожесточенно дерутся. Вздвигив шерсть, звонко клацают зубами и извергая пену, они пытаются поддеть друг друга клыками или свалить с ног ударом рыла, при этом помедвежьим громко рычат, хрюкают и визжат по-поросячьи. Окутавшись паром, огромные туши то мечутся, то замирают в предельно воинственной стойке, выжидая момент для нового молниеносного броска. В это бурное время секачи почти не едят, предельно возбуждены и постоянно охлаждают свою страсть в грязевых и водяных «ваннах».

Но вот что интересно. У самцов во время гона под кожей по бокам от шеи до последнего ребра нарастает особый костистый щит — калкан, служащий надежной броней от ударов соперников. Калкан удивительно прочен, у старых кабанов он достигает толщины 3—4 см. Его не берет нож. Удары клыков соперников приходится чаще всего на эту «броню», и поэтому они безвредны.

Да, конфликтующие вепри не дерутся, а воистину сражаются. Сражаются ожесточенно и бескомпромиссно, но со строжайше соблюдаемыми правилами этих поединков: клыками ударять лишь в калкан и биться не до смерти, а побежденного не добивать. Характерно, что соперничающие самцы сходятся в драке лишь тогда, когда в кружении

друг около друга не выясняется явно слабейший, который обычно безропотно удаляется. Схватываются лишь равные по силе и праву на потомство звери. И вроде бы странно: решительно сошлись жаждущие этого права, ревут и визжат на всю тайгу, а силу выясняют в основном плечевым прессом и поддевами рылом. Правда, высоко задрав голову и мотая ею, секач пытается добраться зубами до морды противника, чтобы укусить за ухо или щеку. Вздвигаются на дыбы, «обняв» друг друга передними ногами, стараясь повалить, но снова разлетаются этими огромными мячами, храпя и рыча, забрызгивая арену боя пеной. На этом месте потом можно увидеть много шерсти и бывает кровь. Но не знаю я случая, чтобы один из «гладиаторов» погиб. Победитель смиренно уходит, не тая зла на победителя. Звери не столь тщеславны, чтобы погибнуть из-за самки.

Победитель же подходит к чужке голова к голове, они возбужденно покусывают друг друга и громко, часто похрюкивают. Именно *похрюкивают*! Весной, обычно в конце апреля или начале мая, самка приносит поросят в заранее приготовленном гайне. На случай вынужденного переселения готовятся и запасные гайны. Это довольно капитальное для свиней сооружение, чаще всего устанавливаемое под густыми кронами хвойных деревьев или выворотнями. При взгляде со стороны оно представляется огромным ворохом ветвей, хвойных лап, кустарников, старой травы. При более близком ознакомлении в гайне можно увидеть вырытое в земле углубление, заботливо устланное травяной ветошью, сухой хвоей, листьями. А над этим гнездом — плотная крыша из кустарника и молодых густых деревьев. В нем тепло и сухо даже при осадках.

Поросят бывает от 2 до 10, чаще всего 6—7 у зрелых самок и 3—4 у молодых. Первую неделю они тихо лежат тесно прижавшись друг к другу, не разбегаясь из гнезда и при опасности. Мать пасется поблизости, бдительно охраняет приплод и кормит его через 40—50 мин. Но уже недельных поросят она выводит на прогулку и начинает элементарное обучение. В это время она самоотверженно защищает выводок, яростно набрасываясь не только на крупных хищников, но даже и на человека. Бывает, чужка погибает — в этом случае осиротевших детенышей принимает на выкармливание и воспитание мать соседнего выводка.

Двух-трехнедельные поросята уже очень шустры, могут плавать, рыть землю, искать корм. Они удивительно симпатичны и пропорционально сложены, с некрупной головой (у взрослых особей она растет быстрее тела), тело покрыто чисто-белой щетинкой в темных продольных полосах. Во всем подражая матери и другим взрослым сородичам, они стремительно врываючися в жизнь, и в этом их направляет родительница, терпеливо и умело обучая

сложной науке бытия в полном опасностей и невзгод таежном мире. При опасности они мгновенно рассыпаются и крепко затаиваются под валежниками, в хворосте, выбоинах в почве. Уже 2—3-месячные перестают сосать мать и полностью переходят на питание взрослых. Если нажировочных кормов в достатке, сеголетки к началу зимы весят до полуцента и при этом бывают хорошо заживевшими. В бескормицу же они вдвое легче при полном отсутствии жировых запасов.

В стаде молодняк неприкосновенен и всячески оберегается взрослыми, и тем не менее небольшая смертность приходится именно на эту возрастную группу: в первый год жизни выживает лишь 40 % народившихся. Их высокая смертность объясняется не только неурожаями кормов и холодами, но и деятельностью хищников, которых в Амурско-Уссурийском регионе больше, чем в любом другом всего умеренного пояса Северного полушария. Расчеты показывают, что от крупных хищников, в первую очередь от тигра и бурого медведя, гибнет более половины кабаньего поголовья. На 450 ныне обитающих в уссурийской тайге тигров в год приходится до 15 тыс. погибших чужек. Бурый медведь и кабан, осенью обитающие в сходных угодьях и живущие на одинаковых кормах, связаны особенно обостренными отношениями. И когда орехов и желудей мало или нет вовсе, кабан становится почти единственным источником существования медведя.

Мы много говорим о безоговорочной охране тигра, нас беспокоит и состояние медвежьих популяций, и не задумываемся мы над тем, что уссурийский кабан, как зверь в высшей мере интересный, испокон веков бывший здесь объектом популярной высокоэмоциональной охоты, заслуживает не меньшего внимания. А периодические запреты охоты на него остаются пустой формальностью без видимого эффекта.

Кабаны — звери во многом оригинальные. Обладая высоким интеллектом и крепкой памятью, они способны к обучению ничуть не хуже шимпанзе. Известно немало примеров, когда выросший рядом с охотничьей собакой, да еще при некоторой дрессировке хозяина, повзрослевший кабанчик на охоте показывал воистину чудеса охотничьего мастерства. По боровой дичи, например, он работает не хуже опытного легаша: терпеливо ищет птицу, зачуживает ее прежде собаки и делает почти классическую стойку, причем убегающую догоняет и вновь заискивает над ней, не упуская из виду хозяина. И белок ищет не хуже лайки, хотя голос не подает. Работает он и с гончими, причем проявляет поразительную выносливость, чуткость и стремительность. Какой гончак промчится 10—15 км без отдыха? Да только кабаных кровей. Один изъян у этого «гончака»: не любит он промысловых зайцев.

Забывтый ученый

А. ФАЙЗУЛЛИН, кандидат медицинских наук,
член Союза журналистов РТ

С профессором Владимиром Яковлевичем Генерозовым (1882—1963) я познакомился еще подростком в 1949 г. Причиной знакомства стала моя страсть к охоте. У меня было одноствольное охотничье ружье, и взрослые иногда брали меня на охоту. Отец однажды предложил: «Пойдем, я тебя познакомлю с профессором, охотником. Это будет полезное знакомство!» — и повел меня в библиотеку НИИ ортопедии и восстановительной хирургии. Владимир Яковлевич работал библиографом и был интереснейшим рассказчиком, много знавшим и повидавшим. Он увлек меня охотничьими историями и рассказами о промысловых животных, об их добыче, об охотничьем оружии, о домашнем тренинге. Эти тренировки не прошли для меня даром — я стал приносить домой значительно больше охотничьих трофеев.

Память о Владимире Яковлевиче заставила меня обратиться в редакцию Татарского энциклопедического словаря с просьбой сообщить, что же известно об этом ученом, но оказалось, что там о нем никаких сведений нет. Моя встреча с заведующим отделом института Татарской энциклопедии АН РТ Р. В. Шайдуллиним дала мне право и возможность самостоятельно собрать сведения о профессоре Генерозове. Я начал с отдела кадров Казанского НИИ ортопедии и восстановительной хирургии, где, не без труда, было найдено личное дело библиографа Генерозова В. Я., работавшего там с 3 мая 1946 по 1 июня 1957 г.

Вот некоторые сведения из этого личного дела.

Генерозов Владимир Яковлевич родился 18 июля 1882 г. в Эстонии, в городе Везенберг. Окончив с золотой медалью гимназию, он в 1901 г. поступил в Петербургский политехнический институт на экономический факультет. В 1907 г. Генерозов окончил институт и в 1909 г. получил степень кандидата экономических наук, что говорит о склонности этого молодого человека к научной деятельности. Меня поразила насыщенность учебного процесса в институте того времени (начало XX в.), и читателю будет небезынтересно узнать об этом.

Диплом

С.-Петербургский Политехнический Институт Императора Петра Великого сим свидетельствует, что представитель сего Владимир Яковлевич Генерозов по окончании курса в С.-Петербургской десятой гимназии поступил в число студентов экономического отделения

сего Института и, прослушав полный курс наук общеобразовательных, успешно выдержал испытания по следующим предметам:

- истории хозяйственного быта и экономических учений;
- истории всеобщей теории политической экономии, денежному обращению и кредиту;
- экономике сельского хозяйства и торговли;
- науке о финансах, статистике, экономической географии, земледелию;
- энциклопедии права, государственному праву, гражданскому праву, торговому праву с вексельным правом и торговым судопроизводством, международному праву, основам уголовного и процессуального права;
- физике и химии;
- товароведению с технологией;
- бухгалтерии и теории вероятности и финансовым вычислениям.

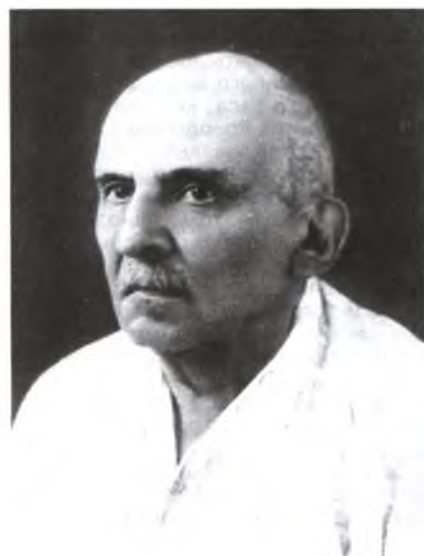
Из иностранных языков обучался французскому и английскому, сверх того, В. Я. Генерозов представил сочинение под заглавием «Производство пшеницы в Северо-Американских Соединенных Штатах», признанное экономическим отделением вполне удовлетворительным.

Посему и на основании ст. 38 положения об Институте Владимир Яковлевич Генерозов 28 октября 1909 года удостоен советом Института звания кандидата экономических наук с правом производства в чин класса при поступлении на государственную службу».

Копия заверена подписями и печатью.

По-моему, очень неплохое образование получали студенты. Не знаю, как сейчас обстоит дело с изучением перечисленных дисциплин, но в том, что нынешние студенты не изучают два иностранных языка, не сомневаюсь.

В 1908 г. В. Я. Генерозов поступает экономистом в Министерство торговли, в хлеботорговое экспортное отделение, затем переходит в Крестьянский Поземельный Банк. В 1911 г. поступает на службу в Департамент земледелия и командировается в Постоянное Русское Правительственное Сельскохозяйственное агентство в Северной Америке (США и Канада), где и работает до лета 1915 г. экономистом по вопросам международной торговли сельскохозяйственными продуктами. Одновременно он приобрел специальность механизатора-мелиоратора (корчевальное дело) и охотоведа (прикладная зоология и организация охотничьего хозяйства и пушного звероводства). Занимался он

Владимир Яковлевич Генерозов (18.VII.1882—11.V.1963)

и научно-исследовательской работой: изучал достижения американского сельского хозяйства и публиковал на эти темы статьи в русской печати.

Вернувшись в 1915 г. в Россию, Генерозов исследует производственные силы Севера (в особенности промыслово-охотничью фауну), а также реконструкцию водно-речного транспорта и сельского хозяйства. Принимал участие в экспедициях по Северу. С 1923 по 1935 г. вел педагогическую работу: был профессором в четырех ленинградских вузах: Лесотехнической академии, Институте народного хозяйства, Институте прикладной зоологии, Институте народов Севера. Итогом научно-исследовательской деятельности были монографии, брошюры, статьи и пр.

В 1935 г. Владимир Яковлевич был осужден. Еще до суда, в марте 1935 г., ему было предложено НКВД без какого-либо обвинения выехать из Ленинграда на новое местожительство. Владимир Яковлевич выбирает Казань и переезжает туда летом 1935 г. Вот что он пишет об этом в своей автобиографии: «В 1935 году я был оклеветан своими сослуживцами и, хотя я себя не признал виновным, судом по ст. 88-10 был осужден на 4 года лишения свободы». Надо сказать, что эта статья давалась за антисоветскую агитацию и срок по ней предусматривался до 10 лет. Повезло профессору, можно сказать, отделался легким испугом. Освобожден он был досрочно через 3,5 года, а 5 мая 1953 г. судимость с него была снята. Естественно, ни о какой педагогической деятельности не могло быть и речи. Никакой ректор не решился бы взять на работу хотя и бывшего, но все же «врага народа».

После освобождения Генерозов возвращается в Казань, но и здесь ему не удается трудоустроиться. Он перебивается случайными заработками, в основном переводами. Дает уроки фран-

В. Я. Генерозов. «Живя в Соединенных Штатах Америки в 1911—1915 гг., я много времени уделял стрелковому делу и в 1912 г. был чемпионом штата Миссури в стрельбе на 300 ярдов (1 ярд — 0,91 м) из американской винтовки»

цузского и английского. С началом войны в 1941 г. положение осложнилось. Как неработающий иждивенец, он получал продуктовые карточки в усеченном виде — по 400 г хлеба в день. Его жена, пенсионерка, получала такую же пайку. Они голодали. Только в 1942 г. он поступил на работу в Трахоматозный институт заведующим библиотекой,

где и проработал до 1946 г., а с 1946 по 1957 г. — библиографом в КазНИИ ортопедии и восстановительной хирургии. В ноябре 1957 г. он выходит на пенсию.

15 лет отдал В. Я. Генерозов библиотечному делу, но его главным призванием было охотоведение, которому он посвятил большую часть жизни. Это можно назвать бескорыстным служением науке, или подвижничеством, ведь за свой труд ученого-охотоведа он не имел никаких материальных благ. Я знаю, что в начале пятидесятих годов он посетил Астраханский заповедник, был на реке Каме в районе деревни Мурзики, на Свияге, где он с группой охотников высаживал канадский (озерный) рис для расширения кормовой базы водоплавающей дичи. Этому энтузиасту шел восьмой десяток лет.

Жил он в трущобе на улице Спартаковской, д. 11, кв. 11 (сейчас этот дом снесен). Мне пришлось бывать в этом жилище: двухэтажный деревянный покосившийся дом середины XIX в. Перед входной дверью несколько ступенек, поднявшись по которым, попадаешь в темную прихожую и по перекосившейся лестнице поднимаешься на второй этаж. Владимир Яковлевич занимал две небольшие комнатки, и, кажется, без кухни. Небольшая гостиная вмещала стол с пишущей машинкой, стеллажи книг с папками рукописей и несколько расхожих стульев. Вторая комната — спальня с широкой кроватью, аккуратно заправленной старым одеялом, и какое-то подобие комода. В общем, как говорится, нищета выглядела из всех углов. Остальные удобства находились во дворе.

Владимир Яковлевич, несмотря на свалившиеся на него невзгоды, был оптимистом и увлеченно работал. В личном деле рукой Владимира Яковлевича было написано: «Мой стаж научного, литературного работника 48 лет (1907—1955). Общее число научных работ (напечатанных и в виде рукописей) около 200: экономического, технического и охотхозяйственного характера. Имею несколько изобретений».

Много это или мало? Я думаю, что в указанные им годы мало кто написал больше, а может быть и никто, уж очень неблагоприятные времена были для

творческой деятельности, особенно в области биологических наук. Две работы ученого были опубликованы в Германии в 1927, 1929 гг., две — в США в 1918, 1934 гг. и одна статья в Канаде. Можно предположить, что публикаций за рубежом было больше, но в те годы было опасно об этом говорить или писать. Шла борьба с вейсманистами-морганистами, космополитизмом и т. п.

Из приведенного им списка научных работ только две выполнены в соавторстве с профессором Д. К. Соловьевым. Мне удалось найти, наверное, последнюю опубликованную статью профессора В. Я. Генерозова «К молодым охотникам» («Охота и охотничье хозяйство», № 10, 1959).

В предисловии к статье от редакции написано: «Владимир Яковлевич Генерозов — наш старейший охотовед. Он активно участвует в деле охотничьего хозяйства страны. В 1912 г. им был завезен дикий рис (озерный) и посеян на озере Велья (под Ленинградом). Владимир Яковлевич поставил вопрос об акклиматизации у нас ондатры». Со слов В. Я. Генерозова я знаю, что он не только поднял вопрос об акклиматизации, но и завез из Канады зверьков для этой цели.

Профессор В. Я. Генерозов известен специалистам не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Я полагаю, что он достоин того, чтобы Республиканское охотничье общество стало носить его имя. С этим предложением я обращаюсь в правление общества, а также в администрацию г. Казани, в комиссию по топонимике с ходатайством о том, чтобы одну из улиц нашего города назвали его именем.

От редакции

Наш журнал высоко ценил заслуги замечательного русского охотоведа Владимира Яковлевича Генерозова. Статьи о деятельности В. Я. Генерозова периодически печатались в журнале: К. Елкин. Памяти В. Я. Генерозова, № 6, 1964; «Фотоархив». Фотографии В. Я. Генерозова во время его пребывания в США. № 5—6, 1993; И. Семечкин. В. Я. Генерозов и канадский рис тускарора, № 12, 1994; Ф. Штильмарк. Судьба архива В. Я. Генерозова, № 8, 1998 г.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

КМ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Природа и общество: пути гармонизации

А. ИНОЗЕМЦЕВ,

зав. кафедрой биологии и экологии организмов
Московского государственного областного университета

После коренной перестройки в социальной и производственной сферах нашей страны произошли изменения и в деле охраны природы. К сожалению, несмотря на двукратное (по официальным сообщениям) сокращение промышленного производства, загрязнение среды в России за последние годы не только не уменьшилось, но даже возросло.

Накопленный веками опыт взаимодействия Природы и Общества свидетельствует, что в условиях частного владения средствами производства и землей (природными ресурсами) победить в конкурентной борьбе (в условиях свободного рынка) можно лишь при снижении затрат на производимую продукцию (оплату персонала, обновление и ремонт оборудования, охрану и восстановление окружающей среды, нарушенной в процессе добычи и переработки природных ресурсов). А поскольку мероприятия по охране природы при современном производстве, особенно в еще интенсивно функционирующих у нас предприятиях добычи и первичной обработки природных ресурсов, как правило, требуют не меньших затрат, чем основное производство, — на них и экономят. Практически ничего — лишь крохи от необходимых затрат — не вкладывают в восстановление природных ресурсов и охрану среды предприятия, производящие и поставляющие на рынок древесину («круглый лес», пиломатериалы и т. п.), строительные материалы (песок, камень и т. п.), ископаемое горючее (нефть, газ). Между тем, как показывают многолетние наблюдения, загрязнение окружающей среды увеличивается: неуклонно возрастает содержание двуокиси углерода (CO_2) в воздухе, растет химическое загрязнение поверхностных вод и почвы, сокращаются площади лесов, снижается биоразнообразие (Добровольский, 1997; Кондратьев, Романюк, 1996; Волгин, Добродеев и др., 1997; Гос. доклад..., 1995—2000 и др.).

Бесчисленные утечки нефти при ее добыче, транспортировке и переработке, просачивание нефти и нефтепродуктов в водоемы и почву из хранилищ,

возгорание газа на буровых скважинах и взрывы на трассах трубопроводов говорят о том, что средств, выделяемых на охрану природы, явно недостаточно. Масштабы же перспективных затрат, необходимых для полного восстановления среды (почвы, вод, живой природы) в местах добычи и транспортировки, например, нефти, сопоставимы с получаемой прибылью. Таким образом, очень доходная сегодня для владельца природного ресурса торговля сырьем (нефть, газ, древесина) чрезвычайно дорого обходится России, ее народу. Страна, поставляющая на мировой рынок исключительно свое сырье (будь то бананы, кофе, руда или сырая нефть), не может быть богатой. Наоборот, мировой опыт свидетельствует, что страна с недоразвитой промышленностью — экономически слаборазвитая, нищая. Между тем нынешние владельцы российской алюминиевой промышленности ежегодно вывозят за границу более 90 % производимого в стране алюминия; лишь около 10 % производимого металла подвергается обработке в России, и из них получают потребительские изделия. Более 90 % меди, произведенной в России, экспортируется; за границу уходит 9/10 произведенного олова и 2/3 — цинка, 1/2 добываемых нефти и газа (Козловский, Щадов, 1997; Коптюг, 1997; Ключев, 2002).

Происходящая сейчас глобализация экономики закрепляет такое положение дел. Не случайно директор Всемирного экономического форума в Давосе (2001 г.) Карл Смади сказал: «... глобализация выгодна только богатым странам». Высокие доходы в промышленно развитых странах, обеспечиваемые производством (и торговлей!) сложной высокотехнологичной и наукоемкой техникой (от компьютеров, автомашин и самолетов до телевизоров и стиральных машин), обусловили высокий уровень жизни их населения, а соответственно — науки и культуры. Последнее привело к осознанию (часто на своем негативном опыте в период бурного промышленного роста) необходимости охраны среды своего обитания. На этом же форуме министр

финансов Индии Яшвант Симха заметил: «... излишества в жизни богатых стран наносят непоправимый урон природе».

Забота об охране среды «в рамках национальных границ» не избавляет биосферу Земли от неуклонно растущего загрязнения. Производственная деятельность, связанная с использованием природных ресурсов, дает экономически развитым странам блага, а слаборазвитым — загрязнения. Например, США (менее 5 % населения Земли) ежегодно используют для внутренних нужд страны 1/3 добываемых мировых запасов полезных ископаемых и производят более 30 % «общечеловеческого мусора»; поглощают почти вдвое больше кислорода, чем выделяет растительность, произрастающая на их территории. Безудержная эксплуатация и, в итоге, уничтожение своих первозданных природных экосистем (или хищническое использование природных богатств своих бывших колоний и экономически зависимых слаборазвитых государств) позволили развитым странам достичь высокого уровня промышленно-экономического развития.

Однако в результате своей производственной деятельности человечество превысило допустимый порог хозяйственной емкости биосферы, что повлекло за собой нарушение сложившихся в ней связей с возможными катастрофическими последствиями. Пока еще сохраняющееся относительное экологическое равновесие протекания большинства биосферных циклов поддерживается экосистемами, находящимися в близком к естественному состоянию и образующими своеобразные центры стабилизации окружающей среды.

Для сохранения биосферы нашей планеты Россия имеет совершенно уникальное значение. Дело в том, что России принадлежит самая крупная часть ландшафтной оболочки Земли, где сохранились громадные массивы практически не нарушенных экосистем (на них приходится около 65 % территории страны — примерно 11 млн км²). Как же сегодня охраняется этот самый крупный в мире центр стабилизации окружающей среды?

В недалеком прошлом (примерно до 1990 г.) мероприятия по охране природы (особенно крупные) организовывались, финансировались и направлялись органами государственной власти — прежде всего Советом Министров РСФСР. В министерствах, ведающих разработкой и использованием природных ресурсов (таких, как Министерство лесного и сельского хозяйства, рыбного хозяйства, геологии, мелиорации и водного хозяйства и т. п.), имелись специальные подразделения, занимавшиеся вопросами охраны природы. В планах развития народного хозяйства мероприятия по охране природы были представлены специальными разделами — поресурсно. Общественные организации, такие, как

Всероссийское общество охраны природы, профсоюзы, комсомол, общество «Знание», Московское общество испытателей природы и др., активно участвовали в охране природы: осуществляли практические мероприятия, вносили в государственные учреждения предложения по улучшению использования природных ресурсов и охране окружающей среды, критиковали недостатки государственных органов в этой работе.

Сейчас основную часть природоохранных функций пытаются взять на себя многочисленные «фонды», финансируемые в основном зарубежными спонсорами, действительные интересы которых часто далеки от вопросов охраны природы, организации экологов и алармистов, «зеленые», «дружины охраны природы» и другие общественные объединения, расплывшиеся за последние годы, как поганки после летнего дождя. В большинстве это карликовые организации, членов которых волнуют исключительно крупные, часто глобальные, проблемы. Они борются с атомными электростанциями и предприятиями, занятыми переработкой и утилизацией ядерных отходов, транспортировкой радиоактивных

отходов по территории России и строительством долговременных могильников радиоактивных отходов; вместе с международными природоохранными организациями (такими, как Гринпис) пикетируют российские военные полигоны (например, на Новой Земле), выступают против участия нашей страны в строительстве АЭС в Иране и т. д.

Среди членов общественных природоохранных организаций России мало профессионалов. Поэтому их действия основываются главным образом на эмоциях, а требования (как правило, радикальные) направлены на прекращение работы того или иного производства (например, вообще строительства АЭС; хотя очевидно, что АЭС — основа будущей энергетики, безопасность которых необходимо повышать). Таким образом, деятельность многих природоохранных организаций лишь будоражит население, сводясь к громким лозунгам о защите окружающей среды. И если раньше природоохранные организации занимались посадкой растений («зеленые патрули», «школьные лесничества»), спасением молоди рыб («голубые патрули», «школьный рыбнадзор»), охраной редких видов и борьбой с браконьерством (студенче-

ские «дружины охраны природы»), загрязнением окружающей среды промышленными выбросами (общественные «комитеты по охране природы» на предприятиях), то теперь практическая работа сошла на нет. Реальные, конкретные вопросы охраны природы из-за своей повседневности представляются слишком рутинными, а поэтому в настоящее время общественные организации ими пренебрегают и практически никто этим не занимается.

Вторичное сырье (лом металлов, макулатура, использованная стеклотара и т. п.) в прошлом в обязательном порядке сдавались на соответствующие приемные пункты. И это в немалой степени способствовало сбережению и рациональной добыче природных ресурсов. Теперь же, когда морально-идеологические стимулы ослаблены, а государственные учреждения не утруждаются научно обоснованным регламентированием размеров добычи природного сырья (с учетом целесообразности вовлечения в хозяйственную деятельность вторсырья), полагая, что «рынок все отрегулирует», стало очевидным, что лишь экономической заинтересованности недостаточно. Например, в 70-е гг. XX в. в России при-

На громадной территории России (около 65 %) сохраняются массивы почти нетронутой, свободной и дикой природы. Северо-западное побережье Байкала. Здесь напротив ущелья р. Молокон можно любоваться одной из самых грандиозных и монументальных байкальских панорам

емо-сдаточная цена бутылки емкостью 0,5 л составляла 20—25 % ее стоимости с пивом. Принимались же бутылки практически во всех магазинах, где торговали напитками, и бесчисленных пунктах приема стеклотары. Сейчас тару мало где принимают, а возвращают не более 5—6 % ее стоимости с содержанием. Поэтому сдачей стеклотары озабочена лишь беднейшая часть населения, а все урбанизированные территории и многочисленные рекреационные зоны усеяны брошенными бутылками и их осколками, делающими окружающую среду упомянутых территорий опасной для здоровья.

Практически природоохранные организации не замечают, что развернувшееся в последние годы вокруг городов массовое строительство коттеджей сопровождается бурением собственных скважин и абсолютно бездумным и бесконтрольным расходом воды. Для различных нужд: создание «новых ведомственных здравниц» и «экологически чистых жилых массивов», под «садовые участки», для карьеров по добыче песка и других строительных материалов — в Московской области, например, ежегодно изымаются сотни гектаров государственных лесов, и в том числе лесов 1-й группы (таким образом, масштабы сокращения площади лесных массивов, вызываемые хозяйственной деятельностью, соизмеримы с исключительными по силе и продолжительности пожарами, бушевавшими в аномально сухое и жаркое лето 2002 г., которые уничтожили на территории Московской области около 700 га лесов). К сожалению, природоохранные организации обычно остаются пассивными и при принципиальном решении подобных вопросов, ведущих к фактическому сокращению зеленой зоны вокруг Москвы, и в ходе последующей антропогенной трансформации экосистем на этих территориях. Между тем зеленые растения самой Москвы могут обеспечить кислородом лишь 1/3 жителей города. По мнению специалистов, на одного жителя города должно приходиться не менее 30 м² зеленых насаждений, а площадь озелененной территории, с учетом лесопарков в черте города, должна составлять 50—65 % (Коротанов, 1997). Однако в последние годы XX в. на каждого жителя Москвы приходилось лишь около 17 м² зеленых насаждений, а суммарная площадь всех зеленых насаждений составляла 30 % городской территории (Состояние..., 1998).

Финансовые средства, выделенные «по государственной» линии, сейчас крайне ограничены. Поэтому надежды обычно возлагаются на соответствующие природоохранные фонды или международные и иностранные общества охраны природы. Однако, как показал опыт, использование этих средств (особенно зарубежных) часто регламентировано и нередко сводится к длительному изучению потенциальным инвестором объекта возможной совместной деятельности, иногда без последующего проведения природоохранных

мероприятий, или к проведению семинаров и курсов по обучению волонтеров работе по охране природы. Обычно основная часть средств, выделяемых международными организациями или иностранными фондами, тратится на иностранных консультантов. Для эффективной практической деятельности по охране природы средств не хватает.

В то же время общение с зарубежными и международными природоохранными организациями показало, что развитие экономики страны в значительной мере зависит от природно-ресурсной базы и состояния окружающей среды. Но растущие по воле рыночных отношений производство и потребление в развитых странах, таких, как США, Англия, Германия, Япония, протекают в управляемых и контролируемых условиях: государство не отпускает из своих рук их законодательное и экономическое регулирование. Например, в городах США и Западной Европы, задыхающихся от выхлопных газов, вводятся жесткие ограничения на использование личного автотранспорта, но стимулируется развитие общественного, перевозящего за рейс больше людей и выбрасывающего при этом относительно меньше загрязнителей, то есть реализуется стратегия развития общественного транспорта, существовавшая у нас еще 15 лет назад. В условиях рыночных отношений жесткие всесторонние экономические, правовые и другие внеэкономические меры охраны окружающей среды необходимы и неизбежны. Становится очевидным, что только основанное на новейших технологиях наукоемкое промышленное производство, которое обеспечит подъем экономики страны и ее процветание, может дать необходимые средства для решения природоохранных проблем.

Ощущается острая необходимость в проведении масштабных, глубоких, научно обоснованных мероприятий по охране природы, значительные нарушения которой отмечаются как в России, так и повсеместно в мире.

Безусловно, небывалые наводнения лета 2002 г. в странах Европы и ужасающая засуха на юге Африки в известной степени — суммарный итог хозяйственной деятельности людей, повлиявшей на глобальный круговорот воды в биосфере. Но вряд ли это следует воспринимать как сигнал правительству РФ «задрать штаны» бороться с глобальными изменениями погоды. Ведь основная причина этих изменений кроется в антропогенном загрязнении биосферы и в практически полной ликвидации или коренной перестройке естественных экосистем на землях экономически благополучных стран, которые в угоду быстрому производственно-техническому развитию почти полностью преобразованы в агроландшафты, промзоны и урбанизированные территории. В прошлом ныне развитые страны бездумно и часто иррационально эксплуатировали природные ресурсы, и нынешнее глобальное загрязнение окружающей среды — результат

исключительно их деятельности. Теперь им надлежит взвалить на свои бюджеты основную (львиную) долю экономического бремени по возвращению в исходное состояние биогеохимических циклов в биосфере, если, конечно, они хотят этого на деле, а не на словах.

В глобальном масштабе главная задача России в сохранении благоприятной среды для жизни видится в охране естественных экосистем, имеющих планетарное значение, бережном использовании, а не разбазаривании природных ресурсов. Сегодня эти задачи не выполняются ни Правительством РФ, в силу некомпетентности, ни природоохранными организациями — из-за отсутствия средств.

Образование — важнейшая социальная структура воспроизводства культуры — совокупности материальных и духовных ценностей, выработанных в ходе исторического развития народа. При этом главным является воспитание в самосознании человека тех основных — духовных — ценностей, которые направляют применение их знаний и умений. От того, что люди считают для себя самым важным, достойным и священным, чему они служат «за совесть» и ради чего живут, зависит социальная направленность их поведения и судьба России в целом.

Отношения «человек — природа» является первичным и основным в формировании других социальных связей и взаимодействий, особенности которых обусловили материальную и духовную культуру каждого этноса, отражены в самобытности каждой национальности и, несомненно, предопределили специфику мировоззрения составляющих ее индивидов. Совершенно справедливо представляется утверждение И. А. Ильина (1992, б): «Как нет безнациональных народов, так нет и безнациональных культур и систем воспитания».

Поэтому в деле обучения и воспитания необходимо учитывать национальное своеобразие мировоззрения, духа народа. В русской душе ее «первичные силы» (любящее сердце, созерцание, свобода, совесть, вера) определяют и ведут ее «вторичные силы» (мысль и волю, форму и организацию). Если в русской душе эмоционально-целостное начало преобладает над рационально-волевым, то западный менталитет характеризуется иными приоритетами. В нем преобладают «воля над сердцем, анализ над созерцанием, рассудок над совестью, власть над свободой» (Ильин, 1992, а). Именно воспитание развивает ценностное самосознание. Русское национальное воспитание, основывающееся на историческом духовном опыте народа, зиждется на главной установке: «Кто бы я ни был, — я служу России, не мамоне и не просто «начальству», не карьере и не просто работодателю. Но именно России: ее спасению, ее строительству, ее величию, ее оправданию перед лицом Божиим» (Ильин, 1992, б).

Русскому национальному характеру (самосознанию) свойственно особое понимание взаимоотношений личности

и коллектива. Личность в отрыве от целого у русских не рассматривалась, а служение общественному делу было целью и высшим смыслом всей жизни. В Европе и Америке акцент всегда делался на индивидуальность, самооценку. Сущность человека «западного мира» очень точно охарактеризовал проживший много лет за границей А. А. Зиновьев. «Западник» — это внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними способностями, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, смолоду думающее об обеспечении старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению «к прочему западному человечеству» (Зиновьев, 1995).

Для удовлетворения искусственно создаваемых потребностей порождаются новые и новые машины и технологии. Складывается положительная обратная связь, ускоряющая технический прогресс, последствия которого проявляются лишь тогда, когда становятся очевидны негативные итоги развития «общества потребления» (обще-

ства, которое считает себя единственным возможным, а потому агрессивно насаждающим свое мировоззрение, ценности, политику и образ жизни).

Сегодня весь мир волнует вопрос: как сочетать потребности быстро растущего людского населения с ограниченными возможностями природы к воспроизводству ее ресурсов? Ведь именно надвигающийся экологический кризис — порождение иррационального взаимодействия Общества и Природы — предельный фактор, детерминирующий жизнь человека на Земле. И именно в контексте этой проблемы начинается противостояние цивилизации и культуры.

Цивилизация рассматривается как внешние знания и умения (получаемые в процессе обучения), тогда как культура — развиваемое воспитанием, внутренне организованное единение свободы и творчества, любви и совести человека, обуславливающее глубинный внутренний смысл жизни каждого индивидуума, стремящегося к гармонии с самим собой и окружающим миром. Таящиеся в глубине внутреннего «Я» возвышенные чувства определяют духовность человеческой личности (Бердяев, 1994). Совершенство духовного

содержания — источник «творческого вдохновения, опора истинной науки, чистой совести, характера, месторождение окрыленного гениального искусства, фундамент правосознания и патриотизма, гарантия дисциплины и храбрости» (Ильин, 1992, а). Духовное развитие человека не внешне, а внутренне, диалектически связано с социальной жизнью; воздействовать на существующую действительность человек может только изнутри, т. е. воздействуя на самого себя.

В настоящее время в России отсутствует удовлетворительная система рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. В средствах массовой информации все настойчивее рекламируются ценности «западного» мировоззрения, на словах декларирующего «гуманизацию» общества, тогда как на самом деле в «обществе потребления» реальной высшей ценностью обладает не человек, а вещь. Такая социально-идеологическая обстановка отрицательно отражается на культурном и эстетическом развитии народов России, духовном воспитании, моральном состоянии личности.

Фото О. Гусева

При учреждении заповедников — эталонов природы решающую роль сыграли «первичные силы» русской души: любящее сердце, созерцание, свобода, совесть, вера. Байкал, поселок Давше — центральная усадьба Баргузинского заповедника — первого государственного заповедника России, созданного в 1916 г.

Законодательная охрана животных в России:

плюсы и минусы

В. ФЛИНТ, Т. БЕЛЯКОВА

Правовое регулирование деятельности человека в области использования и охраны животных напоминает все экологическое право России в миниатюре: отдельные нормативы рассеяны по множеству законов и подзаконных актов. Даже специалисты, постоянно работающие в правовом поле этого законодательства, часто и не подозревают существования в «пограничной» сфере важных нормативов, регулирующих частные вопросы. Многие частные или «узкие» проблемы до сих пор юриди-

чески не урегулированы.

В чем причина этого явления? Вероятно, поскольку это сравнительно новая отрасль права, многие нормативы вводились по мере возникновения вопросов и накопления достаточного опыта в каждой области. В результате проблемы охраны и использования различных групп животных, представляющих в той или иной форме интерес для хозяйственной деятельности, по-разному отражены в праве.

По определению животный мир — это «совокупность всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации, а объект животного мира — организм животного происхождения (дикое животное) или их популяция» (Федеральный закон «О животном мире» от 24 апреля 1995 г. № 53-ФЗ). Под это определение не попадают домашние или одомашненные, а также экзотические животные, хотя и находящиеся постоянно или временно на территории России, но не в состоянии естественной свободы. Исключение представляют экзоты, интродуцированные в природные экосистемы с целью повышения продуктивности этих экосистем (нутрия, ондатра, енот и другие).

Деятельность, связанная с сельскохозяйственными животными, регулируется ветеринарным законодательством, Федеральным законом от 3 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве», а также иными актами Департамента животноводства и племенного дела Минсельхоза России.

Домашние животные и «экзоты» — самые «бесправные», так как действия с ними регулируются только Гражданским кодексом, который, с одной стороны, не допускает жестокого обращения с ними (ч. 2 ст. 137), а с другой стороны, считает их имуществом (ч. 1 ст. 137). Несмотря на то что в части 2 ст. 231 ГК «Приобретение права собственности на безнадзорных животных» существует примечательная норма о том, что «при наличии обстоятельств, свидетельствующих о сохранении к нему (прежнемому собственнику) привязанности со стороны животного или о жестоком обращении с ним нового собственника (прежний собственник) вправе потребовать их воз-

вращения на условиях, определяемых по соглашению с новым собственником, а при недостижении соглашения — судом», все же гражданское право не может охватить всех особенностей приобретения, содержания, разведения и использования животных.

В соответствии с законодательством Российской Федерации можно выделить пять юридических категорий животных, для которых определены правила, учитывающие особенности их использования и обращения с ними.

1. Животные, отнесенные к объектам охоты.

Их перечень утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 1995 г. № 1289. Он включает 49 наименований различных таксонов (отрядов, семейств, родов и видов млекопитающих, гибридов зубра с бизоном и домашним скотом, а также 15 наименований разных таксонов птиц). Из этого списка исключаются виды, подвиды и популяции, занесенные в Красную книгу Российской Федерации.

2. Животные, отнесенные к объектам рыболовства.

Термин этот прочно вошел в различные постановления Правительства Российской Федерации и указы, но тем не менее нигде законодательно не определен. В Федеральном законе от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» используется также определение «живые ресурсы». Эти животные — рыбы, морские и речные млекопитающие и другие животные — перечислены в постановлении Правительства Российской Федерации от 25 мая 1994 г. «Об утверждении Такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2000 г. № 724)».

3. Животные, относящиеся к редким и находящимся под угрозой исчезнове-

ния видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации.

Правовых актов, касающихся этих животных, в законодательстве Российской Федерации довольно много. Перечень видов, подвидов и популяций, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (том «Животные», 2001 г.), определен приказом Госкомэкологии России от 19.12.1997 г. № 569 и включает 65 различных таксонов млекопитающих, 123 вида и подвида птиц, 21 вид рептилий, 8 видов амфибий, 39 видов рыб, 42 вида моллюсков, 92 вида членистоногих.

4. Объекты животного мира, не относящиеся к объектам охоты и рыболовства и не занесенные в Красную книгу Российской Федерации (но обитающие на территории России).

Закон «О животном мире» (ст. 43) определяет, что добывание объектов животного мира, не отнесенных к объектам охоты и рыболовства, допускается только по специальным разрешениям. Фактически это большинство видов, обитающих в состоянии естественной свободы в России. Специального перечня их не существует, и к ним относятся все дикие животные, независимо от систематического положения, не включенные в перечни объектов охоты и рыболовства и не занесенные в Красную книгу Российской Федерации. Порядок и форму выдачи разрешений на их добывание определяют территориальные подразделения федерального специально уполномоченного органа по охране, контролю и регулированию использования животного мира и среды его обитания. Более детально эта проблема на федеральном уровне не рассматривается и не регламентируется, что порождает возможность произвольной трактовки самой идеи.

5. Виды животных, попадающие под действие международных договоров, участником которых является Россия. Как известно, международное право — Конвенции, соглашения — это система

добровольно взятых на себя каждой стороной обязательств, и поэтому нет оснований не выполнять эти обязательства. Но это теория, а на практике все куда сложнее.

Различают самовыполнимые и несамовыполнимые условия международного договора. Самовыполнимые условия не требуют дополнительного внутреннего законодательства государства, подписавшего данный договор, и могут применяться без дополнительных юридических документов. Несамовыполнимые условия требуют принятия специального законодательства.

Есть два пути решения этого вопроса. Первый — это принятие специального законодательного акта, учитывающего требования международного договора. Второй — установление тре-

буемых норм в различных уже действующих законах страны.

В отношении, пожалуй, наиболее действенной в области сохранения видов животных Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), Россия пошла по второму пути. И нормы, касающиеся выполнения Конвенции на границе и в пределах территории страны, разбросаны по различным законам, начиная от Таможенного кодекса и заканчивая законодательными актами субъектов Российской Федерации (например, закон города Москвы от 30 июня 1999 г. № 28 «О регулировании использования редких и исчезающих диких растений и животных на территории города Москвы»). Несмотря на

обилие законодательных актов, при практическом применении Конвенции возникает масса вопросов, в основном связанных с юридическим статусом животных. К примеру, как совместить принадлежность животного к виду, занесенному в Красную книгу Российской Федерации (и поэтому полностью изъятому из хозяйственного оборота), с необходимостью его экономической (денежной) оценки для таможенных целей (квалификация контрабанды)? Как его оценивать — ведь все животные каждого вида индивидуальны, а их стоимость в денежном выражении зависит от пола, возраста, состояния, а иногда даже от времени года. Попадает ли животное редкого вида под действие закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей»? По мнению некоторых специалистов, живые животные к этой категории не относятся. Для того чтобы сделать из животного культурную ценность, необходимо приложить к нему человеческий труд, — и в виде чучела оно может претендовать на такое звание. Но ведь в Законе «О вывозе и ввозе культурных ценностей» среди определений объектов данного Закона существует категория «редкие образцы флоры и фауны», и они относятся к культурным ценностям вне зависимости от конкретного места происхождения и причин появления в Российской Федерации, поскольку виды, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, — это ценности, внесенные в охранные списки и реестры в порядке, установленном законодательством России (ст. 9 Закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей»).

Почему возникла необходимость разбираться с юридическим статусом животных?

Нет сомнений в том, что для содержания домашних животных, как правило, достаточно доброй воли людей, их содержащих, и занимаются этим люди, хорошо относящиеся к животным. Но здесь вступает проблема коммерческого использования диких животных. Традиционное отношение человека к природным объектам — как к ресурсам. То есть можно взять животное из природы и... продать или использовать как-то иначе, например фотографировать с ним всех желающих (до тех пор, пока животное не станет агрессивным или не погибнет).

Можно назвать это хищническим отношением к природе, но в праве данное определение ничего не значит. И если виды, обитающие в состоянии естественной свободы на территории России, по закону являются государственной собственностью (ст. 4 ФЗ «О животном мире») и, соответственно, охраняются законом, то виды, обитающие за пределами России, российским законом не охраняются. И везут браконьеры наловленных попугаев, мармозеток и удавов на продажу.

Конвенция СИТЕС, которую подписала и ратифицировала Россия и которая

Фото Т. Баженова

является частью российского законодательства, действует только при пересечении границы. За владение, содержание, торговлю животными, относящимися к видам, включенным в Приложение СИТЕС, без необходимых документов, то есть контрабандой, попавших в Россию, на федеральном уровне ответственность не предусмотрена. Некоторые субъекты Российской Федерации пытаются заполнить этот пробел (например, московский закон «О регулировании использования редких и исчезающих диких растений и животных на территории города Москвы»). Но не противоречит ли это, в свою очередь, федеральному законодательству? Ведь устанавливать уголовную и административную ответственность — прерогатива государства.

На федеральном уровне принято постановление Правительства Российской Федерации от 19.01.1998 г. № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на время ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размеров, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» (с последующими дополнениями и изменениями). В этих «Правилах» есть очень мягкая запись: «При продаже таких товаров (животного происхождения) продавец обязан предоставить покупателю *по его просьбе* (курсив наш) сведения о документах, подтверждающих наличие соответствующего разрешения...» А на практике: покупатель не попросит, а если вдруг попросит, то неизвестно, знает ли он о том, как выглядят «соответствующие разрешения», и даже если знает, то просто посмотрит на разрешение (на большее у него прав нет), а продавец может под то же разрешение (предположим, легитимное) продавать любое количество «контрабандных» животных того же вида.

В итоге при существующем положении дел России является постоянным рынком сбыта животных, нелегально добываемых в зарубежных странах и нелегально ввозимых в Россию. Приводит это к неконтролируемому международному браконьерству и, как результат, к возникновению угрозы исчезновения видов.

Наиболее целесообразным представляется выделить животных в от-

дельную юридическую категорию (возможно, приравненную к культурным ценностям), учитывая, что для оценки животных должны использоваться не экономические параметры, а категории редкости видов, угрозы для них торгового спроса, сложности восстановления их популяций в природе. Вероятно, в таком случае станет возможным регулировать использование, охрану, изучение и другие виды деятельности с редкими животными — вводить обязательные документы, подтверждающие законность происхождения для каждой особи, племенные книги и так далее.

Следующая серьезная проблема, связанная с использованием животных редких видов, — это отсутствие в настоящее время правового регулирования деятельности, связанной с вольерным содержанием и разведением этих животных. До недавнего времени действовало положение о лицензировании отдельных видов деятельности в области охраны окружающей среды, где были перечислены виды деятельности, связанные с работами (услугами) природоохранного назначения (код 022). Это положение было утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 1996 г. № 168 и перестало действовать с вступлением в силу Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ. Хотя ст. 26 Закона «О животном мире» содержание и разведение объектов животного мира в полувольерных условиях и искусственно созданной среде обитания допускает только по лицензиям специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания. И за нарушение этого порядка предусмотрена административная (ст. 8.34 Кодекса об административных правонарушениях «Нарушение установленного порядка создания, использования или транспортировки биологических коллекций») или, в особо тяжелых случаях, уголовная (ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации «Жестокое обращение с животными») ответственность. Это противоречие мешает работе «правильных» природопользователей и смущает многих!

Также практически не действует постановление Правительства от 17 июля 1996 г. № 823 «О порядке государственного учета, пополнения, хранения, приобретения, продажи, пересылки, вывоза за пределы Российской Федерации

и ввоза на ее территорию зоологических коллекций». За 7 лет, прошедших с его принятия, не зарегистрировано ни одной зоологической коллекции! Но, впрочем, это уже проблемы не законодательства, а правоприменения.

Что же можно предложить для законодательной поддержки сохранения биологического разнообразия с учетом реального положения дел?

Возможны всего два способа воздействия на процесс. С одной стороны, ужесточение контроля использования диких (обитающих в природе в состоянии естественной свободы) животных, а с другой — всемерная государственная (финансовая и законодательная) поддержка зоопарков и питомников, разводящих в искусственно созданных условиях животных редких видов, правильно подготавливающих и выпускающих этих животных в природу.

Некоторые выводы. Во-первых, целесообразно законодательно выделить животных, особенно относящихся к редким и находящихся под угрозой исчезновения видам, в особую правовую категорию. Их владельцы должны иметь не только права, но и обязанности.

Во-вторых, необходимо обеспечить реальный учет и мониторинг питомников, разводящих животных редких видов, и предоставить им налоговые и иные государственные льготы для сохранения генофонда редких типов и выпуска разведенных животных в природу. И главное — необходимо официально утвержденное Постановление Правительства Положение о зоопитомниках. Его до сих пор нет, и поэтому деятельность уже существующих зоопитомников практически нелегитимна!

И, в-третьих, наряду с усилением контрольной службы (которую должны представлять безусловно подготовленные люди, имеющие представление о том, что и как они контролируют), как это ни банально звучит, необходимо проводить активную просветительскую работу.

Мы не ставили своей задачей предложить исчерпывающее решение проблемы. Хотелось лишь показать ее контуры и привлечь внимание к ней природоохранной (в том числе «правовой») общественности. Насколько нам известно, такая попытка предпринимается впервые. Но то, что проблема существует, нам удалось доказать. Она достойна более широкого обсуждения, результатом которого может стать ее законодательное решение.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Постоянный автор журнала, член редколлегии проф. В.В. Дёжкин ищет спонсоров для издания монографии «Биологическое природопользование» объемом 18 а.л. и научно-популярной книги «Легенды и быты Усманского бора. Хроника уникального заповедника» объемом 14 а.л.

Контакты: Дёжкин Вадим Васильевич, тел. (095) 393.79.22. e-mail: vvdezkin@mlu-nel.ru

Увидев наш ГАЗик, медведица встала на дыбы, затем, прижав уши, начала приближаться к нам и подошла к вездеходу на 10 м. И тут мы увидели на лиственнице двух медвежат. Медведица медленно отошла от дороги. Когда мы отъехали на значительное расстояние, медвежата быстро спустились с дерева и вместе с мамашей исчезли в густом стланике.

Фото А. Герасименко, Саха-Якутия, Кобяйский район
Фотоконкурс «Охота и природа, 2004»

Рыдай

Ю. МАСЛЕННИКОВ

*Любимому внуку
Вадиму Брыксину посвящается*

Давно уже нет Рыдая — моего любимого выжлеца. И после него у меня были выдающиеся собаки, но Рыдай навсегда остался в моем сердце, как и Джек — отцовский чистокровный пойнтер, которого мы оставили в Полоцке в 1941 г.

Рыдай — потомок царской гатчинской охоты, потомок довоенной тульской волкогонной стаи, праправнук первого ленинградского Гобоя Чекулаева, Разгона Прохорова — чемпионов, известных на весь мир. И все время с особой нежностью память возвращается к охотам, проведенным с Рыдаем.

Середина декабря. Снега уже много. Экипирован я хорошо: прекрасные, легкие охотничьи лыжи — «Нововятские», свободные белые маскировочные куртка и шаровары, на легкие валенки обуты легкие прорезиненные «сапоги-чулки», свободные меховые рукавицы, московский охотничий рог через плечо, в руках — облещенное, штучной работы, бельгийское ружье. В таком виде я за короткий зимний день проходил по лесам и болотам до 50 км, а мой бедный Рыдай в ползе и на гону за это же время пробегал до 300 км. Теперь для полного счастья нам нужен только дикий зверь. Морозец небольшой. Тихо. Гон будет слышен натренированным ухом да с ярким доносчивым голосом Рыдая в радиусе до 10 км. Хотя сегодня иней будет заглушать голос гончей. Ночью была пороша, старые следы подзамело, а свеженькие — вот они, «печатные». Зорька занимается над лесом, через час будет светло. Собрал ружье, зарядил, и Рыдай скрылся в лесу в поисках зверя. Свою работу он знает! Ни минуты не будет болтаться без дела... Раздолье и тишина... Только слегка скрипывает снег под лыжами.

Но это ненадолго! Вот-вот лесная тишина взорвется страстным, ярким, рыдающим на все голоса, чистокровным голосом Рыдая. А сейчас обязательно смотрю на часы: Рыдай ушел в 8 часов утра.

О голосах породных гончих надо писать отдельную книгу. За несколько столетий исследовано множество качеств голосов. Можно определенно сказать, что голос гончей — это чудо природы. Обладая опытом, охотник «читает» безошибочно, только по голосу собаки, какого зверя нашли, как далеко от собаки он встал, видит ли его собака или преследует только по запаху, по какой местности идет преследование зверя (бор, мелколесье, болото, овраг, ручей, дорога...), здоров ли зверь или ранен, здорова ли собака,

Семья Масленниковых с Рыдаем

точное расстояние от охотника до собаки и до зверя, обороняется ли зверь или старается уйти от собаки, зовет ли собака охотника на помощь... Все интонации голоса гончей сопровождаются неудержимой страстью, злобой к зверю и отчаянным самопожертвованием. Добыча уходит на второй план. Все мысли охотника направлены на то, как помочь своему любимцу, как спасти его от тысячи опасностей и выйти победителем. К сожалению, большинство гончих погибают на охоте по неопытности охотников — владельцев собак. Забегая вперед, скажу, что Рыдай работал до глубокой старости...

Здесь мелколесье, а на горках встречается и соснячок. Зверя много любо-го. В одну из охот я наткнулся на следы медведей, хотя до Пскова — «рукой подать». Угодья здесь «кормные» и мало посещаемые браконьерами: охрана — целый штат егерей и начальник хозяйства.

Рыдай уходил в лес как-то напряженным, как будто верхом зачуял зверя. Ли-

сица здесь проходила постоянно, направляясь на охоту за мышами в поле и возвращаясь обратно в норы. Кстати сказать, здесь в квадрате 5х5 км восемь городков лисьих нор, из них 3, что называется, «вековые». Зверя мы здесь на-смотрелись всякого еще со старым моим выжлецом Гармо из Тульского питомника, которого здесь я натаскивал без ружья. И порой зверье выскакивало прямо под ноги, спасаясь от преследования моих гончих, еще щенков.

Рыдай, наверное, уже на заболоченной опушке в глубине массива, где любит прятаться заяц-беляк после кормежки, да и лиса часто туда наведывается попугать зайчишек, а иногда и остается на дневку, пригревшись на солнышке, свернувшись калачиком на кочке, чутко прислушиваясь.

Я уже встал на лаз зверя, сойдя с дороги. Ружье заряжено: правый ствол дробью помельче — «заячий», левый покрупнее — для лисицы. Себя не обнаруживаю, не курю, не топчусь, весь наготове. Волнуюсь. Рыдаю обычно

надо не более 20 минут на розыск и подъем зверя, но еще сумерки — рановато.

Неожиданно тишина взрывается злобным ревом Рыдая метрах в 150 от меня, и это заставляет меня вздрогнуть. Любой зверь от такого зарева гончей бросается наутек. Но здесь он стоит на месте и, несомненно, опасен для собаки. Легко представляю себе оскаленную пасть Рыдая, ревушую в неистовой злобе к зверю. Видимо, стоят морда к морде — и ни с места... Кто же там? Медведь-шатун? Кабан? Если кабан, то не секач, а свинья. К секачу Рыдай близко не подходит. Скорее всего раненая свинья. В воскресенье здесь военными егерями организуются облавные охоты, и иногда уходит подранок. Бесшумно, быстро перезаряжаю ружье пулями.

Две личных лицензии на кабана в эти уголья у меня всегда с собой на всякий случай. Мой многолетний приятель, светлой памяти Филипп Михайлович Мавродий — бывший председатель Псковского отделения Ленинградского общества военных охотников, всегда находил возможность выделить мне личные лицензии, за что иногда я организовывал ему охоты для крупных военачальников, как правило феноменально успешные — вероятно «везло».

Но как ни осторожно я перезаряжал ружье, раздался слабый щелчок при закрытии стволов, и зверь стал перемещаться в сторону от меня вдоль дороги, на что указывал ни на секунду не прекращающийся рев Рыдая. И, похоже, за поворотом они пересеклись через дорогу вне зоны моей видимости.

Что делать? Безусловно, Рыдай в опасности. За дорогой зверь опять остановился. Но двигаться на сближение с ними — обнаружить себя. Это «столкнет» зверя, и он станет уходить, уводя за собой собаку. Или решит отделаться от преследователей и нападет сам.

Неожиданное решение пришло само собой: со стороны Б. Остенки по дороге выехал «Кировец» с тремя железными прицепами и, грохоча бортами и цепями, приближался к нам. Зверь, как правило, техники не боится. И под этот грохот железных бортов и рев мотора я быстро переместился «под зверя».

Теперь передо мной была заболоченная поляна, а гряда кустов у дороги со зверем и Рыдаем — за спиной. И уж коль зверь перешел через дорогу, то направление его движения в большой лесной массив заставит преодолеть эту поляну у меня на виду, где он и попадет под выстрел, так как я приблизился к месту, где Рыдай облаивал зверя. На какие-то секунды Рыдай замолчал, и, к немалому моему удивлению, я услышал, что он бежит «на махах» по моим следам ко мне сзади. Бросил зверя?! Оборачиваюсь к нему и... в ту же секунду стреляю навскидку: огромный матерый волчина, худой как лещ, с поджатым под брюхо хвостом, высотой, как мне показалось, с жеребенка-сеголетка, выскочил из кустов в 10 метрах от меня, а после выстрела мгновенно

но исчез, растворился, как привидение в сумерках рассвета. На выстрел под ноги выскочил Рыдай в таком возбужденном состоянии, с взъерошенной шерстью от ушей до кончика хвоста, что я не без опаски успел схватить его за загривок и надеть ошейник.

Волки! Быстро перезарядив ружье волчьей картечью, с Рыдаем на коротком поводке с осторожностью продвигаюсь в сторону скрывшегося в кустах матерого. Следы его, без преувеличения, с мою ладонь. Одним махом он перескочил дорогу, и «ни кровинки, ни шерстинки». Стреляю я неплохо. По пулевой стрельбе — I разряд. А тут промазал! Да и охота пропала. Возвращаюсь в деревню. Где бы я здесь ни выпустил Рыдая, он обязательно найдет серых разбойников и будет преследовать их на свою погибель или пока не убьем хотя бы одного из них.

А день занимается чудесный! Солнышко взошло, играет блесками на снегу. Морозец, кажется, ослаб. Порошка — чистойшей... Как бы хорошо погонять зайчишку.

Прошло, наверное, около часа после моего неудачного выстрела. Смотрю, вдоль огорода прошел русак. След зайца свежайший — ушел в овраг под кручу. А что если поставить Рыдая на свежий след зайца? Он в лес не пойдет, можно по полям погонять. Подвожу Рыдая к следу. Заволновался — причуял. На свой риск снимаю с него ошейник, и Рыдай на махах уходит в овраг.

Изготавливаю для стрельбы. Скорее всего заяц выскочит по своему входному следу ко мне под ноги. Так часто бывало. Жду-пожду — Рыдай молчит, зайца нет. Посмотрел в сторону леса: огромный русачина перескакивает через дорогу вдоль леса и уходит в сторону Балсово. Видимо, заяц слышал наши разговоры и встал рано, оторвавшись от собаки. Наконец Рыдай дошел до лежки зайца, распутав все его предварительные следы-сметки, скидки, и взревел, погнавшись по следу с голосом. Рыдай в основном работает по зайцу и лисе, за работу по которым и присваивают дипломы.

Рано или поздно заяц вернется сюда же — в овраг. Русак не выдержит и часа гона: хорошо тренированная гончая быстро утомит его, и он начнет «западать». И вернее всего попадет ко мне... Прошло около часа. Рыдай «сошел со слуха», а заяц не возвращался. Решил идти за ними по следу, чтобы приблизиться к гону и слышать Рыдая.

Поднимаюсь на горку перед Балсово и слышу под Сохной злобный рев Рыдая по волку. Бросил зайца и настигал волков! Опять смертельная опасность нависла над моим любимцем. Через полчаса я дошел до волчьих следов. Их трое. Среди них матерый. Продираясь через бурелом и высокие снежные удувы с полей, я быстро выбился из сил. Стрелял вверх неоднократно, трубил в рог.

В отчаянии кричал: «Рыдай, Рыдай, нельзя! Ко мне!» Бесполезно. Услышав меня, волки стали уходить в сторону

Хайлова, а далее — Торошинские уголья с моховыми болотами — глухой угол, где, может быть, суждено будет погибнуть моему Рыдаю. Сил моих больше нет. Решил вернуться своим следом на дорогу и без лыж продолжать поиски и преследование, надеясь на счастье. Можете представить мое состояние. Сердце разрывалось от горечи и беспомощности.

Уже подходя к проезжей дороге, увидел, что из Остенки выезжает «Запорожец» местного знакомого инвалида с ручным управлением. С поля кричу, машу руками, но я в белой одежде на снегу — вряд ли обратит внимание. Однако он заметил, остановился, ждет. Прячу в снег лыжи. Усаживаюсь в машину, весь мокрый, от снятой шапки валит пар. Объясняю ситуацию: погибает Рыдай (его здесь хорошо знала вся округа) — волки! Даем полный газ и пытаемся проехать хотя бы до Ольгиной Поля, а там открытые места, дорогу заносит и дальше не проехать. Действительно, дальше дорога заменена сугробами снега. Прошу заглушить мотор и слушать.

Отхожу от машины на горку. Напряженно и с надеждой вслушиваюсь в тишину. Тишина, конечно, относительная: по Гдовскому шоссе под Конюшкино на пределе слуха гудят машины, лают дворняги, кто-то их потревожил, в Долгорепах работает экскаватор, но все это не то, не то. В сторону Хайлова и Сторопа — мертвая тишина. Поворачиваю голову на четверть оборота и — о чудо! Еле слышно, но без сомнения — это Рыдай! За Долгорепами в сторону города, уже в зеленой зоне, идет гон, смещаясь вправо к Погорелке и Купровщине.

Видимо, выстрел почти в упор в матерого сделал свое дело: волки «стусовались». Они поняли: идет охота на волков! И там, где эта орудия обезумевшим от злобы сильным и ярким голосом собака, по ним будут стрелять! Они уходят в паническом страхе, что и спасает Рыдая от гибели. Прежде чем поставить Рыдая на след зайца-русача, я разорвал стреляную папковую гильзу и натер ею шею и холку Рыдая в надежде, что запах пороха хотя бы на пару часов остановит волков от нападения.

И тут меня осенило: мы же видели эту тройку разбойников с Ильюшиным пару лет назад под Егорьевщиной. Это же волки из-под Малой Толпицы! Там выросли раkitника, камыш выше головы, кочарник по берегу Псковского озера, они пойдут туда. Утром я не дал им свернуть влево к Егорьевщине, когда был еще в силах их преследовать, и стрелял вверх, и трубил — они повернули на Сохных.

Прошу водителя побыстрее доехать до Погорелки наперерез гону. Открыть машину и постоять там, между Погорелкой и Купровщиной, где кусты с обеих сторон подходят к дороге. Только бы успеть! А я «перескочу» болото и встану не доходя Русилова и Мыса, на перешейке леса, — гряда по болоту,

заросшая камышом и мелким ельником. И... если там их прогнал Рыдай и есть их следы, то они вернутся своим следом. Я их встречу!

С осени было много дождей, по болоту не пролезть в резиновых «заколениках». А сейчас — по льду, как по асфальту, снег сдуло, и через 20 минут я был у намеченной цели.

Волки прошли краем камышей, не забираясь в гряды леса с глубоким снегом. Обошли стороной кусты можжевельника. Я же здесь и встал: заиндевелый можжевельник хорошо прикрывает меня, не закрывая обзор, по льду камыши редкие — видимость до 50 м, а след впереди меня в 30.

Еще не дойдя до места, я понял, что после небольшой перемолчки Рыдай взревел... и погнал обратно к Долгорупицам. Минут через 30 они будут у меня! Наткнулись, видимо, на «Запорожец» и повернули обратно, своим следом.

Волки совершенно бесшумно и неожиданно замелькали в камышах. Шли крупной трусцой, опустив морды к земле и поджав хвосты... Рыдай же отстал метров на 300, что и сбilo меня с толку. Медленно, жестко и уверенно поднимая ружье к плечу... Трусившая впереди матерая волчица резко останавливается. Сквозь камыши четко вижу ее силуэт... Только не зависть... Под лопатку... В нижнюю часть грудной клетки... В нижнюю часть... Волчья карточка... Спасти Рыдая... В матерого утром, видимо, зависил...

После выстрела волчица делает огромный прыжок в сторону и вверх, как будто ей сыпанули горячих углей под лапы, и зарывается в снег удува. Ах! Какой можно было сделать классический дуэлет по волкам и достать матерого, но... Я не схожу с места и держу зарывшееся в снег серое пятно на прицеле... Остальные исчезли мгновенно.

Рыдай еще с минуту «гонит» по следу с изменившимся после выстрела голосом на пределе сил. И вдруг замолкает, видимо учуяв запах пороховых газов или запах крови зверя, и через несколько мгновений его могучие челюсти смыкаются на горле волчицы. Несколько минут он, «закостеневший», лежит рядом со зверем, и только когда я подхожу, начинает трепать, так и не разомкнув челюсти, давая выход злобе, и оттащить его нет никаких сил. Беру Рыдая на поводок, снимаю с себя белоснежный маскировочный костюм, убираю в специальный целлофановый пакет и в рюкзак. В рюкзаке с любовью собранный женой обед и литровый термос горячего, крепкого и по-флотски сладкого чая. Но сейчас не до этого. Надо побыстрее выбраться отсюда, хотя бы на Гдовскую, взорванную в войну железнодорожную насыпь, пока возбужден и, кажется, много сил. Потом будет тяжело. Взмаливаю волчицу на плечи — два Рыдая, не меньше. С превеликим трудом уже в сумерках выходим на Гдовскую насыпь, и с радостью заменяю горячие подфарники «Запорожца» на дороге: не бросил нас приятель.

Состязания лаек

В. РЯБОВ, эксперт-кинолог I категории,
директор Удмуртского питомника западносибирских лаек

В Удмуртском питомнике западносибирских лаек прошли открытые межрегиональные состязания лаек по кабану и медведю, посвященные памяти эксперта международной категории по лайкам И. Д. Перельмитера и директора Ижевского механического завода В. С. Чугуевского.

Илья Давыдович Перельмитер был активным участником всех мероприятий по охотничьему собаководству, которые проводились в России. Он с удовольствием приезжал и проводил выставки и состязания, всегда был нашим учителем, говорил, что состязания в питомнике должны стать традиционными. Перельмитер и Чугуевский были друзьями и часто встречались на состязаниях. Чугуевский всегда находил время приехать на состязания, узнавал, как идут дела, общался с экспертами. Традицией было выставлять нарезные ружья и духовые винтовки на призы. Василий Сергеевич говорил, что собака и ружье — единое целое.

Состязания открыла главный эксперт Н. Б. Мишанова. Подняла флаг со словами приветствия. Выступили глава района Н. Н. Осин, начальник Удмуртского управления охотничьего хозяйства В. П. Булаков, председатель Удмуртского Республиканского общества охотников и рыболовов Р. К. Цыганов, затем Нина Борисовна объявила состав экспертной комиссии. Председателем оргкомитета был В. Д. Речкин (г. Нефтеюганск), председателем комиссии по медведю — эксперт Всероссийской категории Г. З. Насыров (г. Екатеринбург), его ассистентами — эксперт II категории В. О. Блаженков (г. Екатеринбург) и стажер А. А. Гречишин (Удмуртия). Председателем комиссии по кабану был эксперт I категории С. К. Слепнев (г. Москва), его ассистентами — эксперты II категории С. С. Ипкеев (Татарстан), С. Г. Любимов (г. Екатеринбург), стажерами — С. В. Окулов (г. Екатеринбург) и П. М. Языковский (г. Самара). Было объявлено, что для участников состязаний будет организовано горячее питание, баня, вечером гости могли отдохнуть в кафе «Токовичи», посмотреть кинофильмы про охоту.

Сначала зарегистрировалось 22 команды. Прошла жеребьевка. Первая половина пошла на медведя, вторая — на кабана. В процессе состязаний подъехало еще несколько команд, и к концу дня их было уже 27; некоторые регистрировались в неполном составе. Таблицу пришлось наращивать. Татарстан выставил 6 команд.

Абсолютные чемпионы по кабану и медведю — Ингуш и Юраш

Фото автора

По положению в команде участвовали 3 номера: кобель (одиночка), сука (одиночка), пара (независимо от полов). Раньше, по старому положению о состязаниях, сука была обязательна, за нее просто добавляли баллы. На последних состязаниях, когда стали выбирать лучшую суку для награждения, оказалось, что поощрять было некого: из 107 выставленных номеров в одиночку участвовало всего 3 суки.

Три дня лайки соревновались за звание быть лучшей, а команды боролись за первое место. Толпы участников собирались у таблицы и внимательно следили за ходом состязаний, считали каждый балл. Меня очень радовали результаты команд, которые отлично сработали, одна сильнее другой. В пяти первых командах не была пропущена ни одна собака, шесть номеров получили дипломы. Вторая команда нашего питомника не получила всего один диплом по кабану и заняла 6 место, хотя дипломы были внушительными — по медведю 2 — II и III, по кабану 2 — II степени при высоких баллах.

Заметно, что хороших зверовых собак стало больше. Приятно, что во мно-

гих командах были собаки, приобретенные в нашем питомнике, или потомки наших производителей. На Всероссийских состязаниях 12—14 сентября 2003 г. во многих командах тоже участвовали наши собаки, очень много было потомков от п. ч. Хвата (2910/00) нашего питомника.

Призовые места стала стабильно занимать команда из г. Вологды. На Всероссийских состязаниях 2003 г. в г. Кирове пара Зъяр и Лютый, принадлежащие А. А. Филатову, стали абсолютными чемпионами. Они показали великолепную работу по медведю и получили 93 балла. Лучшее сработавшей пары я еще не видел. Эта пара происходит от устойчиво выведенных зверовых линий. Зъяр — от п. ч. Хвата (2910/00) и Ульки (1590/96), принадлежащих Удмуртскому питомнику ЗСЛ. До шестого колена я знал собак лично — сильных работников по зверю. Лютый происходит от Беркута, принадлежащего Удмуртскому питомнику, и Гайды В. А. Дмитриева. На этих состязаниях выставляли пару в другом составе — Зъяр с сыном Хортом (4460/03) с не менее зверовыми признаками М. М. Бутанова. Лютый был травмирован, может быть поэтому наша пара стала абсолютным чемпионом. На протяжении 25 лет я не пропускаю ни одних состязаний, но только третья пара на таких престижных состязаниях становится абсолютным чемпионом.

Хорошо выступила и получила приз сука из команды Свердловской федерации Фимка В. Киреева от п. ч. Хвата Удмуртского питомника ЗСЛ и Марты Н. Шыкова. По кабану в паре она получила диплом I степени, по медведю диплом III степени — 75 баллов. В конце Фимку выставили с Каратом Девятковского. Еще одну пару выставляли из Вологды. Они тоже получили I степень по медведю, показав яркую работу.

Хорошую работу показала Тюменская пара ЗСЛ — Ворчун А. Н. Вострикова от Хвата Удмуртского питомника ЗСЛ и Белки (3148/00) М. П. Бунаева. Вольный этого же владельца от Волгара (1478/96) А. Волкова и Турки (3830/02) С. Савицкого сработали на дипломы II степени по медведю и II степени по кабану при высоких баллах.

Хорошо сработала пара молодых кобелей из второй команды Удмуртского питомника ЗСЛ Барклай (совладелец Н. И. Востриков) и Гурум (совладелец А. С. Баранов). Они получили дипломы II степени по медведю и II степени по кабану при высоких баллах.

Яркую работу по кабану, получив приз, показала пара из Москвы: ЗСЛ Иртыш (4812/04) и РЕЛ Бим (8282/01) отработали на диплом I степени по кабану при высоких баллах.

Абсолютными чемпионами состязаний по медведю и кабану стала пара ЗСЛ из Удмуртского питомника Ингуш (4402/03) и Юраш-Шатл (4399/03). Они же стали чемпионами по медведю.

Чемпионом по кабану стала Вологодская пара ЗСЛ — ч. Зъяр (3984/02) А. А. Филатова и сын Зъяра — Хорт

ИТОГИ СОСТЯЗАНИЙ

№	команда	место	баллы
1	Удмуртский питомник ЗСЛ-1	1	553
2	Вологда, облохотуправление	2	504
3	Пермское областное общество охотников	3	495
4	Свердловская «Федерация спорт и охотн. собаководства»	4	463
5	Питомник лаек «Великоустье»	5	439
6	Удмуртский питомник-2	6	436
7	Татарстан-3	7	428
8	Удмуртское РСОО и Р	8	421
9	Тюменская регион. обществ. организация Клуб охот. собак-ва	9	369
10	Брянское областное охот. Общество	10	360
11	Кировское ООО и Р	11	358
12	Тюменский областной союз охотников и рыболовов	12	274
13	Пермский клуб «Кама»	13	263
14	Татарстан-2	14	252
15	Ханты-Мансийское общество охотничьего собаководства	15	233
16	Саратовское управление охотхозяйства	16	166
17	Чувашоохотрыболовсоюз	17	158
18	Ставропольский край	18	87
19	Тамбовская область	19	75
20	Каменская федерация охотничьего собаководства	Вне	79
21	Татарское общество АКСУ	Вне	249
22	Татарстан-1	Вне	339
23	Татарстан-4	Вне	0
24	Москва	Вне	0
25	КАМАЗ	Вне	255
26	Больше-Сосновское общество, Пермская область	Вне	0
27	Невьянская федерация, Свердловская область	Вне	124

(4460/03) М. М. Бутанова. Приз «Самый молодой кобель» в память В. С. Чугуевского получил ЗСЛ Шорох — дипломы II степени по медведю и кабану.

Приз в память И. Д. Перельмитера — «Самая молодая сука» и дипломы III степени по медведю и кабану получила Шилка Удмуртского питомника — однопометница Шороха.

Победители соревнований были награждены:

за I место — лицензией на лося, кубком и дипломом;

за 2 место — лицензией на взрослого кабана и сеголетка, кубком и дипломом;

за 3 место — лицензией на кабана, кубком и дипломом.

За абсолютных чемпионов команда получила нарезной карабин.

Владельцы чемпионов по кабану и медведю получили многозарядные духовые пистолеты «Дрозд» и памятные статуэтки «Работа лаек по кабану», «Работа лаек по медведю».

По итогам состязаний команды заняли следующие места, получив указанную в таблице сумму баллов.

Всего было 120 призов, почти все участники, судьи, владельцы чемпионов и спонсоры получили грамоты и ценные призы.

Я очень благодарен спонсорам, которые бескорыстно помогли в организации состязаний и награждении призами.

Западносибирская лайка старается остановить кабана

Фото А. Дигилевича

За кедровыми

1

Уважаемая редакция журнала
«Охота и охотничье хозяйство»!
Высылаю вам для участия в фото-
конкурсе серию своих фотографий,
которые были отсняты в охото-оре-
ховый сезон в Приморском крае
(Шкотовский район, ключ Пирковский).

Л. КОЛУШЕВИЧ
г. Артем

1. Просеивание ореха на сите № 1
2. Сбор и поднос шишек корейского ке-
дра
3. Переработка кедровых шишек на ма-
шинках.
4. Тяжелая ноша, но этот мешок, кажет-
ся, последний
5. Хорошо поработали — с аппетитом
обедаем!

2

ШИШКАМИ

3

4

5

О тульских полуавтоматах

И. АЛЕХИН

«Уж сколько раз» на страницах охотничьих изданий, и больше всего в журнале «Охота и охотничье хозяйство», публиковались материалы на тему устранения неполадок в ружьях МЦ-21-12, а позднее ТОЗ-87, что, казалось бы, хватит. Вроде не осталось уже в механизмах этих ружей — особенно МЦ-21-12 (хотя, думается, тульская газоотводка, дай срок, догонит своего полуавтоматического предшественника) деталей, не упоминавшихся бы в советах доморощенных мастеров-оружейников (к коим и себя причисляю) по устранению той или иной неполадки в работе этих моделей.

Ан нет, изделия тульских оружейников не перестают преподносить все новые (впрочем, для кого-то новые, а для кого-то старые) сюрпризы своего норовистого поведения. И связано это, конечно же, только с некачественной сборкой и отладкой механизмов, иногда — с некачественным изготовлением деталей, или — куда проще — «выработкой» их в процессе эксплуатации. Последнее вполне «простительно» и обычно никаких претензий к изготовителю не порождает, разве что — по качеству используемых материалов.

При описании устройств и ТТД полуавтоматических ружей в различных «руководствах» и «справочниках» часто можно прочесть, что «конструкция механизма (читай: техническое устройство) ружья исключает отказы в работе автоматики». Эта очень лаконичная и категоричная фраза призвана, очевидно, вызывать у потребителя чувство уверенности в качестве товара. Но учитывая пресловутую непостижимость русской души для нормального человека, можно заподозрить, что этими словами конструкторы оружия, предвосхищая дальнейшее развитие событий в процессе эксплуатации изделия, открещиваются от проблем бракоделов-изготовителей. С другой стороны, сие гордое и технически обоснованное утверждение уж очень похоже на всем известные перлы типа «Слава советскому народу!» или «Мы хотели как лучше...»

Я не ставил перед собой цель обсуждать в этой статье непогрешимость конструкции и предлагаю принять каждую из них как само техническое совершенство, переложив таким образом всю ответственность за безобразную работу — вернее, неработу — многих образцов на натруженные плечи изготовителей. Это будет жестоко, но справедливо, хотя и напомнит многим общеизвестный трудовой процесс, для производства которого необходимы три вещи: вода, ступа и пест.

Скажу сразу — мне отсюда, из своей домашней мастерской, где я провожу какую-то часть свободного времени единственно из любви к стреляющим устройствам, причины, по которым в

Туле не хотят или не могут выпускать нормально работающие самозарядки рядового разбора, не видны, и о них я могу только догадываться. Но то, что, скажем, о модели ТОЗ-87 за последние два-три года в «народе» и, что особенно тревожно и обидно за Тулу, у персонала торгующих организаций сложилось стойкое мнение как о «безнадежно-ненадежной», — это, к сожалению, бесспорный факт. Для примера скажу, что объехал недавно пять наиболее крупных магазинов г. Краснодара, торгующих охотничьим оружием, и задавая продавцам вопрос о тульской газоотводке, получил примерно одинаковые ответы: от равнодушно-презрительного: «А кто ее покупает?...» до насмешливого: «Купите сразу в хозмаге набор напильников к ружью». Понимаете? Продавец охотничьего магазина, который кровно должен быть заинтересован в том, чтобы покупатель не ушел без покупки, хайт продаваемый товар! Но — хайт ли? Ведь правду говорит... На витринах — засилье ижевских ружей, и дустволок, и полуавтоматов, даром что модель многозарядного ружья этого завода всего одна — МР-153. Но оно, это ружье, на сегодняшний день — самое продаваемое. Надежная работа автоматики — вот что снисколо популярность МР-153. А на то, что оно, как все ижевские ружья — гладкостволки, и тяжеловато, и грубовато, большинству наших охотников наплевать. Безотказность ружья, конечно и безусловно, его наиглавнейшее качество. Все остальное, и особенно у полуавтоматических ружей, уходит на второй и третий план. Если отлично сбалансированное, легкое, маневренное и просто красивое ружье то и дело дает сбои в работе, владелец его скорее всего очень скоро ружье возненавидит и без сожаления избавится от ненадежного товарища. Примерно так происходит сейчас с ТОЗ-87. Изделия ранних выпусков грешили отказами в работе не много. Случались сбои, но в основном при использовании не очень доброкачественных боеприпасов, практически в 100 % случаев проблема была в гильзе — к ее качествам и геометрическим размерам готового патрона ТОЗ-87 и его модификации очень чувствительны. А голубой мечтой большинства российских «полуавтоматчиков» всегда было иметь такое ружье, которое безотказно работало бы в расширенном диапазоне качества применяемых патронов, другими словами — «кушало все подряд», а не как «паршивый поросенок». Ну, «все подряд» в полуавтомат записывать мало кому в голову придет, но наиболее полно этому требованию из современных ружей отвечает ижевское МР-153. Мне пришлось осматривать всего 5—6 этих ружей, и то — при покупке в целях профилактики, потому что жалоб на рабо-

ту почти не было. В семье, как говорится, не без уroda, знаю и я одного владельца МР-153, которого, по его словам, ружье просто за...мучило, но мне ружье видеть не приходилось по причине гордого и независимого характера его хозяина, который надеется устранить проблему сам. А так жалоб на работу ижевского полуавтомата я не слышал, хотя об одном моменте сказать хотелось бы.

Дело в том, что МР-153 имеет широко рекламируемые и получившие большое распространение инвекторы, или сменные дульные устройства, которые представляют собой вворачиваемые внутрь дульной части ствола втулки с различной степенью конусности. Учитывая тонкостенность сопрягаемых деталей — ствола и втулки, — резьба на них выполнена очень мелкая, с шагом порядка 0,75; это нужно, кроме того, для прочности соединения и уменьшения возможности самопроизвольного откручивания. Но такая мелкая резьба, с другой стороны, создает большие проблемы и со «штатным» откручиванием — при замене втулок, если во время эксплуатации в резьбовое соединение попала вода, да к тому же оно долго не разбиралось. В этом случае втулка так «прикипает» к стволу, что открутить (выкрутить) ее становится нелегко, и, как показал мой опыт, прилагаемым к ружью штатным ключом — просто невозможно. Ключ представляет собой стальную пластину небольшой толщины с выступами на всех кромках, заходящими в проточки на втулках, он и откручивает инвектор. Это при «нормальном» соединении. А вот если резьба «закисла» и требует применения достаточно больших усилий для отворачивания, ключ этот откровенно слаб. Вернее, слаб не он — металл ключа очень прочен, — просто выступы ключа «слизываются» края проточек на втулках, тем более что центрировать ключ при отворачивании с большим усилием гораздо труднее, чем прилагать это усилие, так как размеры выступов и проточек малы и, кроме того, их всего две пары. Гораздо лучше было бы во втулках делать четыре проточки, а ключ — цилиндрической формы тоже с четырьмя выступами, как это сделано у иностранных ружей, даже у дешевого китайского «Бриганта».

Мне пришлось выкручивать инвектор у двух МР-153 — конечно, всякий раз после того, как их хозяева, забыв, когда это делали последний раз, сами не сумели это осуществить. Естественно, перед тем как прилагать усилия по отворачиванию, я провел «подготовительные операции», облегчающие в ряде случаев эту работу: от отмокания в керосине, применения «Жидкого ключа» и до нагревания участка ствола в разумных пределах (кипятком). В одном ружье это помогло и втулку уда-

лось «со страшным скрипом» выкрутить родным ключом, закрепив ствол вертикально и очень сильно прижимая ключ к инвектору во избежание перекоса. Пришлось пользоваться помощью напарника, а для проворачивания — газовым ключом.

Во втором МР-153 инвектор засел в стволе, может быть, и не сильнее, но владелец ружья, пытаясь открутить втулку, «зализал» края проточек на ней настолько, что зацепиться за них штатным ключом не было никакой возможности. Оставалось применить последний способ — выкручивание при помощи самодельного инструмента, который обычно представляет собой трех- или четырехгранный стержень, забиваемый во втулку. Учитывая специфичность условий, я изготовил стержень с гораздо большим количеством острых граней — ведь чем их больше, тем на меньшую величину они должны врезаться в металл выворачиваемой втулки для предотвращения проворачивания при приложении необходимой силы. Стержень легко изготовить из райбера (развертки) нужного диаметра. Рабочие поверхности райбера «смотря» в обратную сторону от нужного нам направления, но это не имеет значения, потому что они все равно стачиваются на точиле. Итак, держа райбер под некоторым углом к вертикали, «уголком» точильного камня на электронаждаке делаем продольные канавки между режущими кромками райбера на небольшом участке, всего миллиметров 20 — такой глубины, чтобы кромки эти сточились полностью, так что в сечении райбер стал остроугой «звездочкой», у которой столько зубцов, сколько было граней у райбера. Естественно, в продольном сечении рабочий конец нашего инструмента имеет необходимую конусность. Остается забить его в ствол — во втулку, — и отворачивать. Забывать надо аккуратно, так, чтобы не прорезать втулку слишком много, но и не допустить ни одного «срезания».

В обоих открученных инвекторах — и в стволах, естественно, тоже — резьба была коричнево-рыжей от ржавчины, проникнуть в нее не смог ни керосин, ни фирменный «Жидкий ключ». Совет владельцам ружей со сменными чоками один — регулярно, хотя бы раз в квартал (а лучше — в месяц), а то и чаще (во время сезона), выкручивайте инвекторы, протирайте и смазывайте резьбу на них и в стволах. Особенно это относится ко втулкам, вворачиваемым внутрь ствола, потому что открутить «внешние» инвекторы — как, скажем, в тульских полуавтоматах, технически много проще при любом «закисании». И у «тулок» в комплект поставок входит специальная стальная щеточка для чистки резьбы.

Вернувшись к тульским полуавтоматам, хочу дать описание двух недавно встретившихся мне отказов в работе, по одному на каждую модель — ТОЗ-87 и МЦ-21-12, — и способов их устранения. Начну с последней, как с вете-

рана отечественных полуавтоматов.

Надо заметить, что за почти сорокалетнюю историю выпуска МЦ-21-12 конструкция ружья не претерпела никаких изменений (то, что в последнее время его ствол украшают-устрашают наворотами в виде сменных насадок, принимать во внимание не следует), но было у ружей старых выпусков одно отличие, которое до сих пор ценят поклонники «советского браунинга». Тормоз ствола — здесь и далее я буду называть детали в соответствии с их обозначением на рисунке и в паспорте оружия — изготовлялся в виде разрезной бронзовой втулки длиной раза в три большей, чем у ружей более поздних выпусков, а кроме того, тормоз этих первых полуавтоматов имел продольные шлицы. Даже внешняя втулка тормоза выглядела намного солиднее узких гладких втулок ружей последующих выпусков. Не знаю точно, влияет ли длины втулки, скользящей по поверхности корпуса магазина, на качество откатно-накатной системы, но по аналогии с лыжами, скользящими по снегу (или коньками на льду), можно сказать, что на длинных чувствуешь себя устойчивее. Так или иначе, но знатоки и приверженцы МЦ-21-12 ценят именно ружье с длинной шлицевой втулкой тормоза ствола, а особенно те экземпляры, в которых не один, а два буфера тормоза, передний и задний — в этом случае кольцо, приваренное к стволу, имеет конусное, а не цилиндрическое внутреннее отверстие. Недавно я был свидетелем покупки МЦ-21-12 именно такого исполнения с номером всего из трех знаков, т. е. выпуска 60-х гг., в отличном состоянии, очень малострельного, за цену, в полтора раза превышающую стоимость нового ружья этой модели в магазине, причем покупатель был совсем не глуп и знал, за что платит, хотя ружье было того самого что ни на есть рядового исполнения, с ложей из бука. Можно быть уверенным, что оно работает безукоризненно.

Тем более интересным показался случай, когда мне привезли для наладки МЦ-21-12 все той же «старой доброй» категории. Полуавтомат вел себя необычно — не «закусывал» гильзу или патрон, не выплевывал патроны на землю, а просто после выстрела не желал расставаться со стреляной гильзой. Выстрел, ствол возвращается в переднее положение с невыброшенной гильзой, курок взведен, следующий патрон из магазина не подан. То есть все хорошо, кроме того, что ствол, выходя, не расцепился с затвором в заднем положении, как должно быть, иначе бы гильза, удерживаемая на месте затвором, была выбита хвостовиком движущегося ствола. А очередной патрон не подавался в ствольную коробку потому, что сделать это ему не дал пришедший вместе со стволом в переднее положение затвор своим ограничителем. Но если патрона, который должен был освободить затвор, упершийся в рычаг подавателя, не было, то

что же освободило затвор? Оказалось — на поверхностях и остова затвора, и рычага подавателя от многолетней эксплуатации образовалась небольшая выработка, которой однако оказалось достаточно для того, чтобы затвор самопроизвольно под действием возвратной пружины срывался с рычага подавателя. Поверхность затвора я трогать не решился — там необходимо предварительная наварка металла, а качественно выполнить это нелегко, но упорную поверхность рычага подавателя обработал, сделав снова «зацепистой», убрав скругления, появившиеся во время эксплуатации. И даже перестарался, потому что после проверочной стрельбы стало ясно — затвор «зависает» на рычаге, хотя для его «срыва» — теперь уже «планового», при ушедшем, как положено, вперед стволе и подавшемся на лоток подавателя патроне, — требовалось приложить к затвору совсем эфемерное усилие, просто коснувшись его пальцем, — и он шел вперед, досылая патрон. Теперь пришлось сделать обратную операцию — уменьшить, но очень незначительно, «зацепистость» рычага подавателя, сгладив надфилем острые углы. И полуавтомат заработал безотказно, как и все свои тридцать пять лет службы.

Второй случай — с ТОЗ-87-03 — одновременно и сложнее, и проще. Это ружье теперь в моей собственности, и следующим этапом, который ему предстоит после завершившейся успешно отладки механизма, будет пристрелка со всеми имеющимися насадками, включая «парадокс». А пока — несколько слов о том, что же было «не так» в этой пятацарядке.

«Познакомился» я с этим ружьем «заочно», по переписке, и о проблемах в работе механизма перезаряжания узнал со слов владельца, начальника Южно-Курильской рыбинспекции Грожанкина Сергея Валентиновича. Сахалинская область — не соседний с Кубанью регион, но задалым охотникам большие расстояния не помеха для общения, так что тосты за здоровье и успехи друг друга поднимаются на противоположных концах страны одинаково искренне.

Узнав, что южно-курильское ТОЗ-87-03 страдает не просто «фирменной болезнью» «заедание-неперезаряжания», я, не имея возможности воочию убедиться в этом и увидеть момент несрабатывания механики полуавтомата, стал давать — в письмах — советы по устранению неполадки, которая, как мне представлялось, случалась из-за неправильных геометрических размеров двух взаимодействующих друг с другом деталей механизма — ограничителя и отсекаателя. Неправильная работа этой «железной парочки» — очень часто встречающаяся причина отказов. Я не был на сто процентов уверен в точности своего диагноза и не исключал варианта, что Сергей Валентинович в силу крутого характера возьмется сам решить проблему путем разбивания

тульского изделия об пенек на ближайшей же охоте, о чем он сам недвусмысленно говорил. Тем более, как я знал, его брат, Сергей Валентинович, был обладателем ижевского МР-153, которое никакими проблемами производственных недоделок не страдало, чем, очевидно, усугубляло драматизм ситуации братского тандема с одним работоспособным ружьем. Моя виртуальная помощь в ремонте ружья, сопровождавшаяся призывами: «Не надо об пенек!», в конце концов, возможно, и привела бы к каким-то положительным результатам, но хозяин ружья нашел другой вариант — приобрел полуавтоматическую «Беретту-Урику», о качестве которой не стоит, конечно, говорить, а ТОЗ-87-03 при соответствующем оформленных документах (я высылал на Курилы разрешение на приобретение) второй раз в своей жизни пересекло страну из конца в конце и, миновав свой родной город Тулу, очутилось у меня, в географическом центре Краснодарского края с названием Кореновск.

Полуавтомат был в прекрасном состоянии — гораздо лучше, чем я, честно говоря, ожидал. Ружье было просто новым, с ложей из темного ореха. Разобрав и осмотрев его полностью, я не увидел никаких следов ремонтной деятельности сахалинских наладчиков. Детали механизмов функционировали нормально, включая самые «неблагонадежные» — отсекабель, ограничитель, защелка и рычаг подавателя. Лишь хвостовик, который находится в прикладе и представляет собой трубку, в которой расположена возвратная пружина затвора, оказался довольно сильно отвинчен, или, если говорить по-другому, не довинчен в ствольной коробке и даже слегка «люфтил», его контргайку можно было крутить пальцами. Не догадываясь, что это и есть причина капризного норовя ружья, я завинтил хвостовик до упора и намертво прижал гайкой, как и положено. Потом собрал ружье и... не смог взвести затвор! Его — тоже намертво! — клинило на полпути в крайнее заднее положение. Сначала я сильно удивился — как же это ТОЗ-87 могло плохо работать, если оно вообще не могло работать — его просто невозможно было зарядить! Потом догадался, открутил хвостовик на «нужную» величину, чтобы он стал слегка болтаться, вновь собрал ружье — оно стало заряжаться, затвор со скрипом, но ходил туда-сюда. Во всяком случае из ружья стало возможным производить выстрелы, но о нормальной эксплуатации не могло быть и речи.

Я опять завинтил как положено хвостовик и ничтоже сумняшеся взялся за напильник. Опыт устранения подобной неполадки у меня был. В задней части затвора на оси установлен толкатель, который своим тонким концом упирается в полукруглую выемку штока и при движении затвора назад уходит в трубку хвостовика, сжимая возвратную пружину. Так как хвостовик проходит че-

рез шейку приклада, то он из-за пружины последнего установлен под углом в ствольной коробке, и поэтому толкатель для осуществления возвратно-поступательного движения без «закусывания» имеет слегка изогнутую форму в виде очень плавной дуги. Изготовлен он то ли штамповкой, то ли литьем — и хочется добавить слово «точным» по понятным причинам, — и его внешние размеры, к сожалению, требуют частенько ручного вмешательства. Вообще-то эту работу должны выполнять наладчики на заводе-изготовителе, как я понимаю, но в реальных условиях ее, увы, приходится делать самому. В случае с «курильским» ТОЗ-87 мне представляются два варианта объяснения неполадки. Первый — на заводе «забыли» как положено закрутить хвостовик, и в результате недоработанный толкатель — на нем нет никаких следов дополнительной обработки — получил возможность как-никак перемещаться в болтающейся трубке. Стоило затянуть хвостовик «на полную», и толкатель стало клинить намертво. При стрельбе с люфтящим хвостовиком толкатель, очевидно, работал с достаточно непредсказуемым результатом, если говорить словами В. С. Высоцкого — «Он то плакал, то смеялся... ну сумасшедший, что возьмешь...» Второй вариант — наладчик, не желая доводить до ума форму толкателя, специально ослабил крепление хвостовика. Но это уж слишком «от лукавого»...

Как бы там ни было, после собственной доводки поехал я пробовать ружье и очень сильно возрадовался, видя, как тульское изделие «кушает» все предложенные ему патроны — и фабричного изготовления, и самодельные в не новых калиброванных гильзах, ест их поедом, квинтет за квинтетом, «и еще просит». А что я сделал? Всего-то посидел с полчаса в раздумьях да минут десять с мелким напильником повозился.

И вот какие мысли в связи с этим приходят в голову. ТОЗ-87 на настоящий момент — самая дешевая газоотводка в мире, стоит она порядка шести тысяч рублей. Сколько стоит качественная отладка механизма? Не знаю, но не дороже того, что можно приплюсовать к нынешней цене ружья, если оно будет работать безотказно. Обычный российский охотник с легкой душой выложит за легкое, прикладистое, с отличным боем ТОЗ-87-01, -03 не шесть тысяч рублей, а восемь или десять — при условии, что работать оно будет безотказно. А за неработающее вообще ничего не даст. Иногда приходится слышать слова вроде: «А что вы хотели за шесть тысяч?» По-моему, это очень глупый аргумент. Дешевое ружье должно отличаться от дорогого чем угодно, но только не тем, что плохо функционирует. И еще.

Тульский завод, я читал, собирается наладить производство ТОЗ-87 с регулируемым газовым двигателем. Это без сомнения очень хорошо. Но одновременно еще лучше наладить бы вы-

пуск нормально работающих ТОЗ-87 с обычным газовым узлом — эта задача поважнее будет.

Я сам несмотря ни на что остаюсь приверженцем прекрасно сконструированных, хотя и халтурно изготовленных тульских ружей. Но это — я, у которого напильник в руке бывает не реже, чем зубная щетка — не по работе, а по желанию, так сказать. Но много ли таких, как я, среди «простых охотников»? Наверняка гораздо меньше, чем желающих приобрести нормально работающий полуавтомат в рядовом исполнении. И именно на них должны делать ставку производители тульских многозарядок. В случае с ТОЗ-87 мне не видно ни одного аргумента в противовес этому пожеланию или каких-либо оправдательных заявлений, которые можно было бы считать серьезными.

В заключение статьи — но не в заключение темы! — хочу сказать владельцам ТОЗ-87 об одном слабом месте в ударно-спусковом механизме ружья, которое может в один прекрасный момент преподнести неприятный сюрприз. Сразу скажу, что эта поломка или неисправность — как хотите — на скорую руку может быть устранена даже в полевых условиях, для этого надо только иметь под рукой простейший инструмент — кернер или молоток либо что-нибудь могущее их худо-бедно заменить. Курок в ружье взаимодействует с боевой пружиной посредством двух тяг — левой и правой и соединен с ними осью, проходящей сквозь курок. Тяги закреплены на оси развальцовкой концов оси. Так как курок движется в прорези УСМ, стенки которой исключают выход развальцованных концов оси за плоскости тяг, то развальцовка выполнена только на величину фасок на отверстиях тяг, т. е. довольно миниатюрно. В результате интенсивной эксплуатации возможно «срезание» развальцовки краями тяг силой трения. В ТОЗ-87-01, с которым охотится мой сын, именно так и произошло: одна из тяг срезала развальцованный край оси, и он просто свалился в виде миниатюрной шайбочки, попав между тягой и стенкой прорези в корпусе УСМ и начав препятствовать нормальному ходу курка. «На скорую руку» эту проблему можно устранить, сняв УСМ и, конечно, удалив отвалившийся развальцованный кончик оси. Затем надо, выбрав прижатием к какому-то металлическому основанию зазор в соединении, кернером очень аккуратно развальцевать конец оси так, чтобы металл «затек» в фаску на отверстиях в оси. При этом важно не перестараться и не заклепать тяги так, что они будут поворачиваться на оси с большим трудом. Ну а квалифицированно выполнить ремонт можно, лишь выточив на токарном станке новую ось соответствующих размеров с припуском на развальцовку.

ОАО «Вологодский оптико-механический завод»

продолжает рассылку наложенным платежом:

- оптических дневных прицелов

Прицел П4х32, П4х32L (с подсветкой сетки)

Прицел П8х56, П8х56L (с подсветкой сетки)

Прицел П8х56L с фокусируемым объективом

Прицел П8х48

Прицел ПЗ.5х20

Прицел PV2-10х52 (с переменным увеличением)

- прицелов ночного видения

PNS 2,4х30

PNS 4,6х52

PNS 2,5х50

- кронштейнов для крепления прицелов на карабины и ружья с вертикальным расположением стволов

(в заявке желательно указать марку оружия)

- фотообъективов

- а также, оптической продукции (бинокли, прицелы, зрительные

трубы, лазерные дальномеры, фотообъективы, кронштейны и пр.) российских и зарубежных производителей

Дополнительная информация по тел. (8172) 25-98-15 или на сайте www.vomz.ru

*Заявки можно направлять по адресу: 160001 г. Вологда, ул. Мальцева, 54, коммерческий отдел; по факсу (8172) 72-61-45
электронной почтой: commerce@vologda.ru, vomz@vologda.ru или оформить на сайте www.vomz.ru*

Пожалуйста, укажите в заявке Ваш контактный телефон

ОАО «Вологодский оптико-механический завод»

Ночной прицел PNS 2,5х50 с электронно-оптическим преобразователем 1-го поколения

предназначен для наведения охотничьего оружия на цель в ночных условиях при естественном освещении местности и в полной темноте с использованием подсветки

- увеличение 2,5 крат
- мощная ИК (диподная) подсветка
- диоптрийная наводка прицела
- питание подсветки от 2 элементов АА, возможность их замены на литиевые аккумуляторы в условиях низких температур
- эксплуатация прицела при температурах от -20 до + 40°C
- размеры 210х90х90 мм, - вес 850 г
- дальность опознавания цели 100-300 м
- регулировка яркости марки
- фокусировка объектива

В комплекте: чехол для транспортировки прицела на оружии, наглазник, крышка со светофильтром

**160001 г. Вологда, ул. Мальцева,
54, тел. (8172) 25-98-15, 23-66-10
факс (8172) 72-61-45**

**E-mail: commerce@vologda.ru
vomz@vologda.ru Web: www.vomz.ru**

Мир тесен

Сергей КУЧЕРЕНКО

Мне тогда едва исполнилось четырнадцать лет. Где-то далеко-далеко от моего родного Приамурья гремела война, батю и старших братьев призвали в армию; в сорок третьем не стало отца, и оказался я старшим в большой сельской семье из вымотавшейся в сухой корень матери и шести сестреночек мал мала меньше, причем первая лишь карабкалась по первогодью.

Последней, но еще яркой силой сибирийский ветер беспощадно выдувал избыное тепло из ветхих дощатых бараков, ударными темпами сгроханных стахановцами в ожидании первостроителей; все мало-мальски съестное из закромов было давно и старательно выметено, и мы люто голодали, балансируя у обрыва в ничто. А удерживала нас под солнцем вовсе не осьмушечка карточного хлебушка, а зерно из материнских валенок. И как простенько спасал Боженька нас от свидания с собою! Мать у пекарни разгружала вагоны от мешков с пшеницей, и за долгий рабочий день зернышко за зернышком собирались в ее латаных-перелатаных валенках.

И уже черным вечерним долгожданным часом аккуратно расстилали мы посреди избы чисто вытряхнутое рядно, усаживали в дым обессленную мать на табуретку в центре этого рядна и торжественно стаскивали с нее валенки. И с замиранием душонок и сердчишек собирали те спасительные зернышки. Потом их старательно мыли, подсушивали и подводили итоги трудового дня. Литровая банка сборов нас вполне устраивала, половина трехлитровой явно радовала, полная же повергала в редкостное повальное ликование.

О, как долго дошагивал ту свирепую зиму февраль! Но замечали мы вдруг в раздвинувшемся небе пластавшихся на широких кругах коршунов, радовались дракам сорок как добрым знаменьям и оголению трав у древесных комлей... И уже мечтали ходить за черемшой и крапивой... «Не-т, — убеждали мы друг друга, — так просто костлявой нас не взять! Мы еще повоюем!»

Но изнеможенно слегла мать. И потухли голубые светлячки сестреночьих глазенок на их опущенных передо мною головах.

В той погибающей избе я был главным промысловиком и владельцем всяких орудий добычи. Полно имелось рыбацких снастей, а вот охотничье снаряжение представлялось лишь ста-

ренькой ижевкой двадцатого калибра да кое-какими причиндалами к ней. Дробь-самокрутка с грохотом округлялась в банке, приспособленной на пропеллере, порох и капсюля мне в избытке выдавал по-отечески добрый ко мне заготовитель сельпо, материалов для пыжей имелось в избытке.

И наводстрился я уже на осеннем перелете сшибать кое-какую утицу и жирным гусем однажды до слез довел матушку, и тетерева то и дело иногда оказывались в старом солдатском рюкзаке...

Осенью мы вполне сыто жили с огородами, и потому после удачных охот я задами огородов приходил к вдовой соседке, бедствующей с племянницей, и щедро делился с ней добычей. В ту девочку умопомрачительной красоты я был влюблен безоглядно и безнадежно и все же надежду не терял. Много ли мне было нужно? Ласковый взгляд, прикосновение ладонью к голове, обсуждение очередного урока... А она все понимала. И когда я однажды зажал ее слабые ручки в своих грубых и крепких, она спокойно посмотрела мне в глаза и сказала: «Вот что скажу я тебе, мой добрый дружок... Выживем — тогда и станем разбираться в своих делах сердечных, теперь же давай выживать. Такою нищетою настоящая любовь унижается... Понимаешь, любовь — слишком прекрасное чувство для этого убожества».

И все же последнее слово я оставил за собой: «Из этого убожества тебя вырву. Я родился для тебя, Лерочка, как и ты для меня. Смысла жизни врозь не вижу... Хочешь сходить завтра со мной за зайцами? Такие они потешные...»

И был у меня еще пес. Белый, лохматый, умный. Средних размеров. Мулей все село прозвало его дружок, и я не стал противиться общественно-национальному желанию села с преимущественно еврейским населением. Он был аристократом местного значения: по помойкам не лазил, хищениями не занимался, свары не затевал, просто так не брехал — только по делу. И потому даже в местной собачьей общине пользовался мой друг непререкаемым авторитетом, хотя ни статью не выделялся, ни мускулатурой, ни нахрапистостью уж очень желающего повелевать.

Чем жила эта удивительная собака — никто толком не знал. Кроме меня, разумеется. Но шерсть на ней всегда была чистой, этак элегантно прикры-

вавшей округлые бока, и хвост был вроде бы кем-то расчесан, и крап на ногах содержался в полном порядке неким Мулиным «двойником».

А ларчик открывался просто: с наступлением сумерек Муля деловито удалялся к соломенным скирдам и до утра там мышковал, гоня прочь лисиц, у которых не только освоил ремесло, но и многожды превзошел их в этом.

Один был у моего Мули недостаток: бегал он плохо и лениво и даже по взятому горячему следу зверя шел, настолько старательно разбираясь в запахах, что мне только и оставалось усматривать факт наличия зверя и фиксировать сторону его неспешного удаления. Даже с остановками. Однако справедливость заставляла отметить маленькое достоинство и в этом деле: разбирался в следах он терпеливо, но обязательно с особенным деловым лосом, явно рассчитанным на внимание хозяина.

За косулями ходить с ним было пустой тратой времени: пока он успевал три-четыре раза заявить о своей аристократической персоне, дичь приветливо махала своим ослепительно-чистым зеркалом с самой дальней части окоема. Зато по части промысла енотов Муля был истинно профессионалом. Заранее с предельной осторожностью облюбовав себе енотьи кочкарники, я занимал место повыше и пообзористее и отработанным взмахом руки пускал пса в поиск. И он искал, чувствуя очень пахучую дичь, да не просто по запаху, но еще и по каким-то другим, только ему ведомым признакам. Бывало, взгромоздится на кочку размером побольше и этак неспешно, деловито оглядывает назначенную ему неудобь, старательно перебирая полоски и нитки пахучих сплетений запахов со всех сторон. И вдруг решительно замахаает по какому-то строгому азимуту к чему-то еще не виденному. И вот уже вполне азартно докладывает о находке, велит готовиться к завершающим действиям. И я не теряю дорогих минут, потому что, пока пес мял горло одного «земляка», другой пускался во все тяжкие. Но где же этому жирному тонконогому бедолаге было уйти от заряда крупной картечи... А ведь и еще один выстрел гремел. ...И пятый имел место быть, хотя и единственный раз.

Успех охоты разжигал азарт. Сам по себе енот — славная добыча: чудесная, удивительно теплая шкурка, которую сельпо отоваривало особенно сговорчиво. Тушка всегда была густо залита

толстым слоем жира, причем лечебного. И на вкус было это мясо вполне приличным. Особенно в плове на пшенице.

Я старался добыть этих лохмачей для того, чтобы завернуть к дому Леры. Девчонка кривила губки, но тетка презенту всегда была безумно рада, потому что тоже знала в нем толк. По сему поводу она даже шептала девочке: «Да будь ты с парнем поласковой, ведь пожират глазами твою становую тростиночку».

Великим для себя счастьем считал я одарить этих нищих людей, но главная радость состояла в том, что шкурку со зверя снимал я, в помощницы же мне назначалась Лера. И так я строил свою работу, что ее руки почти все время были в моих, и это опьяняло меня до потери рассудка. А к завершению ра-

боты, вытерев руки мешковиной, я говорил тете Насте: «Верно ведь, старательный и добрый я мужик, так почему же Лера чурается меня? Ведь все куры знают, что люблю ее и мечтаю о помолвке». Тетка Настя с напуском строго стучала ладонью по столу и обещала: «Я вразумлю ее! Не то силой заставляю быть ласковой... Пока... Верь моему слову!»

Лера провожала меня до калитки, называла свою тетушку шутницей, а на мою просьбу постоять у этой калитки грустно улыбалась и говорила почти шепотом: «Я и сама хотела бы полюбить тебя, но не пришло этому время. А в дружбу мою верь».

Муля обожал охоту на енотов, потому что ему обязательно доставались солидные шматы парной свежатины. А набузовавшись сегодня, он блаженно уходил почивать до следующего дня, потому что знал: завтра будет поход в сельпо и ему там тоже достанется немало.

Вообще мы радовались успешной охоте на енотов. Носились вперегонки, дружно лаiali, а после узаконенной свежатины Муля безропотно позволял накидывать на свою широкую спину лямки и тянуть до дома славную добычу. Мало того — он не упускал случая шамкнуть меня языком в руку или лицо. Вот только не нравилось мне, что глядел он на Леру не менее преданно, чем я.

И чего только не укладывал в мой объемистый, со множеством карманов и кармашков, выдавший виды рюкзак по честности, видно, бывший последним из могикан заготовитель сельпо. Муку, крупу, растительное масло, сахар, селедку. А для Мули у него в сугробе снега была всегда изготовлена к подношению часть погибшего под колесом трактора бычка. Слегка подвя-

ленного. И так щедро одаренная животина пожирала глазами заготовителя столь же страстно, что и мою единственную Леру... За это он мне тоже не нравился.

Сыто набузовавшись, Муля шел домой, «чистая мои шпоры». И так вот однажды он совершенно равнодушно упустил вылезшего прогуляться старого барсука. И пришлось мне принять строгие меры: долю бычка заготовитель убрал в кармашек рюкзака, а я беспощадно погнал его в поиск живности впереди себя. Он же, тоже будучи с характером, на развилке троп у села упорно тянул поводок к хате с Леркой... Но в этом мы с ним быстро договорились. А тете Насте я бросил рюкзак с продуктами, этак небрежно приговаривая: «Разделил по числу ваших и моих едоков по-христиански, а мне надо с Лерой потолковать об уроках»... Слушая объяснение, я молчал, молчал до тех пор, пока не получил подзатыльник. Я принялся выслушивать пройденное и заданное, ровнешеньки ничего не понимая и не запоминая. И был еще один подзатыльник, а тете яростно пояснилось: «В огороде бузина, а в Киеве дядька — только это он и понимает». И стал после этого возле Леры мой голос исчезать напрочь. Не всегда, правда, но все же...

Но енотов вокруг моего села водилось гораздо меньше охотчих до них охотников, и пришлось мне в декабрьско-январскую стужу морозить сопли на колонных путиках. И вдруг оказалось, что вдоль тех путиков много заячьих набродов, только по причине малоснежья тропы сотворял лопухие ну никак не желали, а без тропы поди подберись к зайцу, и в дрёме все видящему и слышащему.

Пробовал я освоить лисий промысел, да куда там... С таким бестолковым псом. А так мечталось набросить на Лерочкины плечики огнем пылающий воротник, приговаривая: «Это только первый, потом пойдут гуще. А в сельпе мой портрет вывесят непременно. Впрочем, сфотографируемся мы вдвоем. Медвежьей шкурой пол застелем...»

Да, не давались мне в руки лисицы, однако я повысил свою квалификацию с другого боку. И опять благодаря Муле. Заметил я, что с ним беляки не считаются, улепетывают кое-как и не стараются ушмыгнуть от него побыстрее. Даже в развилки деревьев принялись вспрыгивать. И даже на поленицах дров пережидать. И ведь до той меры обнаглели, что ярый собачий голос с тех полениц принялись выслушивать, аки арии с театральных галерок.

И стал я тех наглецов караулить — и на их крутобоких кругах, и в местах сметок, в развилках деревьев, на поленицах. Сначала славно мы промышляли этаким вот образом, да быстро перестреляли самых нахальных, остальные же разбежались чуть ли не по всему моему славному Приамурью... И снова заголодали и сестры мои единоробные, и тетя Настя с Лерочкой.

... Припекало солнце, лежал я со своим другом на ворохе нагребенной в прошлом году сенокосными листьями под навесью столетнего корча и мучительно соображал, куда направить стопы свои и какой патрон заложить в ружье. А по легкомыслию смотрел в небо и любовался удивительной свадьбой воронов. Сам бы не увидел — не поверил бы другому, как виртуозны в небе эти асы и как дружно можно летать на сногшибательной высоте крыло в крыло.

И вдруг это таежное умиротворение распорол высокий громкий крик явно земного происхождения. Словно вдрызг оголодавший ребенок с насквозь промокшими подгузниками отчаянно затребовал материнского присутствия.

Муля мой мгновенно вскочил и навострил все органы чувств. За ним и я приподнялся на коленях и локтях, стараясь разгадать источник этих воплей, но уже со странными жалостливыми нюансами. Откуда-то изблизи.

Вскочили мы — и туда, лавируя между проталинами и заморозившими сугробами снега. Нам, конечно, было давно известно, как орет врагом терзаемый заяц, но здесь ведь никто никого не насиловал.

И вот в просветах между берез и осин заметили мы как бы живую поляну... И замерли. Тихонечко опустились в траву, залегли в ней. Но обмозговав обстановку, поползли по-пластунски к той поляне поближе. И увидели диво дивное.

Оживляли поляну три зайца-беляка, в весенней линной шерсти шелудивые, сквозь белые лохмы пробивалось блестяще-охристое. А приглядевшись, мы быстро сообразили: тут конфликтовал типичный адюльтер. Два раздираемых страстью самца дрались из-за одной подружки. И я забыл о ружье своем и приказал Муле не показывать каких-либо признаков жизни. И увидел и по сию пору неугасимое в памяти.

Непримиримые соперники стояли друг подле друга на задних ногах и приплясывали не то в злобе, не то в стремлении пригласить Ей. Этак браво и картинно пританцовывали, стригли ушами, по-боксерски держали перед грудью передние лапы. И то вперед подавались они телом, то выпячивали живот.

И тут потасовка! Разодрались, как поссорившиеся пацаны. Частыми ударами передних лап мутузят друг друга и орут тем самым резким заячьим голосом. А силы равные, желания — тоже, и никто не уступает.

Но и это не все! Теми мгновениями словно из-под земли к драчунам присоединился еще один страждущий заячьей любви, такой же шелудивый и столь же возбужденный. И вот их уже трое на одну, свирепо озирают друг друга, огненно посверкивая симпатичными косинками глаз, часто подергивая будто и в самом деле рассеченными губами.

«Не драться же троим, а счастье может получить лишь один. Кто же?» —

примерно так рассуждали женихи и порешили устроить невесте настоящее турнирное представление: пусть, мол, сама выбирает.

И тут началось!.. Забегала моя троюлька «мужиков» вокруг поляны, да во всю прыть, наперегонки. Уши вдоль спины, мощные задние ноги бросают тело стальными пружинами, в прыжке оно — в струну, на приземлении — в комок. А она с середины поляны наблюдает за состязанием внимательнейшим взглядом... В неподдельный восторг привела меня эта сцена.

И бежали сринтеры на пределе сил не менее пяти минут, километра по четыре на счетчики накрутили наверняка. Однако их резвость стала мало-помалу убывать. Опустил голову, чтоб глаза протереть, а когда поднял, увидел другое действие заячьего спектакля. Самцы словно с ума посходили от бурных страстей и сверхэнергии: прыгали вверх, кувыркались в воздухе, двойные и тройные сальто крутили, вытворяли и другие резкие выражи, приплясывали возле зайчихи на задних ногах, выпятив сытенное пузцо. А она все так же важно и деловито наблюдала, будто мучительно терзалась проблемой: не совершить бы ошибки при выборе отца детей своих. Но ведь и глазом не повела, когда один из женихов умудрился заложить голову аж меж задних ног и, свернувшись в шар, покатиться, вереща на всю округу.

Но и это не все. Отдышавшись, они потянулись к зайчихе горячо подрагивающими носами, словно вымаливая приз победителя, а с ним и поцелуй. А она обнюхала каждого и всем своим видом ответила: «Не-а, пока не вижу достойного».

И тут-то ударились они в бег. С места в карьер. Она неслась впереди со братьев этойкой птицей, порядком же измотавшиеся кавалеры на последних крохах сил тянулись за нею, больше соревнуясь друг с другом. Без недавней страсти и ярости, без желания подражаться, а просто абы не выпаст из спектакля — единственного в году.

И тут я догадался: зайчихе не столько самый сильный нужен в супруги, сколько наирезвейший и выносливейший, потому что заячье племя выживает быстротой и нестомчивостью бега, ибо любителей зайчатины не счесть. И в заключительном туре состязаний она безошибочно узнает достойнейшего — бега-то она повела, со свежими силами. Из трех претендентов кто-то вырвется-таки вперед, а двое непременно отсеются. Но суждено ли завершиться этой единственной в своем роде свадьбе на моих глазах, которые я упорно протираю раз за разом?

Да, так оно и закончилось. Пара счастливых показалась минут через десять, тщательно обнюхали друг друга, будто только что встретились. И как достойного победителя, Она осчастливила его тут же. А потом оба как сквозь землю провалились. Правда, доносились с того места этакое нежное попискивание и довольное верещание. И

даже Муля догадывался, кто попискивал, а кто верещал.

А те двое, кому крепко не повезло, приплелись тем временем и переводили дух неподалеку от нас. Сначала я со своих человеческих позиций подумал было, что эти два несчастливца уже не претендуют на ее любовь и искренне пожалел их, успокаивая надеждами: «Не все, мол, потеряно, главное — впереди». Потом же мысли мои приняли иной ракурс: эти уже для продолжения заячьего рода-племени не нужны, тем более что давно заметил — на двух добытых беляков обычно приходится одна белячиха... А вот сестреночки мои наверняка голодны. От Леры же и ее тетки и тени могли исчезнуть. Извзял я грех на свою предельно худую, но буйно влюбленную душеньку и довершил страдания третьих лишних.

А через два дня мы пошли на заячий промысел уже с Лерочкой. Все повторилось примерно так же, только добирать неудачников моя подруженька не разрешила, пообещав со временем в благодарность за это великодушие постараться полюбить меня, многозначительно добавив: «Если выживем... Иначе какая же любовь в этой нищете...»

Но вот охотничий сезон закончился, на сельпо повесили пудовый замок. На зашелудивших колонков и глядеть было тошно, еноты широко разбредались по релкам и неоглядным мокрым лугам между ними, там поправляли чуть пошатнувшееся здоровье и деловито готовились к своим скромным свадьбам, точнее же сказать, вовсе не к брачным гульбищам готовились эти робкие тихони, а просто к зарождению очередного «многолюдного» выводка себе подобных совершенств.

И бросил я свои промысловые силы и снасти на вскрывающиеся речки, озера и заливы, загоревшись страстью иного рода: не менее азартной зимней, но куда более материальной и доходной. Рыбалкой я уже бредил.

Весна ликует, радуясь моей безответной любви, под горячим куполом неба сплетаются в несусветном концерте птичьих песнопений. Сквозь прошлогоднюю жухлую траву протискивают свои головки первоцветы преудивительной красоты, а адонисы уже горят целыми букетами. Лесные прогалы и чистые взлобки зеленеют нежнейшими всходами травиночек, березы и осины подергиваются бальзамической дымкой... Жить бы да жить в этой благодати долго-долго в обнимку со своей Леркой-тростиночкой, так ведь любовь в такой нищете невозможна, она ее унижает... И я твердил и твердил сказанное ею однажды: «Любовь — это слишком прекрасное чувство для этого убожества». О, как же я его ненавижу — то убожество. Одно утешало: все-таки однажды пообещала меня полюбить, ну — постараться. Но ведь и в те минуты добавила: «Какая же любовь в этой нищете?»

Моя рыбацья тропа резала напрямик большой лесистый остров, над которым куражилась всякая утва, а потому

я всегда имел при себе, кроме рыбацкого ножа, и ружье. И Мулю, разумеется. А в тот день я крепко припозднился, на перемет и закидушки тоже опоздал. А в довершение всех бед при спорной ходьбе напрочь оборвал подметку старых кирзовых сапог, оставшихся мне в наследство отцовской памятью.

Сижу, мыкаюсь, весь белый свет проклиная. И вдруг краем глаза замечаю очень даже странное: ближний ко мне косогор весь в зайцах, отчаянно линяющих. Мой же волкодав зарылся в травяной суши и дрыхнет, не испытывая каких-либо забот. Хотел было я пнуть его в сердцах покрепче да соленым словом обложить, но насторожило другое: со страшной жадностью кормящиеся первоцветами лопухие прекрасно нас видели, а — ноль на нас внимания. Ну никак опьянели на этих божественных яствах после долгого прозябания на только зайцами и поедаемой «снеди», которую разве что помирающий с голоду конь не побрезгует. А теперь, крепко захмелев на этих и в самом деле расчудеснейших напитках, косые суетились меж собой, спокойно сталкиваясь лбами, и деловито расходились, не переставая жевать и глотать, стараясь все ж в этом деле обогнать соседей. Была одна на всех благодать, и как долго ей быть — лишь заячий бог знал.

«Ах, Лерочку бы сюда — на это диво дивное полюбоваться», — подумал я. Однако любовь любовью, а жизнь сестер все же важнее. А с добычей и Лерка-тростинка никуда не уйдет. И я шархнул по ближним сдвоенным и обра-

довал себя воплем: «С полем!» Принял я от Мули добычу, уложил ее, лишенную пазанков, в рюкзак, счастливо оглянулся вокруг и... обомлел: зайцев словно никто и не стрелял и даже аппетит портить им на этом пиру не желал. И я еще раз пальнул, потом еще разок. А прекратил избиение гурманов лишь после того, как понял: большого на горбу не осило.

И так впору оказалась эта дичь Леркиной тетке, что опустила она передо мной на колени и обняла мои ноги, крупно сотрясаясь иссохшими плечами, а через несколько минут Лерочка у калитки долго молча теребила свой заношенный шарф, потом глубоко вдохнула и выдохнула: «Отчего-то ты стал снится мне по ночам... Своди меня на то место...»

А сколько радости было дома — об этом отдельный рассказ писать надо. Ночью я так и решил: утром возьмусь за перо и бумагу. Однако чуть свет туго перетянул себя патронташем, свистнул своего верного пса-«универсала», и мы бодро захрустели подмерзшей за ночь водой и грудками грязи. О рассказах я подумывал на ходу: успеется, какие мои годы... главное сейчас выжить, потом выбраться из нищеты... Леру завоевать.

Я и теперь иногда твержу ломким Лерочкиным голоском: «Какая же любовь может свить себе гнездо в этой сверхубогости, когда главным было уцелеть у обрыва в ничто».

Потом судьбы жестоко разметали нас по белу свету, и даже сестры не

знали, куда исчезла Лера, тихо похоронив тетю Настю. Поговаривали, увез ее какой-то бородатый старик из дальней родни. Все же мир и в самом деле не без добрых людей. Во всяком случае они в пору нашего детства и отрочества еще встречались.

Но сколько мудрости всего в двух словах: мир тесен. Вскоре после исчезновения Лерочки меня «забрили» в военкомат и увезли во Владивосток, где я стал курсантом Краснознаменного училища береговой обороны, и вся моя жизнь перевернулась с ног на голову.

Был я уже бравым курсантом выпускного курса, лычки на погонах золотились, был облачен «с иголочки» в отлично подогнанную форму. И уже с кое-какой высоты поглядывал на окружающий меня праздничный мир, потому что доучивался на одни пятерки и прочили мне блестящую карьеру морского генерала, а потом и ракетчика главного командования... Правда, в этом я сам себе больше прочил боевой славы.

Был первомайский парад на главной площади, после его завершения мы, сгрудившись к кассам, живо обсуждали только что ушедшие минуты блестящего марша «Прощание славянки». И вдруг я услышал как бы с небес: «Андрей! Пилипенко!.. Помогите же мне найти Андрея Петровича Пилипенко!» И я рванул на этот голос. И увидел прорывающуюся ко мне Лерочку. Невыразимо стройную, божественно красивую, просто и в то же время элегантно одетую, в разметанной прическе.

Мы вцепились друг в друга и ошалело целовались, угадывая губы, щеки, залитые слезами глаза. Что-то хотели говорить, однако перебивали друг друга. Но вот стало можно отрывочно разобрать: «Я искала тебя по всему свету...» — «Я верил, что эта встреча будет...» — «Я любила тебя и тогда, но любовь стала разгораться, когда я потеряла тебя...» — «Немедленно едем...»

А приведя себя в относительный порядок, Лера опять заплакала: «Что же мне теперь-то делать? Ведь сколько раз клялась себе и Богу: увижу тебя раз — и можно умирать. А так страстно жить, как теперь, никогда не хотелось... Но давай рассказывай о себе. Куда ты исчез, мой единственный и неповторимый?.. Какой же экзальтированной душой была я тогда — нищета с любовью несовместимы, ах, ах!.. Умные люди еще в звериных шкурах ходили, а уже порешили: с милым рай и в шалаше.» И она снова стала осыпая меня частыми поцелуями. И странное дело: никто не возмущился, хотя мы мешали толпам людей спешить в разные концы страны. Видимо, всех поражала неразрывность радости и страданий, что бывает лишь в любви.

И все же не думаю, что и тогда, глядя на неожиданно встретившихся, так долго искавших друг друга влюбленных, кому-нибудь захотелось вырубить зубилом на граните вечности святыне слова поэтессы: «Каждый на этой земле испытать должен любовную пытку».

Рисунки Б. Игнатьева

Воспоминания об охоте

К. СЕНОГНОВ

Будут у нас еще рябчики

Каждый охотник в глубине души уверен, что лучше своей собаки знает, где надо искать дичь. Хорошо, если упрямство хозяина в собственном заблуждении не затягивается на долгие годы, соизмеримые со сроками жизни четвероногого питомца. Тогда происходит счастливое для обоих событие: они начинают понимать друг друга. И все становится на должные места: собака охотится, а охотник ей помогает.

...Осень уже настоялась, как вино. Над тайгой плыл тихий, ясный, прозрачный октябрь. Я был в отпуске, жил в деревне и по утрам уходил охотиться на заброшенную лесную дорогу, лежащую вдоль невысокой гряды сопок. Бродил неторопливо, по колено в некрепком тумане, под скромное птичье пение. Глазел вокруг: на светлеющую синюю высь, на искрящееся золото заиндевелой листвы, на седые от инея языки мари в распадах. Тонкий ледок покорно хрумкал под сапогами. Прохладой, чуть пахнувшей прелью и снегом нельзя было надыхаться. Душа стремилась вверх — вместе с паром изо рта, который тек в небо по косым перекардинам солнечных лучей. За спиной привычно висели ружье да рюкзак. А недалеко рыжеватым огоньком

металось по лесу мое охотничье сердце — собака.

Конечно, мне казалось — мечется неправильно. Надо пройти справа — она слева. Надо слева — она справа. В общем, искала не там, где надо. Время от времени выныривала на дорогу впереди и секунды три смотрела на меня: успеет или нет? Успеть должен был я. Поднять и опустить правую руку — подожать к себе. Тогда лайка встряхивала головой — черт, успел — и приближалась, глядя в сторону и приоткрыв пасть. Будто улыбалась с ехидцей: «Щас начнется!» Я указывал собаке нужное мне направление и посылал в поиск: «Бойка, работай! Работай, моя хорошая...» Моя хорошая после секундной паузы: «Может, передумает?» — неохотно, кося глазом, подчинялась: «Делать там нечего, но раз ты настаиваешь...» Естественно, ни черта она не искала, а просто шла неподалеку параллельным курсом, в гордой обиде задрал нос и всем видом говоря: «По твоей прихоти лапы мну без толку!» Быстро возвращался на дорогу, вновь бросала короткий взгляд на меня... Все повторялось... Наконец наступал момент, когда я не успевал махнуть рукой: «Ко мне!» Тогда она отрывалась вперед метров на полста и трусила не оглядываясь — сама себе охотница. Такая не-

зависимость мне очень не нравилась, я злился, но рано или поздно Бойка вдруг резко сваливала с тропы, коротко челночила, а затем оживлялся флажок ее хвоста: «Хозяин! Где ты там? Давай сюда!» Я срывал с плеча ружье и торопливо скакал ближе... Раздавался залошнный грохот крыльев, и на каком-нибудь дереве вдруг возникал рябчик! Такая вот охота...

В тот день первый рябчик сел весьма удобно для себя, а значит неудобно для меня: хоть и близко, но за густыми ветками. Собака, зная, что я рядом, в нетерпении переступала на месте, но молча ждала выстрела. Он прозвучал...

Сквозь ветви не вижу: попал или нет. В раздавшемся эхе не слышу удара тушки о землю. Только легкое перышко медленно плывет вниз в недвижимом воздухе. «Бойка! Ищи!» Бойка и без меня уже ищет. И, конечно же, не там, где надо. «Бойка! Тут смотри! Ищи!» Указываю ей под дерево, на котором сидел рябчик. «Фы-фы-фы... Фу-у-у! Фы-фы-фы...» — работает собачий нос. «Шух-шух-шух-шух... Ших-ших... Шух-шух...» — легкие лапы по листве. Минута, другая — все без результата. Все не то и не так! «Тут ищи! Тут, бестолковая псина! Куда поперлась!? Назад! — с трудом возвращаю собаку, которая учесала уже на

приличное расстояние от места, где, уверен, лежит добыча. — Бойка! Ищи!» Раз, другой заставляю лайку пройти одним и тем же путем. Безуспешно. Я недоволен. Собака это чувствует. Все более вяло выполняет мои указания и наконец отказывается работать. Стоит, смотрит на меня, как на чужого, не слыша команд, а затем... уходит.

«Ах, ты ж тварь этакая! Паразитка! Вместо работы — гулять? Бросить хозяйина? Ну и черт с тобой! Гуляй, гуляй... Куда ж ты денешься — придешь еще! Получишь у меня!» Плюю вслед и решительно трещу кустами в другую сторону. В эту минуту готов шкуру спустить с предательницы. Злорадствую про себя: «Вот я сейчас пойду и без тебя рябчиков настрою, и пусть тебе будет завидно и обидно! На выстрел-то прибежишь!» Бормочу под нос ругательства. Мстительно представляю: я, с добытым рябчиком, гордо сижу на валежине и даже не смотрю на собаку, которая, опустив хвост и голову с прижатými ушами, приостанавливаясь на каждом шагу, в мольбе простить крадется ко мне и виноватым движением утыкается лбом в мое бедро. Я, конечно, прощу, но сначала крепко встряхну за подставленный загривок...

Преодолеваю уже порядочное расстояние, когда хруст крушимых мной веток покрывается очередью хлопков крыльев. Вот он! Рябчик летит через поляну, поблизости не сядет — не на что. Бью влет и удивленно замираю, забыв о втором стволе. Птица странно кружит на одном месте, летя как-то боком, правым крылом вперед, против часовой стрелки. Вероятно, скользнула дробинка по черепу. Но вот, после трех-четырех кругов, рябчик вдруг отвесно валится вниз. Комком. Повезло — я вижу его, искать не надо. Спокойно подхожу, снимаю и кладу на траву рюкзак, а на него — ружье. Несколько секунд удовлетворенно стою над неподвижной добычей, вынимая из кармана сигареты.

И в это время сзади слышу топоток — шуршание приближающейся собаки. Ага! Явилась, псина непослушная! Не оборачиваясь, чтобы выразить негоднице неудовольствие и заставить ждать, когда я соизволю обратить на нее внимание. Но Бойка почему-то не ждет. Уверенно выходит из-за моей спины, и вдруг вижу: она деловито кладет рядом с «моим» рябчиком «своего». Жующими движениями брезгливо осваивает рот от перьев, а затем садится, аккуратно, как кошка, подобрала лапы. Уши строго вверх, ясный взгляд устремлен на меня: «Ну вот, нашла!» И я начинаю подниматься на седьмое небо. «Ах, ты ж моя умница! Ласточка! Охотница ты моя! Боечка!» Опускаюсь на корточки, обнимаю свою помощницу... До седьмого неба не долетаю... Потому что, когда нахожусь где-то на шестом, вспархивает «мой», второй рябчик! Вспархивает, летит... и удаляется, скрывается за деревьями! Бойка бросается за ним... Да где там, разве догонишь!

...Я ждал, бессмысленно схватив на перевес ружье, и крыл себя за самоуверенность. Через четверть часа собака вернулась. Тяжело дышала, отвесив язык. Хвост опущен, уши в разные стороны. Жадно лакала мутную воду лужицы из-под льда, раздавленного своими же лапами. Вдруг, прекратив пить, как от стыда взглянула на меня снизу вверх, несмело, не подняв головы. Из карих влажных глаз ее сочилась досада и незаслуженная вина: «Ты уж прости, хозяйин!»

Я успокаивал Бойку, поглаживая: «Ничего, моя хорошая, будет у нас еще рябчики». Под ладонью неугомонно колотилось собачье сердце. Бойка виновато отворачивалась. А мне хотелось опуститься на четвереньки, наклонить голову и уткнуться лбом в ее влажную, теплую, пахнущую псиной шерсть.

Там, где кабанов больше, чем людей

Светлым осенним утром 1995 года я завтракал дома и размышлял, как бы плодотворнее истратить на охоту начавшийся отпуск. И тут мне здорово повезло: прозвенел телефон, и мой недавний знакомый, Володя, пригласил меня в соседний город: «Приезжай-ка вечерним поездом! Бате, как ветерану, лицензию на кабана выделили. Нас на машине забросят на место, а через три дня заберут. Успеешь собраться?»

Господи! Успею ли я собраться? На кабана! Вечерний поезд! Да хоть вечерашний трамвай!

И вот позади двести километров железной дороги, ночевка в квартире Володиных родителей, два утринных часа езды на машине, три часа чавканья сапог по марям — путь до зимовья, стоящего в кедровой тайге. Позади и два дня охоты, принесших радостное осознание: в природе еще существуют места, где кабанов больше, чем людей.

Ходили мы вокруг зимовья, не удаляясь, кажется, на расстояние более полукилометра. Руководил охотой Володя, у которого на счету был далеко не один зверь. По малому кругу шел семидесятидвухлетний Сергеич. По внешнему краю облавной цепи шагала я, обладатель наиболее молодых и, главное, длинных ног. Володя двигался в центре. Его сопровождал давний помощник Джек — потомок фокстерьера и еще кого-то. Похожий на болонку, этот спокойный пес по охотничьему опыту легко мог поспорить с Володей. Мог, но не спорил, а тихо трусил, как привязанный, в десяти метрах от хозяина и за все время охоты не то что не лаял — даже не шуршал листвой без дела.

Володя строго следил, чтобы я и Сергеич не удалялись за пределы слышимости манков на рябчика. Сам же, небольшого роста, легкий, упругий в ходьбе, двигался так, что мне нередко казалось: Володя потерялся. Не раздавался условный свист, я шагала на сиг-

нал и находил своего товарища. С привычной для его лица улыбкой он инструктировал: ружье на надплечье — как коромысло — не класть, двигаться от дерева к дереву — с остановками, разговаривать — еле слышным шепотом, внимательно слушать лес, ходить бесшумно. Сергеич, старый солдат и охотник, точно отвечал описанным требованиям. Я же, как ни старался, сделать этого не мог — из-за своей полуторагодовой лайки, которая играла в нашем предприятии особую, только ей известную роль.

Едва Бойка оказалась в тайге, отчаянные карие глаза ее стали выражать важную мысль. Выражение это было ярким, тогда как сама мысль — неотчетливой. Умственные способности молодой собаки безнадежно уступали резвости ее лап. Едва рано утром кто-то открывал дверь избышки, она мгновенно исчезала в межопочном пространстве. Мы уходили на охоту, и каждые полчаса быстро нарастающий, а затем стихающий галоп свидетельствовал о том, что псинка «нарезала» очередной круг. Изредка ее рыжевеватая шерсть мелькала в кустах, проламываемых стремительным телом. За телом, как флаг, развеивалась красная длинная полоска — собачий язык. Объяснить Бойке, что нам нужен один кабан, а не полсотни белок, я не смог. Периодически приходилось — не без труда — мягко оттаскивать ее, звонко голосящую, от кедров, из ветвей которых раздавалось цвиканье. Собачка без устали летала до вечера, на ночь одним глотком уничтожала полтора литра каши и брыкалась посередине зимовья до утра. Ее не смущало сильное впечатление, производимое не только на моих товарищей, но даже на Джека. Мое первоначальное изумление энергией лайки вытеснялось чувством тихого ужаса.

Зверей было много. Сам я видел лишь следы, но, по словам мужиков, нам удалось несколько раз оторвать от дела кабанов и один раз — медведя на расстоянии выстрела. Выстрелить же (именно выстрелить, а не пулнуть) пока не получалось. Я лелеял тусклую надежду, что повезет именно нам.

Полужинав, мы, сидя на крыльце избышки, подолгу пили горячий чай «вприкуску» с холодными таежными сумерками. Володя, вопреки отсутствию результата, не унывал, подбадривал нас: «Да вы только посмотрите, сколько здесь зверя! Должны добыть!» Сергеич больше молчал, как Джек, и было видно, что он счастлив уже тем, что охотится, да еще — с сыном! Джек наблюдал, как Бойка даже во сне продолжает бегать и лаять. А я не знал, что во мне преобладало: великое удивление и восхищение тайгой, облием живности или вязкое огорчение от своей неуместности в проходящей охоте, в большой мере — из-за собаки.

И вот наступил последний день. Едва рассвело, мы вышли. И уже через полчаса я опростоволосился так, что впопругу ломать приклад о собственную го-

лову. Володя «толкнул» на меня кабаничку, а я смотрел, что это такое прет по кустам — размером с крупную собаку, тяжелое, приземистое, черное... Смотрел и думал: «Эх, был бы это кабан! Как удобно стрелять! Расстояние шагов тридцать, виден хорошо, бежит небыстро!» Нераспознанный зверь, ясное дело, скрылся. А задумчивость моя вскоре переросла в страшную досаду, когда выяснилось заблуждение, почерпнутое из книжек. Все кабаны, которых я там видел на картинках, были коричневого цвета. «Так это на Западе, — сказал Володя, — а здесь-то они черные!!!» Глаза товарища не могли скрыть сдерживаемого хохота, а я клял себя словами, недостойными упоминания.

Еще часа через два ходьбы, когда ругательства почти закончились, неугомонная Бойка встряхнула мою па-

нарушалась даже писком комаров — их время вышло. Благодатная пора! Земля еще не отталкивала холодом, мягко пригревало солнце. Ветерок легкими касаниями едва шевелил волосы на наших потных лбах. Самое умное, что можно было сделать в такую минуту, — подремать минут двадцать. Быстрее всего эта мысль была реализована собаками. Сергеич собакам не уступил ни секунды. Володя «догнал» их быстро. А я курил, вздыхал над своей незадачливостью и смотрел вокруг.

Слева в двух метрах стоял кедр обхвата в полтора, к которому была прислонена моя так и не востребованная двустволка. Дальше, вдоль дороги, тянулись кусты. На корнях кедра, в тени кустов, заложив руки за голову, устроился Володя. Между ним и мной развалилась Бойка. Справа аккуратно свернулся Джек, а чуть дальше него

стройные ноги. «Что-то великоваты...» — мелькнула мысль. Еще чуть выше — крепкое тело и... Вот она: морда кабана.

Выражения его глаз я не помню. Немудрено: лицом к лицу лица не увидеть. Зато прочно впечатался в память вид зверя в целом, стоящего в анфас не далее трех шагов. В противоречие моим представлениям, выглядел кабан весьма легким, ладным. Черная с отливом шерсть поражала ровностью и чистотой. Кончики щетинок на солнце подрагивали желтоватыми искринками, создавая светящийся силуэт. Было впечатление, что зверь минут десять назад принял душ, высушился феном и тщательно расчесался. Еще мгновение, и мне бы почудился запах дезодоранта и осталось бы лишь произнести: «С легким паром, сэр!» Кабан смотрелся настоящим джентльменом: тщательно

мья на непечатные выражения. Она ловко угнала у меня из-под носа группу из трех-четырех кабанов. Это событие не осталось незамеченным. Комментариев со стороны мужиков не последовало, и тем явственней я чувствовал вину: порчу хорошую охоту хорошим людям. Поймал Бойку, нацепил ошейник и повел на поводке. Вел долго — аж метров десять. И десять минут потом выпутывал из кустов. Понаблюдав за моей возней, Володя мягко улыбнулся и сказал: «Да оставь ты собаку в покое! Ходи как ходил! Угомонись...» Собаку в покое я оставил, но сам успокоиться не мог. Брел по тайге и сгорал от стыда.

Где-то к полудню мы вышли из теневой стороны распадка, перебрали речушку и поднялись на середину южного склона сопки, до старой лесовозной дороги. Пересекли ее и развалились на наддорожной терраске. Было самое время всем передохнуть, перекусить, а мне вытерпеть подшучивание своих спутников. Впрочем, попив чайку, вскоре все замолчали, успокоенные октябрьским полднем. Голубая бездна неподвижно висела над палевой марью. По сопкам на зеленом фоне кедровых багрово отливов клены, светились бледно-желтым аралии. Тишина, опустившаяся на нашу компанию, не

лежал Сергеич. Я оказался в центре этой композиции «Трое охотников, не считая двух собак, под кедром на склоне сопки октябрьским полднем». Папироса догорала, и я уже собрался было разделить блаженство спутников, как обратил внимание на шорох за спиной.

«Какой наглый», — подумал я, считая, что это бурундук, потерявший страх, — его шебуршание раздавалось все ближе. Поворачиваться было неудобно — я полулежал, опираясь на локоть, — и лень — глаза мои уже начали смыкаться. Лишь поразительная неугомонность зверька заставила меня потихоньку изогнуться пропеллером и поискать его взглядом. Я ничего не увидел. Удивился, будучи уверен — он где-то здесь, не убежал, иначе было бы слышно удаляющееся шуршание. Тогда поднял взгляд чуть выше и увидел

и со вкусом одетым, спокойным, полным невыпячиваемого наружу достоинства. Не хватало лишь белой «бабочки»-галстука. Ее заменяли аккуратные симметричные клыки, замеченные мной в последний момент.

Вряд ли я произвел на пришельца похожее впечатление. Перед ним в нелевой позе тарасил глаза человек в непервой свежести одежде. От него несло табаком, потом. Рядом беспечно дрыхли собаки и еще двое двуногих. Человек какое-то время медленно раскрывал-открывал рот, а потом, вместо вежливого приветствия, вдруг вскочил...

...Подбросило меня невысоко — всего на метр-другой. И я уже схватил ружье, когда зверь понял: обнаруженная им компания — «не его круга». Большой палец толкнул кнопку предохранителя, указательный лег на спусковую

скобу, приклад ткнулся в плечо... Но кабан точно и заранее знал, куда ему бежать. Он резко повернулся, и не успели стволы найти его черный бок, как уже исчез за кедром. Раздался мощный хруст кустов над дорогой. Отчаянный дуэлет — не по зверю, по тому месту, где он только что был... Абсолютно бесполезный мой отчаянный вопль: «Кабан!»... И третий выстрел! Слава Богу! На дороге, спокойный, с ружьем в руках, стоял Володя и смотрел в ту сторону, где еще трещали ветки.

Через секунду я, перезарядив ружье, впал в истерику. Метался от Володи к кустам, от кустов к Сергеичу, порскал собак, прыгал, садился, вскакивал вновь, махал руками, закуривал и тут же гасил папиросы. С минуту я не мог сказать ни одного слова, кроме «кабан», зато повторял его ежесекундно. Наконец вернулся в сознание и сумел выразить то, что хотел:

— Володя! Давай Джека пустим! Пошли, надо проверить — может, подранили! Ты пулей стрелял? Если попал — не должен далеко уйти! Бойка, Джек! Вперед, вперед! Володя, ну что мы стоим?

Вместо того чтобы броситься в погоню за добычей, Володя спокойно и как-то рассеянно перезарядил ружье, посмотрел куда-то в сторону, улыбнулся и сказал:

— Да я промазал.

— Как можно было в этом уверенным? Ты же сам учил: раз стрелял — иди ищи, таков закон.

— Да точно — промазал! — И, вновь устраиваясь под кустами, добавил: — Я ж тебе говорил: тут зверя полно...

Мне была неясна легковесность отношения к собственному выстрелу опытного охотника, но разбираться в ее причинах я не стал. Тем более что увидел, как Сергеич с ружьем наизготовку тихо двинулся по дороге. Еще раз убедился в наличии пулевых патронов в стволах и пошел выше и вдоль дороги — туда, куда бросился кабан. На секунду обернулся: Джек без ведома хозяина и носом не шевелит. Бойки, конечно, нет — после такого переполоха она, пока не обожит сопку, не покажется. В общем, от собак помощи никакой.

Я миновал заросли, в которых крепкой тушей был пробит коридор. Не умея определять по чернотропу следы уходящего зверя, просто шел и приглядывался к коряжинам, кустам. И всего-то метров через семьдесят увидел: впереди, шагах в двадцати, покачиваются ветви орешника. Я еще не поверил в удачу, как она подтвердила саму себя: до меня донеслось похрюкивание. Вот он, мой шанс! Страх перед раненым зверем не мог удержать меня. Победило страстное желание добрать подранка. Ах, каким настоящим охотником я предстал бы перед самим собой, а главное перед товарищами! В голове почему-то вызрел и прочно держался вид кабаньего уха. Видимо, я рассчитывал стрелять только в него. Имея столь ясную цель, ничего другого не оставалось, как взять ружье наизготов-

ку и строевым шагом идти к славе. Я так и сделал... Шаг. Другой. Еще... И тут куст резко дернулся, раздался короткий визг, и что-то понеслось в мою сторону! «Вот она: атака раненого секача, — мелькнула мысль. — Ба! Да их двое!» Боже мой, как они быстро бежали! Казалось — со скоростью летящих чирков. Я даже испугаться не успел! Разглядеть в двух рассвирепевших раненых вепрях перепуганных насмерть подсвинков удалось поздно — когда, обдав меня ветром, они один за другим привычным антиохотничьим приемом уже ныряли за дерево, а дальше — по кустам. Я все же успел бахнуть, но разве можно пулей попасть в пару летящих уток!

Потом был рецидив истерики... И вновь — мягкая улыбка Володи и спокойный взгляд Сергеича... И оставшиеся полдня охоты...

К вечеру Володиным выстрелом кабан все-таки был добыт. Ведь в природе еще существуют места, где кабанов больше, чем людей. Добыт, разделан, подготовлен к переноске.

Последнее чаепитие на пороге избушки, половину бессонной ночи, все следующее утро, день я был замкнут на своих переживаниях. Свербела мысль, что ушедший из-под носа кабан, возможно, был ранен пулей из Володиного ружья. Даже внушительный вес рюкзака с мясом, который тянул плечи на обратном пути, не смог отвлечь меня от ощущения чего-то несделанного.

Благополучно добравшись до дома, приняв ванну, поужинав, мы сидели с Володей на кухне и в который раз заново пересказывали друг другу все пережитое за три дня. Я не выдержал и в двадцатый уже раз не без мольбы спросил: «Володя, объясни мне, ради Бога, почему после своего того, «третьего», выстрела ты сказал, что искать кабана не надо? Как ты мог быть уверен, что промазал?»

Несколько секунд мой товарищ смотрел на меня молча, как бы раздумывая: «Неужели сам не понял?» А потом коротко хохотнул, пригнулся к моему уху и, явно не желая быть услышанным еще кем-то, возбужденно прошептал: «Когда ты выстрелил и заорал: «Кабан!», я спросонья так испугался, что чуть в штаны не наложил! Он ведь чуть на голову мне не наступил! В кусты ломанул — на меня листья посыпались! Я вскочил — понять ничего не могу, схватил ружье и пальнул... в воздух! Разве ж я мог попасть?»

Сколько лет уже прошло... Уехал жить в другой город Володя. Ушел в Край Вечной Охоты Сергеич. Бойка стала хорошей рабочей собакой. А я, вспоминая те дни, не без грусти гадаю: попаду ли когда еще в места, где кабанов больше, чем людей?..

Рисунки Б. Игнатьева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Воробьев Всеволод. **Есть у меня. Стихи об охоте.** СПб.: Четверг, 2003. — 60 экз. 61 с.

Свежим ветром, свежей весенней каплей, шепотом сосновой хвои и пением вернувшихся с зимовок на родину птиц веет со страниц охотничьего сборника стихов петербургского поэта. Книга адресована охотникам-любителям, его друзьям, случайным компаньонам, всем романтикам дальних охотничьих дорог, не боящимся тяжелых рюкзаков и трудных километров.

Чернышев Вадим. **АБА (Рассказы о собаках).** М.: Моск. гор. орг-я Союза писателей России, 2003. — 195 с.

Любовь всегда хочет быть выказанной. Новая книга известного охотничьего писателя Вадима Чернышева (в нее вошло двадцать рассказов о собаках) — выражение признательности замечательному животному-другу, общение с которым украшает жизнь человека.

Охотничий альманах. Библиотечка «Охотничьего вестника». Приложение № 2. Чувашская Республика. Цивильск: ГУП «Цивильский издательский дом», 2004. — 500 экз. 128 с.

Издание является сборником литературных произведений, опубликованных в газете «Охотничий вестник». В книгу вошли рассказы и стихи 22 авторов. Это разные по возрасту и профессии люди, которых объединяет общая страсть к охоте и трепетное отношение к родной природе.

Баргузинский заповедник — первый государственный заповедник России — учрежден в 1916 г. Для его организации была создана знаменитая экспедиция под руководством Г. Г. Дюпеля-маира, которая 1 июля 1914 г. прибыла на северо-восточное побережье Байкала и высадилась в бухте Сосновка.

В память об этом знаменательном событии, к 90-летию Байкальской экспедиции, сотрудники Баргузинского заповедника осуществили замечательный проект (организаторы проекта Г. А. Янкус и А. Д. Иванов) публикации брошюр: «Байкальская экспедиция Г. Г. Дюпеля-маира и система заповедников России 1914—2004 гг.», «Заповедное под охраной», «Лаборатория в природе», «Путешествие в заповедную страну» и двух буклетов: «День Байкала» и «Соболь баргузинский» (авторы и составители Т. Л. Ананина, А. А. Ананин, И. В. Лесота, К. А. Прокопьева, А. Г. Назарова). Издано Гос. унитарным предприятием Москвы «Экономика». 2004 г.

Великий жизнелюб

Об одних охотничьих писателях написано много воспоминаний, о других — только единичные очерки, дающие лишь общее представление о жившем когда-то человеке. У могилы одних круглый год живые цветы, у других и могилы не сыщешь.

Будучи студентом, я время от времени подрабатывал, чтобы как-то поддерживать себя материально. Так, однажды я устроился экскурсоводом в одну из частных коммерческих туристических фирм. Таких экскурсионных организаций в начале девяностых годов в Москве, да и не только в столице, стало образовываться великое множество. Меня, как будущего историка, эта работа заинтересовала, и я с удовольствием стал глубоко изучать историю города Москвы и составлять планы своих будущих экскурсионных маршрутов.

Экскурсии доводилось проводить в различных достопримечательных местах города: в Царицыно, Коломенском, Замоскворечье и других. Случалось водить экскурсионные группы и по Ваганьковскому кладбищу. Не знаю, есть ли где-нибудь еще в мире экскурсии по таким местам, но у нас в России — пожалуйста.

Экскурсоводы, которые уже давно работали с группами на Ваганькове, неохотно делились с новенькими схемами своих «скоростных» маршрутов, предпочитая пользоваться ими лично. Поэтому мне подолгу приходилось бродить среди лабиринтов памятников и оград, отыскивая могилы умерших знаменитостей и определяясь с тем, как я поведу свою очередную группу туристов.

И вот однажды, оттачивая свой предстоящий экскурсионный маршрут и находясь недалеко от Писательской аллеи кладбища, я неожиданно наткнулся на едва заметный могильный холм, который сильно зарос травой и, видимо, совсем скоро вовсе сравняется с землей. Небольшая надгробная плита из белого мрамора была немного расколота, но надпись на ней читалась без всякого труда: «Зуев Дмитрий Павлович. Писатель, филолог. 1899—1967 гг.». Прочитав эти строки, я невольно остановился у старой могилы, воскрешая в памяти образ человека, покоящегося здесь.

Для истинного охотника, грибника или просто человека, любящего и ценящего дикую природу, литературу о ней, имя филолога Зуева говорит о многом.

Да, это тот самый Дмитрий Павлович Зуев, чьему перу принадлежат такие замечательные произведения о природе, как «Времена года» и «Дары русского леса». В эти книги автор вложил

Дмитрий Павлович Зуев (1899—1967)

всю свою тонкую душу, все знания, которые он приобрел за долгие годы общения с лесом, как с живым «человеченным» собеседником. Благодаря своему наблюдательскому таланту, Дмитрий Павлович открыл для нас, читателей, самые сокровенные лесные тайны.

«Из-под ног «стартуют» в воздух ночлежницы лиловых колокольчиков — бабочки. Порхают яркие мотыльки. Горит и пышет багровый прибор цветущих трав. В тени дрожит росинка, а на солнце она уже алмаз чистой воды. Распахнешь шелковую траву, а там, глядишь, сверкают, как драгоценные самцветы, пониклые яхонтовые капли зрелых ягод. Силен тонко-могучий земляничный дух».

Все, что описано живым словом Зуева, предстает перед нами, читающими эти строки, одухотворенным, даже несколько божественным, способным видеть и слышать. У него особый слог, в чем-то неповторимый, своеобразный, заставляющий ярко представлять то, что видел и переживал сам автор.

«Пасмурно, сыро, туманно, тихо. Рассвет от сумерек не отличишь. В ушах шорох — шелест лесной капели. Закинешь ветку, брызги обдадут, как душ. А в корзинку от толчка падают мокрые листья. Поглядеть со стороны — в золотых заплатках сапог грибника, это желтые листья прилипли к мокрой коже. Осиную листву дождь заквасил, и весь воздух пропах мочеными яблоками. Сверху и снизу мокнешь до нитки, а все-таки радуешься: гри-

бами сильнее пахнет корзина. До чего же бодрит сборщика бесподобное дыхание знакомых ароматов грибного леса в листопад. Не ушел бы, да вечерняя мгла разлучает с грибами».

С такой душевной теплотой автор пишет о сентябрьском утре! Да, именно о сентябрьском, потому что такое происходит только в этом осеннем месяце. Читаешь эти строки, и сам как будто тихо идешь по увядающему осеннему лесу и поглядываешь по сторонам в надежде найти долгожданный подошиновик или подберезовик. А вот и он! И ты неторопливо, бережно срезаешь этот ценный подарок леса под самый корень и кладешь в свое лукошко. А воздух пахнет осенней сыростью, прелой листвой, и в этом великолепии запахов тебе чудится аромат не то моченых яблок, не то сушеных грибов.

Дмитрий Павлович своими рассказами о грибах и охотниках за ними создал образ настоящего грибника — эдакого старца, знающего, где и как нужно искать желанный гриб и обязательно вооруженного не только плетеной корзиной, но и необходимой палочкой-подсказкой, которая помогает ворошить опавшую листву в поисках грибов.

Как точно подмечает Зуев душевный настрой грибника, идущего по лесу с полным лукошком разноцветных душистых грибов! А ведь верно: и дождь, и жара нипочем любителю тихой охоты, колы его лукошко до верха набито крепкими боровиками или стройными черноголовиками. С такими трофеями хочется еще и еще бродить по лесу, не замечая накопившейся усталости.

Можно с уверенностью сказать, что Дмитрий Павлович был в лесу абсолютно своим человеком. С какой особой теплотой и радостью он описывает каждую встречу с лесом! Лес в его книгах предстает великолепно красивым, и человек, придя в лес как в храм, должен наслаждаться им, видеть всю прелесть, окружающую его.

А как поэтичен язык произведений Зуева! Это не что иное, как стихотворения в прозе. Вот, к примеру, зувеские строки: «Раннее утро. Алет восток. По кудрям березы полыхнул первый луч. Солнце выше, день светлее, цветы ярче. Жарче зной и громче трескучая симфония весельчаков-кузнечиков. Неистовые музыканты-невидимки словно надвывают струны тысячи скрипок». Не правда ли, будто ложатся на слух стройные рифмы стиха или песни... А каким он был — Дмитрий Павлович Зуев?

Об этом оригинально-своеобразном человеке хорошо сказал Николай Павлович Смирнов в своем очерке «Большой оригинал». «Был неввысок, сухощав, по-охотничьи ловок и подвижен и

напоминал лицом, маленьким и острым, кобчика или козодоя. У него во все не видел правый глаз и не так-то уж зорко — левый: он то и дело набрасывал на него стеклышко-монокль».

Вот фотография Д. П. Зуева. На ней изображен человек, наделенный особой изысканной страстью и благородством.

«Жизнелюбие его было неистощимо. Смех, веселье, юмор — только одна из черт его многосторонней даровитой натуры. Основной и наиболее характерной его чертой надо считать глубокий и задушевный лиризм, пронизывающий как его жизнь, так и творчество» (Н. Смирнов).

Авторы, которые писали очерки о фенологе Дмитрия Зуеве, часто ссылались лишь на воспоминания Николая Смирнова, не упоминая других писателей, знавших Зуева и посвятивших ему множество литературных строк в своих произведениях.

Наиболее полно и хорошо характеризовал Дмитрия Зуева как человека и охотника Александр Перегудов — старейший русский писатель, охотник, живший в подмосковном Ликино-Дулеве. Он встретил с Зуевым не одну охотничью зорю и поэтому хорошо знал его.

Александр Владимирович Перегудов дружил с писателем Алексеем Сильчем Новиковым-Прибоем, у которого Зуев работал ученым секретарем.

Одну из совместных охот с этими страстными охотниками Перегудов описывает в рассказе «На родине деда Маза» в общем цикле воспоминаний об «Охоте с А. С. Новиковым-Прибоем».

Зуев — «... человек своеобразный, увлекающийся и такой разговорчивый, что мог говорить с утра до вечера почти не умолкая. Говорил он торопливо, восторженно улыбаясь, хлопая по плечу собеседника или крепко сжимая его руку выше локтя... Своей необычностью, энтузиазмом он невольно обращал на себя внимание, а в охотничьи компании всегда вносил оживление...»

Зуев почти всегда охотился в одиночку, уходя из дома с рюкзаком за спиной. Охотничьи трофеи его были невелики, но о каждой убитой им утке рассказывал, как она летела и как он ее «взял». Хвалил свой голланд-голланд...

Водки он почти не пил, только изредка, «чтобы не портить компании», выпивал рюмку, морщась, сокрушенно качал головой...

Перегудов пишет о том, что «отправляясь в охотничьи поездки, Зуев кроме рюкзака брал большой мешок, в который были запиханы меховая безрукавка, запасные портянки, две пары сапог, валенки, пять-шесть фуражек и шапок и еще какая-то рухлядь. Он считал, что все это на охотах обязательно пригодится». Ну а к своему «заповедному» рюкзаку Дмитрию Павлович и вовсе никого не подпускал. И лишь однажды Перегудов с Новиковым-Прибоем все же заглянули в зуевский рюкзак, на что хозяин «страшно рассердился и стал доказывать необходимость всего, что в рюкзак положено».

О последних днях жизни Дмитрия Павловича рассказывает все тот же Перегудов.

«У Дмитрия Павловича был аппендицит, и врачи советовали сделать опе-

рацию, Зуев на операцию не соглашался. С каждым днем ему становилось хуже, врачи категорически настаивали на операции, Дмитрий Павлович так же категорически отказывался и даже дал расписку в том, что добровольно отказывается от операции. Прошло несколько тяжелых дней, и смерть унесла своеобразного, в чем-то нелепого, но восторженного человека, так любившего природу».

Жизнь человека коротка. Она похожа на искру, которая вспыхивает в глубине костра, поднимается ввысь, а затем неожиданно гаснет, бесследно исчезает. Размышляю о судьбе Дмитрия Павловича Зуева, необыкновенного человека, незаурядной личности, и надеюсь, что то хорошее, что смог сделать он в жизни, надолго останется в памяти людей, знавших его или читавших его книги. И эта жизнь не исчезнет в вечности, как та искра из большого костра, а будет всегда напоминать о себе. Книги Зуева стали еще прижизненным памятником автору. И прав был сказавший, что памятника заслуживает тот, кто о нем и не мечтал.

И если Вам, дорогой читатель, удастся побывать в столице, то выделите время, доберитесь до Ваганьковского кладбища, что недалеко от станции метро «Улица 1905 года», отыщите на участке под номером 23 неприметную могилу Дмитрия Павловича Зуева и поклонитесь праху этого удивительного человека, охотника, искренне любившего русскую природу и ценившего ее красоту.

Олег ТРУШИН

Дорогие читатели, друзья!

Продолжается подписка на журнал **«Охота и охотничье хозяйство»** на 2005 год

Наши индексы: 70673 - на полгода, 72376 - на год

по каталогу Роспечати

Охотоведение: ежегодный научно-теоретический журнал / РАСХН, ГНУ ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова - Киров, 2000.

№ 2(52): Зарубежный опыт охотничьего хозяйства. - 2004. - 180 с.

Обзор современных проблем охотоведения, обсуждение результатов фундаментальных исследований, анализ зарубежного опыта и перспектив охотничьего хозяйства России в новых экономических условиях. Настоящий выпуск посвящен анализу зарубежного опыта ведения хозяйства.

Цена одного экземпляра 130 рублей, включая стоимость почтовых расходов. Заказы направлять:

610000, г. Киров (обл.), ул. Энгельса, 79, ВНИИОЗ, научная библиотека

Тел. (8332) 62-27-12, факс (8332) 62-27-12 E-mail: sable@fur.kirov.ru

Охотничье хозяйство Северной Америки и российские реалии: обоснованность сопоставлений

В. ДЁЖКИН, профессор. Фото автора

Что происходило у нас? С началом коллективизации была сделана ставка на укрупнение землепользований, на повсеместное укрупнение контура пашни. Страна «крестьянских меж» и богатых кормами гумен постепенно исчезала, уступая место индустриальным сельскохозяйственным равнинам. Искоренялись элементы исконного природного биоразнообразия. Процесс варварского сселения сельских жителей в «перспективные» населенные пункты лишил полевых зверей и птиц миллионов гектаров угодий, оставленных под неизбежное зарастание лесом. Все ли помнят, что наряду с освоением «большой целины», вызвавшим исчезновение огромных массивов коренных степей, велся поиск и освоение «малой целины»? Почти все советские организации на местах получили задание найти клочки земель, исключенных из сельскохозяйственного оборота, и распахать их. Раскорчевывались последние кустарниковые и травянистые урочища, дававшие приют живой жизни. Если американские почвоведы и агрономы считали работу на таких землях нерентабельной и рекомендовали фермерам прекратить их интенсивное использование, то мы всеми способами накачивали показатели «освоенных» земель. Газета «Известия» даже регулярно подводила итоги этой антиэкологической и бесхозяйственной кампании.

Большой урон полевым охотничьим угодьям нанесла мелиоративная страда, когда были бесцельно осушены тысячи суходольных водоемов, требующихся не только рыбе, куликам и уткам, но и обычным сельскохозяйственным животным.

Бесконтрольно применялись ядохимикаты и минеральные удобрения, плодородные черноземы убывали, превращаясь в асфальт, тяжелые «Кировцы», торжествовала всяческая «концентрация» и «интенсификация». Могла ли в таких условиях сохраниться богатая экологическая мозаика?

Говоря о США, вспомним также об огромных по масштабам и разнообразию противоэрозионных работах в полях, значительно увеличивших их комплексную продуктивность, о многолетней Программе сохранения водосбо-

ров, в результате которой восстановился гидрологический режим многих рек и ручьев и появились сотни тысяч небольших водоемов, о создании искусственных залежей, когда власти страны предложили фермерам за специальную плату сократить площадь обрабатываемых земель, и мы поймем, как были получены высокопроизводительные природные и полуприродные ландшафты на обширных сельских пространствах Северной Америки.

У лесных угодий США много других особенностей, влияющих на их охотхозяйственную продуктивность. После периода интенсивных неупорядоченных рубок, уничтоживших многие коренные леса страны, наступило время постепенной стабилизации и отказа от разрушительных действий. В некоторых местах намечился переход к разновозрастному, разнополотному и разнопородным рубкам, сохраняющим и создающим благоприятную экологическую среду. В национальных лесах, занимающих около третьей части лесных территорий, Федеральный закон 86-517 от 1960 г. предписал переход на комплексное, интегрированное (multiply use) использование лесных ресурсов. Лесной службе предлагалось эксплуатировать леса для «отдыха и спорта на свежем воздухе, в качестве пастбищ, источников деловой древесины, естественных убежищ для млекопитающих, птиц и рыбы». Многие звери и птицы, в частности дикая индейка, возвратились в лесные местообитания.

В России в 30–40-х годах прошлого столетия в лесах отмечались максимальные заготовки шкурок белки, бурндука, горностая, зайца-беляка, колонка, лисицы красной, соболя, хорь темного. Заяц-беляк в Якутии создавал колоссальные концентрации. Во многих лесных регионах имелось обилие боровой дичи.

Разрушительная лесохозяйственная практика отрицательно сказалась на емкости охотничьих угодий. Выборочная рубка спелых хвойных лесов привела к сокращению численности белки, куницы, глухаря, рябчика. Обширные лесомелиоративные мероприятия уничтожили большое число высокопродуктивных ивняковых болот и мочажин в лесах, ценных для копытных зверей, беляка и белой куропатки. Замена на больших площадях естественных сме-

шанных насаждений культурами хвойных пород усугубила экологическую ситуацию и породила конфликты «между лесом и лесом». Обязательное облесение полян и прогалин, бывшее частью лесохозяйственной практики, лишило многие лесные массивы экологической мозаики. Бедствие довершили частые повсеместные пожары. Приходится констатировать, что лесное хозяйство СССР (России) велось на узковедомственной основе и если иногда и учитывало интересы живой природы и охотничьего хозяйства, то чисто формально.

И все же лесная охотничья фауна пострадала меньше, чем полевая. Виды зверей и птиц, предпочитавших хвойные насаждения, частично заменялись видами, облюбовавшими пришедшие им на смену насаждения лиственные. Огромные площади лесов и труднодоступность многих отдаленных урочищ, увеличившаяся после ликвидации «неперспективных» населенных пунктов, создавали зверям и птицам своеобразные резерваты, свободные от массового браконьерства. Не случайно добыча соболя сохраняется в последние годы на высоком уровне.

О водно-болотных угодьях следует говорить особо. В США они длительное время интенсивно осушались и превращались в сельскохозяйственные угодья (как и в большинстве стран мира), но постепенно обнаружилось, что биологическая продуктивность многих типов заболоченных и переувлажненных территорий выше, чем продуктивность преобразованных угодий. Так, в штате Алабама природоохранная стоимость 1 га эстуариев, образуемая прежде всего обитающими в них дикими животными, составила в 70-х годах 500 долл. Экономическая продуктивность болотистых маршей на Атлантическом побережье оценена в 2500 долл./га в год, а доход от использования охотничьих животных и рыбы — в 1250 долл./га в год. Конечно, после получения таких оценок повсеместный «осушительный пыл» пошел на спад.

Следует иметь в виду еще одно очень важное обстоятельство. На севере США и юге Канады, в прериях, находятся основные станции размножения водоплавающей дичи. Для того чтобы предотвратить их осушение, федеральные органы и частные организации осуществляют регулярные программы по выкупу переувлажненных земель у частных владельцев и созданию здесь частных резерватов. Только за 1938–1966 годы в США выкуплено около 420 тыс. га таких земель, на что затрачено 24 млн долл. Впоследствии эта программа была продлена. В 1967 г. Служба дикой фауны Канады начала реализацию аналогичной программы, выделив для этой цели 50 млн долл.

Водоемы прерий охраняются от осушения, засыпки, вырубки растительности по берегам. Землевладельцы получают вознаграждение за разрешение использовать имеющиеся у них водо-

Окончание. Начало см. в № 8, 2004 г.

Капитальная подкормочная площадка для диких копытных животных в штате Джорджия (США)

емы для разведения водоплавающей дичи и других полезных животных.

Создано огромное количество искусственных водоемов. Только за 1936—1960 годы в США в рамках соответствующих программ сооружено 1 665 000 различных водохранилищ, 3 034 000 противозерозионных плотин, дамб, систем перепадов, 1 564 000 водных резервуаров для скота. Многие из них оборудованы приспособлениями для регулирования уровня воды в соответствии с потребностями дичи и рыбы. По берегам и в истоках запруд высеваются и высаживаются кормовые и защитные растения.

К сказанному надо добавить деятельность своеобразной общественной организации «Duks unlimited» («Утки без ограничений»), которая ежегодно проводит биотехнические мероприятия по улучшению гнездопригодных и защитных свойств для водных птиц на водоемах США и Канады на сумму 35—40 млн долл.

Состояние водно-болотных охотничьих угодий России хорошо известно. Обмеление водотоков приводит к зарастанию и постепенной гибели многих тысяч ценнейших пойменных озер-старич. Очистка и восстановление их не ведется. Мелиораторы вывели из строя огромное количество пойменных и суходольных водоемов, заставив, в частности, концентрировать сельскохозяйственных животных в теплый период года в поймах рек, в летних лагерях, загрязняющих реки и уничтожающих все живое в округе. Продолжается осушение некоторых болотистых переувлажненных территорий. Рыборазводные пруды, сооружаемые в верховьях некоторых небольших рек, подчас имеют слишком крупные размеры и способствуют избыточному испарению воды. Хорошие условия для массового размножения водоплавающей дичи имеются лишь в тундре и лесотундре,

однако птицы почти бесконтрольно отстреливаются на пролетах как внутри страны, так и за ее пределами.

Думается, приведенных сопоставлений достаточно для понимания возникновения глубоких различий между ресурсами и использованием охотничьих животных в США и России. Но имеются еще некоторые важные обстоятельства, на которые следует обратить внимание. Речь идет об очень большой и разнообразной охотоведческой работе, ведущейся в охотничьем хозяйстве Северной Америки. Это учетные и биотехнические мероприятия, регламентация добычи зверей и птиц, специальные видовые и комплексные исследовательские программы и многое другое, для подробного описания которого понадобилась бы не одна статья. Поэтому приведем лишь наиболее выразительные примеры.

Известны четыре основных пролетных пути, по которым на Североамериканском континенте мигрирующая водоплавающая дичь возвращается с зимовок в районы размножения. Пересекая границы США, она сразу же попадает в поле зрения авиационных наблюдателей, которые «ведут» стаи дичи по территории страны, охраняя и учитывая их. Фиксируются основные места размножения птиц и, по мере появления потомства, проводится выборочный учет выводков. Получив сведения о численности и видовом составе популяций водоплавающих, специальные охотоведческие структуры готовят для обсуждения и согласования предложения о видовых квотах отстрела по пролетным путям. На основании утвержденных квот определяются местные нормы отстрела дичи в количестве общих и видовых баллов (охотник сам контролирует, из каких видовых баллов он наберет сводный лимит). На выезд из охотничьих угодий располагаются временные наблюдательные пункты,

на которых охотоведы осматривают добычу охотников, уточняют ее видовую состав, половую и возрастную структуру. Охотники, не прошедшие эту процедуру, сами отрезают у добытых птиц крылья и по почте отсылают их для анализа в соответствующие контрольные инстанции. За возвращающимися на зимовки птицами ведется выборочное наблюдение. После обработки всего полевого и камерального материала американские охотоведы получают точную информацию о состоянии и использовании отдельных видов водоплавающих птиц континента и уточняют тактику их эксплуатации в предстоящем сезоне.

Другой пример касается так называемого «обогащения фауны». Американцы не всегда соблюдают строгие каноны в этом деликатном вопросе и надевали много ошибок, основательно, например, загрязнив фауну Техаса десятками чужеземных видов птиц и зверей. Но один опыт принес колоссальный успех. Речь идет об акклиматизации фазана, который отсутствовал в фауне Америки и был впервые завезен на континент в 1773 году. После нескольких неудачных попыток выпущенные птицы прижились и стали, с помощью человека, заселять новые места. Только за 1938—1967 годы в 27 штатах было выпущено 393,3 тыс. фазанов. Численность этих птиц в США и Канаде достигла многих миллионов, они стали одним из главных объектов любительской охоты. Максимальный годовой объем отстрела фазана в Соединенных Штатах составляет 10—12 млн особей. За 1941—1970 годы в 40 штатах США (везде, где велась охота на фазанов) отстреляно 415 млн этих птиц, в пяти провинциях Канады — 8 млн.

С этим грандиозным проектом сравнима лишь акклиматизация в Евразии североамериканского грызуна — ондатры, имеющая, однако, противоречивые экологические и хозяйственные последствия.

Наконец, еще одно важное обстоятельство, объясняющее, почему «у них» иногда бывает густо, а «у нас» пусто. Дело в том, что мы хронически эксплуатируем многие популяции дичи, особенно копытной, при отсутствии у них промысловой плотности населения. Наглядный пример этому — лось в Московской области. Это вызывает неполное освоение имеющейся биологической продуктивности угодий, недобор трофеев и замедленное воспроизводство популяций. В итоге численность животных продолжает оставаться на более низком уровне, чем позволяет качество угодий. Американцы и особенно канадцы вовлекают в охотничий оборот преимущественно «созревшие» популяции, ведя их оценку по своеобразным охотничьим выделам (так в Канаде).

Большая и сложная деятельность охотничьего (и рыболовного) хозяйства США была бы невозможной без сильного и квалифицированного управления отраслью, без серьезного

Контролируемый пал леса во Флориде (обновление кормовой базы животных)

финансирования, профессиональных кадров и постоянной доброжелательной помощи государства. Во главе отрасли находится мощная Служба рыбы и дичи Министерства внутренних дел США (последнее не занимается в этой стране полицейскими функциями). Она авторитетна, обладает необходимыми полномочиями, оснащена без ограничений специальной техникой, вооружением и транспортом (вплоть до воздушного), хорошо финансируется. По имеющимся у меня сведениям, лет 15—20 назад годовой бюджет этой службы составлял 1 млрд долл., получаемых из 100 источников. На долю бюджетного финансирования приходилось около четверти этой суммы, собираемой из платы за охотничьи и рыболовные лицензии (государство не оставляет ее себе). Авторы статьи приводили мнение работников Службы о том, что ее бюджет необходимо увеличить в 4—5 раз. Конечно, за истекшие годы их желание удовлетворено если не полностью, то в значительной степени, и Служба получает на свою деятельность несколько миллиардов долларов.

Финансирование Департамента по охране и развитию охотничьих ресурсов МСХ России на 2003 год составило 704,6 млн руб., в том числе из федерального бюджета 508,7 млн (Саурин, 2004). Один американский миллиард (используем имеющуюся минимальную цифру) и 23 российских миллиона долларов, причем на вдвое большую площадь страны... Не удивительно, что в России такой размах приобрело браконьерство, подорвавшее во многих регионах поголовье охотничьих зверей и птиц. Служба охотничьего надзора маломощна и почти беспомощна перед лицом вооруженных до зубов, механизированных нарушителей. Нередко ключом к охоте на лицензионные виды животных и в закрытых для простых смертных угодьях становятся доллары «новых русских».

Кстати, идея объединения охотничьих и рыболовных дел заслуживает всяческого внимания. В США нельзя встретить государственного «егеря-охотника» и «егеря-рыболова», занятых в одних и тех же угодьях разными делами. Там охраной рыбы и дичи и контролем за их использованием занимается инспектор Службы рыбы и дичи. А сделалось это возможным после того, как пресноводное любительское рыболовство отделили организационно от морского промыслового и создали специальную структуру по океаническому рыболовству...

В России последние десятилетия характеризуются разрушением самостоятельной профессиональной системы управления охотничьим хозяйством (а также лесным и рыбным хозяйством) и снижением статуса руководящих органов. Последняя «перестройка», когда охотничьи дела «растворили» в сельскохозяйственных и ветеринарных структурах (смотри Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2004 года), завершила эту печальную эпопею. У охотничьего хозяйства России теперь нет самостоятельного и компетентного органа управления. Сокращение и без того скудных штатов региональных охотничьих организаций совершенно обескровит систему.

Довершим наш сравнительный анализ возвращением в экономику охотничьего хозяйства США. В этой стране, как мы уже видели из таблицы 2*, в сфере охотничье-рыболовного хозяйства вращаются очень значительные суммы денег. Плата за охотничьи лицензии, разрешения, метки и др. составляет 693 млн долл. Значительная часть этих денег направляется на охрану, изучение и восстановление охотничьих ресурсов. Частные землевладельцы получают за охоту в их охотничьих угодьях 3 млрд 350 млн долл.

* См. № 9.

ежегодно. Частная аренда охотничьих угодий приносит еще 625 млн долл. (данные 2001 года). Напомним, что налоги на производителей товаров для охотников-любителей составляют 3 млрд 366 млн долл. Занятие охотой создает в стране 704 тыс. дополнительных рабочих мест. Все это далеко не безразлично для экономики страны.

Кроме того, целевая федеральная помощь предоставляется штатам и территориям через акцизные налоги на охотничье оборудование и боеприпасы на основании известного закона о федеральной помощи в восстановление дикой природы (Акт Питтмана-Робертсона от 1937 года). Он предусматривает взимание 11 % федерального акцизного налога на спортивное оружие, боеприпасы и оборудование по стрельбе из лука и 10 % налога на револьверы и пистолеты.

Фонды Питтмана-Робертсона обеспечивают финансовой поддержкой селекцию, восстановление и улучшение среды обитания диких животных, управление дикой природой, научные охотоведческие и ихтиологические исследования и распространение специальной информации об итогах реализации проектов. Средства из этих фондов распределяются ежегодно по отдельным штатам и территориям по формуле, основанной на общей площади земли и числе лицензированных охотников в штате. Каждый штат должен вкладывать и собственные средства в отношении 1:3, то есть на каждые 3 доллара федеральных фондов, полученных штатом, добавлялся 1 доллар штата. С 1937 по 1985 год Акт Питтмана-Робертсона обеспечил вложение более 2 млрд долл. для восстановления дикой природы в стране (примерно по 120 млн долл. ежегодно в 1980-х годах). В течение 2002 бюджетного года предполагалось получить и распределить приблизительно 132 млн долл. (Chardone a. o., 2002).

Средства, выделяемые в России, в том числе Росохотрыболовсоюзом, на биотехнические мероприятия, организацию и проведение охотоведческих исследований, на экспериментальные работы в охотничьем хозяйстве и другие аналогичные цели, несравненно меньше и не могут оказывать реально-го влияния на общую обстановку.

Заключение. Очевидно, что причины, вызвавшие упадок российского охотничьего хозяйства, многообразны и что от американских образцов его в настоящее время отделяет настоящая пропасть. Причем пропасть эта образовалась не только (и не столько) по природным причинам, а вследствие длительных и все увеличивающихся расходов в культуре биологического природопользования и в общей культуре населения. Мы не можем мечтать о *полном возрождении* охотничьего хозяйства страны, пока не будут восприняты и внедрены в жизнь идеи разумного природопользования, пока не будет наведен элементарный

экологический порядок в наших полях, лесах, на наших водоемах. Для этого потребуются многие десятилетия чрезвычайно сложной и многообразной работы.

Продвижение вперед в области биологического природопользования вообще, и охотничьего (охотничье-рыболовного) хозяйства в частности, невозможно без пересмотра отношения к этой сфере Правительства и Государственной Думы, без ясного понимания ими его огромного эколого-экономического и общественного потенциала. Негоже великой лесной и охотничье-рыболовной державе прошлого плестись в хвосте у новых цивилизаций, уступая им позиции везде и во всем. Вы хотите слезть с нефтяной «иглы»? Вот вам одно из перспективнейших направлений для маневра.

Экологическая общественность должна доказывать необходимость срочного восстановления (на новых началах) отраслевого управления лесным, сельским, охотничьим хозяйством, комплексным биологическим природопользованием в целом, добиваться многократного увеличения количества квалифицированных и высокооплачиваемых специалистов, охраняющих и регулирующих использование охотничьих ресурсов. Следует помнить, что скупой платит трижды.

Экономические показатели охотничьего хозяйства США заставляют нас нерешительно поехать и думать о грядущем тупике. Но и здесь возможно продвижение вперед. Прежде всего следует освободить на длительное время отрасль от всяких экономических поборов, все заработанное должно идти на собственное развитие. Значительные суммы может дать принятие акцизов на охотничье-рыболовное снаряжение по аналогии с американским законом Питтмана-Робертсона. Суть совершенно очевидна: зарабатываешь на оружии добычи (и попутных товарах) охотничьих животных и рыбы — отдавая часть прибыли на их охрану и воспроизводство. Доходы же от покупки населением охотничье-рыболовного снаряжения будут постепенно расти и способствовать прогрессу экономики России, следует лишь наладить их учет.

Все сказанное не означает, что бесперспективны иные, более частные усилия по совершенствованию охотничьего хозяйства страны. По-прежнему следует работать над региональными и видовыми проблемами, над отстаиванием прав охотников, восстановлением социальной справедливости, бороться с беззастенчивым браконьерством, растить квалифицированных специалистов-охотоведов, развивать охотоведческие исследования. Несмотря на существование недоступных пока для нас американских высот, наш прекрасный и многострадальный российский охотничий мир будет жить и отвоевывать собственные высоты.

Современные варианты

ИЖ-18

Это ружье с давних времен прошлого века завоевало себе популярность благодаря своей неприязательности и доступной цене. С его помощью охраняли огороды и приусадебные участки, а на охоте применяли только что испеченные охотники, по молодости лет.

Итак, какие сегодня предлагаются варианты изготовления этого популярного простенького ружья под индексом ИЖ-18 и различными буквенными добавками.

Одноствольное ружье ИЖ-18 М-М отличается прочностью, надежностью конструкции, работоспособностью и безопасностью при эксплуатации. Хорошая балансировка дает возможность быстро прицеливаться. Механизм запирания имеет удобно расположенный отпирающий рычаг и исключает самооткрывание. Гильза из патронника извлекается экстрактором.

Ударный механизм с внутренним курком, который взводится при нажатии отпирающего рычага. Поворачивающийся при этом рычаг своей верхней поверхностью приподнимает указатель взведения курка над плоскостью затворной коробки и, воздействуя на верхнее плечо головки толкателя, сжимает боевую пружину. Боевой взвод курка при этом скользит по верхней плоскости подпружиненного шептала, утапливает его и проходит несколько дальше. Шептало после этого приподнимается под действием пружины и зацепляется с боевым взводом курка, удерживая его во взведенном состоянии. Постановка курка на боевой взвод должна происходить раньше, чем произойдет полное расцепление отпирающего рычага с опорной поверхностью подствольного крюка. Это сделано для

исключения невзведения курка при закрытии ружья.

Неавтоматический предохранитель располагается за спусковым крючком и при включении его блокирует. Съемное цевье крепится к стволу рычажной защелкой, что позволяет быстро разобрать ружье для транспортировки и собрать его при начале охоты. Ружье выпускается в варианте с постоянным чоком или может иметь сменные дульные сужения.

Модификации этой базовой конструкции могут иметь рычажок включения и отключения механизма автоматического выбрасывания стреляных гильз, который располагается на нижней поверхности затворной коробки. Одна из модификаций базовой модели может быть представлена с наружным курком, взводимым вручную. Это повышает легкость отпирания, и ружье становится более безопасным в обращении.

Модель ИЖ-18М-М MAX имеет ствол с вентилируемой прицельной планкой на всю длину ствола и компенсирующими отдачу отверстиями, располагающимися близко от дульного среза. Затворная коробка имеет никелевое покрытие, а спусковой крючок покрыт нитридом титана. Ложа типа «монте-карло» с резиновым затыльником. Все модификации ружья весят не более 2,8 кг. Выпускаются ружья как под патроны магнум, так и под стандартные патроны разных калибров от 12 до 410. Длины стволов могут быть различными от 560 до 800 мм. Дульные сужения изготавливаются от цилиндра до полного чока.

Отечественная промышленность пошла дальше по пути модернизации этого образца, разработав усиленный узел запирания для получения возможности установки нарезных стволов и использования патронов отечественных и иностранных производителей с давлениями, значительно превышающими давления, развиваемые в дробовых патронах. Эта конструкция получила обозначение ИЖ-18 МН.

Новая конструкция ствольного узла с цевьем обеспечивает стабильность средней точки попадания на пристреливаемую дистанцию. Ствол изготавливается ротационной ковкой в холодном состоянии, на котором имеется база для установки оптического прицела, которая располагается на казенной муфте ствола. По отдельному заказу можно изготовить сменные гладкие или нарезные стволы под патроны .22WMR, .222 Rem., .223 Rem., 5,6x50R Mag., 7x57R, 7x65R, 7,62x39, 7,62x51, 7,62x54R, 7,62x63, 8x57 JRS, 9,3x74R. Нарезные стволы изготавливаются длиной 600 мм, а вес ружья с нарезными стволами не более 3,2 кг.

Цевье и приклад изготавливаются либо из бука, либо из тонированной березы.

М. БЛЮМ

Уважаемая редакция! В № 3 за 2004 год прочитал в вашем журнале заметку В. Семенова из Санкт-Петербурга «Ай да егерь, ай да сукин сын!» и должен сказать, что эта ситуация, похожая на байку (разделение дичи на пернатую и водоплавающую), очень даже реальная. Да, бывают такие службы, которые слишком рьяно и тупо выполняют свои обязанности, видимо из-за панического страха потерять работу.

Но не стоит судить слишком строго этого бедолагу — не он один такой, подобные грамотеи имеются и на более высоком уровне. Например, начальник охотуправления республики Алтай тоже разделяет дичь на пернатую и водоплавающую (Приказ № 81 от 14.08.02 прилагается). Это также закреплено в Правилах охоты (ст. 7.4), утвержденных Правительством РФ 22.07.02 г. постановлением 192. Кстати, это не единственный ляпсус в наших правилах.

А сколько таких амбициозных чиновников в нашей России, которые свою безграмотность и некомпетентность компенсируют произволом и отсебятиной! А страдает наш брат охотник.

Тут есть о чем поразмыслить начальникам охотничьего хозяйства в Москве, так как наши выступления в местной прессе и обращения к властям республики результаты не дают.

В. ТОКАРЕВ
Алтай

Здравствуйте, дорогая редакция! Решил поделиться с вами своей бедой. Мне 20 лет. В 2002 году я с друзьями Санькой и Ванькой решил построить охотничий домик. Все лето каждые выходные мы проводили в лесу и к осени достроили. Удобно было в избушке переночевать охотникам и рыбакам-харюзатникам, как наш Ванька.

Я охочусь с ИЖ-43, а у Сани есть «Зимсон», «Олень» и

ТОЗ-34, и еще ИЖ-58, ТОЗ-БМ — выбирай на вкус. Многие охотники нам говорили, что хорошую избушку мы построили, от души. Сам я, признаться, думал, что получится хуже, ведь это наш первый опыт в таком деле.

В мае прошлого года ребят забрали в армию, они сейчас служат в одном отряде на Кавказе. Я ходил осенью на охоту, ночевал в избе, все было нормально, никто не баловал. И вот 25 октября пошел на охоту по перу, прихожу к избе, а ее сожгли... Такая обида меня взяла, что и словами не передать! Может, тот, кто это сделал, прочитает ваш журнал, так мне хочется сказать ему, что он — нелюдь и уж тем более не охотник, и таким не место в нашем обществе охотников. Спасибо за внимание!

АНДРЮХА
Челябинская обл.

Уважаемая редакция, здравствуйте! Не хочу оставаться в стороне по поводу статьи «Кто защитит амбу?» На протяжении многих лет я отслеживаю поступающую информацию о тиграх. Сделал следующий вывод. Тигр — страшный вредитель. Мы предоставили этому реликту всю уссурийскую тайгу. Уперлись, понимаете, «тигр, тигр, гордость уссурийской тайги, пережил эпоху сибирского облечения», и Красная книга место ему наша. Законы, наука — все для тигра. Если исчезнет — все, летальный исход! А на сегодняшний день уссурийская тайга — пустая в прямом смысле слова. Сожрал полосатый все, что можно. Сигналов очень много, я сам из тех мест, да и Храмов поishes, что он обошел весь клоч и ни единого следа кабана, изюбря, но встретил зато след тигра.

Пройдет еще лет пять-семь, и закончится кормовая база для тигра. Крупный тигр съедает за раз до 16 кг мяса, а 10 кг — это для среднего ежедневный рацион питания. Что бы вы там ни говорили, а пришло время его отстреливать. А то человеку уже и в тайгу зайти нельзя. Зашел — спровоцировал тигра. Человек забирает мяса из тайги

процентов пять, остальные 95 % — это для тигра.

Сколько людей из тайги не вернулось, одному Богу известно, сколько рабочих лаек погибло от зубов этого хищника. Только я знаю десятки таких случаев. Да и в деревне — задавил одну собаку, другую, вроде как норма... И коров сколько гибнет...

Нам нужна не только программа сохранения амурского тигра, но и программа разведения изюбря, кабана и других охотничьих зверей.

П. КАШИРИН
Сахалинская обл.

Десять лет назад, заканчивая строительство дачного домика, я поднял последнюю доску из штабеля и... нашел ежиное гнездо вместе с его хозяином. Дело было в октябре, и мне пришлось спешно соорудить новое жилище и переселять в него попавшего в беду сонного ежа. В одном из углов террасы, дальнем от входной двери, я сколотил из толстых досок ящик с полом и потолком, оставил просторный лаз, постелил туда мелко нарубленного сухого камыша, сена и стружек и перенес туда гнездо с ежом.

...В июне стали с женой наблюдать, как из-под дома по вечерам выползают еж и два ежонка величиной с детскую vareжку. Кормили мы их молочком, творогом, куриными косточками. Очень полюбили наши постояльцы жареных и вареных рыбок. Столовую я им оборудовал у крыльца под кустом смородины. Если нечего было подать к столу, специально шел с удочками за ротанчиками на ближайший пруд. Однако сырую рыбешку есть они не желали, зато сыр и молоко предпочитали любому корму.

С тех пор так и живут из года в год у меня ежи с ежатами, вечерами выходят к кормушке. За лето малыши набирают вес и сравниваются по величине со взрослыми зверьками. И когда встречаешься с их диким собратом на лесной или луговой тропе, сразу видна разница — мои большие и толстенькие. Где-то читал, что если ежонок не набирает к зимней спячке 500 граммов веса, он ее не пере-

носит. Наши питомцы, уверен, набирают. Спите спокойно, симпатичные зверьки, успешной вам зимовки!

В. ВОЛОСТНИХИН
г. Москва

Мне 64 года, из них 52 я охочусь. В 60-е годы XX века на Урале еще водилась боровая дичь и косач был не редкость. Учились мы в поселке Верхотурском, недалеко от станции Верхотурье. Как-то воскресным ноябрьским днем решил я поохотиться на косачей. Была у меня на примете одна береза, на которой я часто видел сидящих косачей. Возле нее я и поджидал добычу.

Мне тогда было 16 лет, ружье имел одноствольное 16 калибра, которое я купил на заработанные мною летом деньги. Недалеко от места, где я расположился, находилась березовая рощица, где тоже устроились охотники — один оказался моим соседом, а другой — недавно приехавшим в поселок доктором, который был в зеленой фетровой шляпе (у нас зимой в таких никто бы не пошел, все ходило в ушанках). Прошли они метрах в пятидесяти, меня не заметили, а я за ними наблюдал. Через несколько минут раздался выстрел.

Смотрю, вышли из березняка, идут в мою сторону. Я выхожу из укрытия, здороваюсь, и вдруг вижу, что левая рука у доктора обмотана кровавым платком. Оказалось, что он стволами зацепил снег и решил их почистить. Правой держал шейку приклада, а левой стал вычищать снег из стволов и случайно нажал спусковой крючок.

Рассказал я эту историю для того, чтобы еще раз напомнить, что оружие не терпит небрежного к себе отношения и жестоко за это наказывает.

А. СУХАРЕВСКИЙ
г. Спасск-Дальний
Приморского кр.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Журнал я начал читать с 1979 года и не расстаюсь с ним по сих пор. Мне 46 лет, 28 из них я состою в обществе охотников и рыбо-

ловов. Любовь к природе и животному миру привил мне дед.

После службы в армии довелось работать в Казахстане, на космодроме Байконур. Там я впервые понял, что такое охотничий рай. Но, как говорится, хорошо в чужой сторонке, а дома все равно лучше. Вернулся в родной Бузулук, ознакомился с охотниками. Организовали мы свой первичный коллектив.

Но время неумолимо уходит, а вместе с ним уходят и умудренные опытом, любящие всей душой природу друзья-охотники. К великому сожалению, в последние годы в ряды ООИР приходят современные, как я их называю, ружьевладельцы, которые считают, что настоящий охотник тот, кто больше до-

был дичи, причем любым методом.

Весной 2004 г. по нашему Оренбургскому телевидению показали открытие весенней охоты на уток, показали самое что ни на есть браконьерство! Охотилось 15 человек. Ни одного скрадка-шалаша, ни подсадных, ни чучел. В кадре бродят какие-то стрелы неприкаянные и палят по высоколетящим стаям уток и гусей. В итоге расстреляно 700 патронов, а добыто всего несколько птиц. Да после такой канонады утки не только гнездиться на наших озерах не будут, но и облетать нас за сто верст станут. Не таких охотников показывать надо! Есть еще на святой Руси-матушке настоящие охотники, хранящие правила и традиции рус-

ской охоты.

И еще вот о чем болит сердце у наших охотников. На территории нашего района и прилегающей Самарской области расположен сосновый массив площадью 87 000 гектаров, который известен как Бузулукский бор. Это уникальное творение природы. О нем есть упоминание в географических описаниях земель Московии и Татарии, которые проводились в 1552 году англичанином Джекенсоном. До сих пор сохранились сосны, которым более 300 лет. В бору растут 49 пород деревьев, 600 видов трав. Водятся лоси, кабаны, косули, рысь, лиса, заяц, белка, куница, бобр, многие виды птиц. Вот уже несколько лет общественность и природоохранные организации бьют-

ся за придание ему статуса национального парка. Но в дебрях министерств нашлась «пень-колода», которая не дает этому возу доехать до финиша, хотя собран весь пакет необходимых документов.

А причина всему, вероятно, нефть, запасы которой разведаны в 1964 г. под Бузулукским бором. Эксперты-экологи опубликовали в газетах, какие могут быть последствия, если здесь начнут добывать нефть: упадет уровень грунтовых вод, и бор погибнет, так как он растет на песчаных дюнах. Масса песка затянет протекающие через бор реки Самару и Боровку. Могут погибнуть пойменные леса по реке Самаре.

А. ГОЛУБЕВ
Оренбургская обл.

ФОТО НА КОНКУРС

В. БОРИСОВ, Курганская обл. 2004 г.

ПЕТРЕНКО В. Сибирская пушнина	1
ЖИРИНОВСКИЙ В., САВЕЛЬЕВА К. Будущее русской охоты прекрасно (интервью)	4
СЕВАСТЬЯНОВ А. Журавлиная дорога	6
КУЧЕРЕНКО С. Уссурийский кабан	8
ФАЙЗУЛЛИН А. Забытый ученый	12
ИНОЗЕМЦЕВ А. Природа и общество: пути гармонизации	14
ФЛИНТ В., БЕЛЯКОВА Т. Законодательная охрана животных в России: плюсы и минусы	16
МАСЛЕННИКОВ Ю. Рыдай	18
РЯБОВ В. Состязания лаек	22
КОЛУШЕВИЧ Л. За кедровыми шишками	24
АЛХИН И. О тульских полуавтоматах	26
КУЧЕРЕНКО С. Мир тесен	28
СЕНОГНОВ К. Воспоминания об охоте	32
ТРУШИН О. Великий жизнелюб	34
ДЁЖКИН В. Охотничье хозяйство Северной Америки и российские реалии: обоснованность сопоставлений	40
БЛЮМ М. Современные варианты ИЖ-18	42
Письма читателей	45
Реклама	46
ШИШКИН В. Веслоногие	13, 31, 41, 48

На первой странице обложки:

Октябрь — время начала пушного промысла. Пожелаем всем охотникам на пушных зверей — любителям и промысловикам — удачной охоты в сезоне 2004—2005 г.

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:

Золотая лиственничная осень, вот-вот тайгу покроют перья снега, пора подаваться к заветным промысловым угодьям

Фото Ю. Коковина

Фотоконкурс «Охота и природа, 2003»

На четвертой странице обложки:

Яркие краски, бодрящий воздух делают поход в осенний лес желанным и приятным

Фото А. Севастьянова

К фотоочерку «Журавлиная дорога»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 03.08.2004 г. Подписано к печати 09.09.2004 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 29030 экз. Заказ 934. Цена 30 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

ОАО ордена Трудового Красного Знамени

«Чеховский полиграфический комбинат»

142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336, факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ВЕСЛОНОГИЕ

Описанием бакланов мы завершаем обзор представителей отряда веслоногих российской фауны. Всего в семействе баклановых выделяют до 40 видов, обитающих по морским побережьям от Арктики до Антарктиды. Селятся бакланы по берегам и островам крупных пресноводных и солоноватых водоемов. **Бакланы** — прирожденные рыболовы, подводные охотники. Клюв длинный, тонкий, с крючком на конце, контурное оперение короткое, плотно прилегающее. Все четыре пальца на ноге соединены перепонками. Ноги короткие, сильные, отнесены далеко назад — прекрасные ласты. Перья бакланов однако намокают, и после подводной охоты птицы подолгу сушат их, сидя на берегу в характерной позе с развернутыми крыльями. Хвост довольно длинный, слабо-ступенчатый. Среди баклановых встречаются довольно крупные виды весом до 3—4 кг, мелкие бакланы весят около 0,5 кг. В окраске доминируют черные, бурые тона с металлическим блеском и чешуйчатым рисунком, у ряда видов контрастируя с белыми участками оперения. Голые участки кожи у основания клюва бывают ярко окрашены. В брачный сезон появляются украшающие перья. Гнездятся бакланы колониями, иногда очень крупными. В рационе разнообразная рыба.

Несмотря на неприятный рыбный запах, мясо бакланов используют в отдельных районах в пищу, но настоящей охотничьей дичью эти птицы, конечно, не могут считаться. В некоторых странах Дальнего Востока бакланов приучают приносить пойманную рыбу. Мероприятия по регулированию численности бакланов, приносящих вред каким-либо рыбозаводным хозяйствам, должны быть тщательно продуманы и обоснованы с участием специалистов-биологов. Известно, что часть видов бакланов находится под охраной, но даже массовые виды могут исчезнуть из-за неумеренного пресса человека, как случилось с большим бакланом на Байкале в 50-х гг. прошлого века.

В России гнездятся шесть видов бакланов. Самый крупный — **большой баклан** (вес до 3 кг, размах крыльев до 1,5 м), встречается от Мурмана до Приморья, хорошо освоил и внутренние водоемы. Особенно крупные колонии известны в дельте Волги, в Астраханском заповеднике. Окраска оперения черная с зеленоватым и медноватым отливом (у подвидов, гнездящегося на Мурмане, блеск фиолетово-синий). Желтая голая кожа у основания клюва охвачена снизу полукольцом белого оперения. В брачный сезон по бокам головы и шеи возникает узор из тонких белых перьев, белое пятно появляется у вершины бедра. Радужина зеленая. Оба пола окрашены сходно. Молодые — бурые с беловатым брюхом. На колонии прилетают в марте, строят и подновляют гнезда (иногда массивные) на деревьях, заломах тростника, на скалах. В кладке обычно 3—5 голубоватых или зеленоватых яиц. Насиживание около месяца. Птенцы сначала голые (кожа черная), покрываются вскоре черновато-бурым пухом. Подлетывать начинают через 50 дней.

В Красную книгу России занесены обитающий у нас на Кольском полуострове **хохлатый, или длинноносый, баклан**, а также гнездящийся в Причерноморье и Прикаспии **малый баклан**. Хохлатый баклан меньше большого (вес до 2 кг, размах крыльев около 1 м). Оперение черное с зеленым металлическим блеском. Кожа у основания клюва желтая, радужина зеленая, в сезон размножения на лбу вырастает хохол. Гнездится на скалах. Специально охраняется в Кандалакшском заповеднике.

Малый баклан почти вдвое уступает размерами большому (вес 0,6—0,8 кг, размах крыльев меньше метра). В брачный период большая часть оперения черная с металлическим блеском, а голова становится коричневатой-бурой. По всему телу возникает мелкий беловатый крап. Радужина, клюв (довольно короткий), лапы темные. Иногда селится в колониях рядом с большим бакланом, цаплями. Специально охраняется в Астраханском заповеднике. Численность в России малого и хохлатого бакланов вряд ли превышает 1 тыс. пар (каждого). О наших дальневосточных бакланах, в том числе об исчезнувшем, вероятно, в середине XIX в. стеллеровом баклане, мы расскажем в следующем номере.

В. ШИШКИН

